

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press
2014

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2014

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **главный редактор**
О.А. СМIRНИЦКАЯ, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **зам. главного редактора по лингвистике**

Е.В. КЛОБУКОВ, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка — **отв. секретарь по лингвистике**

Н.А. СОЛОВЬЕВА, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы — **отв. секретарь по литературоведению**

Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности — **оргсекретарь**

Члены редколлегии:

Т.Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М.В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И.М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т.А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С.И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М.М. Филипповой*

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. 697-31-28.

119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет

Подписано в печать 10.03.2015. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,0.

Уч.-изд. л. 14,78. Тираж 570 экз. Изд. № 10 069. Заказ №

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-летию М.Ю. Лермонтова

<i>Кормилов С.И.</i> Роман о преходящем и вечном: социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени». Статья вторая	7
<i>Зыкова Г.В., Пенская Е.Н.</i> Д.Е. Максимов в переписке с А.И. Журавлевой: Документы к истории лермонтоведения второй половины XX века	34

Статьи

<i>Чекалина Е.М.</i> Аналитическая конструкция с аспектуальной семантикой в современном шведском языке	48
<i>Кузнецова И.Н., Курбанова К.И.</i> Эмфатическое и тема-рематическое членение фразы во французском языке в сопоставлении с русским языком	67
<i>Макарова Л.Е.</i> Развитие теории словесности в русских риториках конца XVIII – начала XIX века (на материале трудов М.В. Ломоносова, И.С. Рижского, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча)	76
<i>Макеев М.С.</i> Об источниках образов стихотворения Н.А. Некрасова «Сон» (1877): Некрасов и Николай Федорович Фермор	94
<i>Шешкен А.Г.</i> Илья Николаевич Голенищев-Кутузов – переводчик поэзии югославян в России (к 110-летию со дня рождения)	108

Материалы и сообщения

<i>Герасимова К.А.</i> Н.С. Лесков и книгоиздательство «Посредник»	123
<i>Сафуанова А.И.</i> Типология героев-протагонистов в русской драматической сказке 1930–1940-х годов (на материале пьес Е.Л. Шварца, С.Я. Маршака и Т.Г. Габбе)	131
<i>Октябрьская О.С.</i> Роль семьи в воспитании ребенка в романе Валентины Осеевой «Динка»	139
<i>Андрейчук К.Р.</i> Символы в новелле Пера Лагерквиста «Вечная улыбка»	146
<i>Курсакова Е.И.</i> Течение Католической Модерны в контексте словацкой поэзии 30–40-х годов XX века	160
<i>Ли Чжухонг.</i> Корпусный анализ форм будущего времени в русском языке: статистика и коллокационные закономерности	169
<i>Блок Э.Е.</i> Прогноз звуковых замен в речи инофона на основе контрастивного лингвистического анализа и эмпирических наблюдений (на материале русского и немецкого языков)	176
<i>Попова О.В.</i> Реализация начального алефа в формах Gtn-ПОРОДЫ глагола <i>arālu(m)</i> в нововавилонских текстах из Ура	189
<i>Снесарева М.Ю.</i> Дублинцы и их ирландский: палатализация в условиях двуязычия	196

Критика и библиография

<i>Макеев М.С.</i> Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 10: Материалы цензорской деятельности. СПб.: Наука, 2014.	207
<i>Кретова Е.Д.</i> Литературная культура России XVIII века. Вып. 5 / Под ред. П.Е. Бухаркина и Е.М. Матвеева. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014	213

Научная жизнь

<i>Москвин Г.В., Пуряева Н.Н.</i> Юбилейная лермонтовская конференция на филологическом факультете МГУ	218
<i>Золотухина А.И.</i> «Классическая филология в контексте мировой культуры–VII». Научные чтения, посвященные 90-летию со дня рождения Валентины Иосифовны Мирошенковой (МГУ, 26 ноября 2014 г.)	225

Памяти...

Татьяна Борисовна Алисова (20.02.1924 – 28.11.2014)	230
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» за 2014 год	233

CONTENTS

Towards the Bicentennial of M.Yu. Lermontov

<i>Kormilov S.I.</i> A Novel about the Transient and the Eternal: Of Social History and General Humanity in 'A Hero of Our Time'. Article 2	7
<i>Zykova G.V., Penskaya E.N.</i> D.E. Maksimov in Correspondence with A.I. Zhuravlyova: Papers for the History of Lermontov Studies in the Second Half of the XX Century	34

Articles

<i>Chekalina E.M.</i> The Analytic Construction with Aspectual Semantics in Modern Swedish	48
<i>Kuznetsova I.N., Kurbanova K.I.</i> The Emphatic and Topic-Comment Articulation of a Phrase in French as Contrasted with Russian.	67
<i>Makarova L.E.</i> Evolution of the Theory of the Belles-Lettres in Late XVIII – Early XIX Century Russian Rhetorical Manuals (as illustrated by works of M.V. Lomonosov, I.S. Rizhsky, A.F. Merzlyakov, N.I. Gretch).	76
<i>Makeyev M.S.</i> On the Sources of Images in N.A. Nekrasov's Poem 'The Dream' (1877): Nekrasov and Nikolay Fedorovich Fermor	94
<i>Sheshken A.G.</i> Ilya Nikolayevich Golenishchev-Kutuzov – a Translator of the Yugoslavs' Poetry for Russia (towards the 110th anniversary of his birth).	108

Communications and Materials

<i>Gerasimova K.A.</i> N.S. Leskov and the 'Posrednik' Publishing House	123
<i>Safuanova A.I.</i> The Typology of Protagonists in the 1930s-1940s Russian Dramatic Fairy-Tale (on the basis of materials from plays by E.L. Schwartz, S.Ya. Marshak and T.G. Gabbe)	131
<i>Oktyabr'skaya O.S.</i> The Role of the Family in the Child's Education in Valentina Oseyeva's Novel 'Dinka'	139
<i>Andreichuk K.R.</i> The Genesis and Role of Symbols in Pär Lagerkvist's Novel "The Eternal Smile"	146
<i>Kursakova E.I.</i> The Slovak Literary Movement 'Catholic Modernity' in the Context of the 1930s–1940s Slovak Poetry.	160
<i>Li Chzhuhong.</i> A Corpus-based Analysis of Future Tense Forms in Russian: Statistics and Colloconstructional Regularities	169
<i>Blok E.E.</i> The Forecast for Sound Substitutions in a Foreigner's Speech on the Basis of Contrastive Linguistic Analysis and Empirical Observations (as illustrated by materials from Russian and German)	176
<i>Popova O.V.</i> Realization of the Initial I? in the Forms of the Gtn-stem of the Verb <i>apālu(m)</i> in the Neo-Babylonian Texts from the City of Ur.	189
<i>Snesareva M.Yu.</i> Dubliners and Their Irish: Palatalization under Conditions of Bilingualism	196

Critique and Bibliography

<i>Makeyev M.S.</i> Goncharov I.A. Complete Works and Letters: in 20 volumes. Volume 10. The materials of the censorship activities. St Petersburg: Nauka, 2014	207
<i>Kretova E.D.</i> The Literary Culture of the XVIII Century Russia. Issue 5 / Edited by P.E. Bukharkin and E.M. Matveyev. St Petersburg: The Faculty of Philology of St Petersburg State University, 2014	213

Scholarly Life

<i>Moskvin G.V., Puriayeva N.N.</i> The Jubilee Lermontov Conference at the Moscow State University Faculty of Philology.	218
<i>Zolotukhina A.I.</i> "Classical Philology in the Context of the World Culture – VII". Scholarly Readings devoted to the 90th anniversary of Valentina Iosifovna Miroshenkova's birthday (Moscow State University, November 26, 2014).	225

In Memory of Those Gone from Us

Tatiana Borisovna Alisova	230
<i>Index of articles and other matter published</i> in the journal "Moscow University Herald. Series 9. Philology" in 2014	233

К 200-летию М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

С.И. Кормилов

РОМАН О ПРЕХОДЯЩЕМ И ВЕЧНОМ

Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени»

Статья вторая¹

В первом русском социально-философском романе не ставятся конкретные общественно-исторические, а тем более политические проблемы (герой романа Печорин совершенно ими не интересуется), но убедительно показан нравственный упадок российского дворянского общества в 1830-е годы как следствие утраты им высоких идеалов, «прозаизации» жизни. Вместе с тем причина страданий и ранней смерти Печорина – противоречие между его деятельной натурой и иллюзорной жизнью, «мечтой», которой он с юных лет подменил жизнь настоящую. В работе рассматриваются общечеловеческие проблемы счастья, взаимопонимания между людьми, активной жизненной позиции человека, свободы воли, сопротивления судьбе и другие в художественном воплощении Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, Печорин, общество, поведение дворян, жизнь, счастье, борьба, судьба.

In the first Russian social-philosophical novel no particular social-historical, nor even political problems are discussed (the main character Pechorin is not interested in them at all). But the author clearly emphasizes the moral decline of the Russian noble society in the 1830s as a result of their losing their high ideals and accepting the 'down-to-earth approach' in their lives. At the same time the reason why Pechorin suffers and dies early is the conflict between his active character and the illusory life, a 'dream', with which he has been substituting his real life since he was young. In the work the universal problems of happiness, mutual understanding, an active life position, free will, resistance to the fate etc. in the literary work of Lermontov are discussed.

Key words: Lermontov, Pechorin, society, behavior of the nobles, life, happiness, struggle, fate.

До сих пор о герое лермонтовского романа высказываются противоположные суждения. Некоторые литературоведы, по сути, повторяют, не признаваясь себе в этом, приговор Печорину, вынесенный таким неквалифицированным читателем, как Николай I, в письме к жене: «<...> нахожу вторую часть отвратительной, вполне

¹ Статью первую см.: Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 5. С. 7–32.

достойной быть в моде. Это то же самое изображение презренных и невероятных характеров, какие встречаются в нынешних иностранных романах. Такими романами портят нравы и ожесточают характер. <...> Какой же это может дать результат? Презрение или ненависть к человечеству!»² Первая часть понравилась венценосцу характером нерефлектирующего Максима Максимыча, которого он называет просто капитаном (Печорина царь тоже не соблаговоляет именовать так, как автор или рассказчики), – сразу не разобрал, кто будет главным героем, – а если там кто-то с горцами не церемонится, так это для Николая Павловича, по-видимому, и правильно. Во второй части создатель русского психологического романа, по мнению самовластного критика, вывел только «презренные» и «невероятные» характеры. Так власть ценит не просто талант – поразительную даже для русской литературы XIX в. гениальность.

Разница с некоторыми современными литературоведами состоит в том, что Николай вместе с героем отвергал и роман, а они только порицают героя, полагая, будто мыслят так же, как Лермонтов. «В оценке личности Печорина очень велик соблазн упрощения, что вполне понятно. Ибо герой сам готов оценивать себя наихудшим образом. Но не следует ему поддаваться»³. Однако, например, А.М. Марченко в своей последней книге о Лермонтове так же, как в более ранних публикациях, поддается персонажу, которого очень не любит. По ее словам, статья Белинского о «Герое нашего времени» – «защита, почти апология Печорина – на полтора столетия вперед определила судьбу романа»⁴. Не соглашаться же современной женщине с Белинским, захваленным советским литературоведением! Замечая, что вопреки авторскому предисловию в «Герое нашего времени» нет «характеристики *всего поколения*»⁵, она приводит цитаты из «Думы» как поэтического «комментария» к роману и побивает ими Белинского: у него «сердце жаждет интересов жизни», у Лермонтова «и жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели»; у критика «его страсти – бури», у поэта «и ненавидим мы, и любим мы случайно»; в статье «его заблуждения... острые болезни в молодом теле, укрепляющие его на долгую и здоровую жизнь» (действительно большая натяжка), в сти-

² М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 394.

³ *Нестор (Кумыш)*, игумен. Тайна Лермонтова. СПб., 2012. С. 494. Еще в 1920-е годы Д.П. Святополк-Мирский писал, что Печорин – «сильный молчаливый человек с поэтической душой, который из благородной скромности и глубокого презрения к стаду, особенно аристократическому, носит маску сноба и наглеца. Он способен на благородные и искренние страсти, но жизнь лишила его возможности их проявлять <...>» (*Святополк-Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Руфь Зернова. Л., 1992. С. 246).

⁴ *Марченко Алла.* Лермонтов. М., 2010. С. 508.

⁵ Там же.

хотворении «в бездействии состарится»⁶. Но авторское предисловие ко второму изданию романа, ответ на критику в адрес первого, далеко не адекватно позиции Лермонтова, а Марченко сама же отметила, что в «Герое нашего времени» характеристики *всего поколения* нет, значит, и нельзя сказанное в «Думе» целиком переносить на Печорина. Принадлежа своему поколению не только по возрасту, он вместе с тем ему *противостоит*. На Кавказе он, несомненно, в ссылке и намеревается уехать, «как только будет можно»⁷. Какая-то история с ним в Петербурге, по словам Вернера, кажется, «там наделала много шума...» (4, 229). Игнорируя статус подневольного офицера «с подорожной по казенной надобности» (4, 219), Марченко представляет Печорина благополучнейшим человеком: «Подозрительна уже легкость, с какой не служащий (ни по какому ведомству) Григорий Александрович получает столь дефицитную подорожную»⁸. Для служивших по военному ведомству (да читала ли Марченко роман?) ссылка имела форму служебного перевода из Петербурга на Кавказ. Им вручали отнюдь не дефицитную в таких случаях «подорожную по казенной надобности». Даже чистоплотность героя критикесса ставит ему в вину: «Применительно к Печорину, в контексте портрета, ослепительно чистое белье, изобличающее «привычки порядочного человека», и в самом деле изобличает: отдает иронией, и отнюдь не доброй»⁹.

У.М. Тодд III тоже спорил с Белинским и пытался найти у Лермонтова ироническое отношение к самому глубокому из созданных им образов: «Доказывая незаурядность героя, критик опирался на такие места романа, как декларация Печорина о своем несостоявшемся величии <...> и хвалебное слово Веры о духовной силе ее возлюбленного <...>, однако ни одно из них не подкреплено мыслями или действиями Печорина в прочих частях романа. Тем временем Лермонтов вступил в диалог с критиками<...>. Второму изданию он предпослал предисловие, где предложил отнестись к тексту с “иронией”, повторяя лишь мысль, уже прозвучавшую в предисловии к “Журналу Печорина”, где читателя тоже просили оценить роман,

⁶ Там же. С. 508–509.

⁷ Лермонтов М. Полн. собр. соч.: <В 4 т.> Т. 4. М., 1953. С. 195. Далее том и страницы этого издания указываются в тексте. В позднейших собраниях сочинений орфография и пунктуация меньше соответствуют лермонтовским.

⁸ Марченко Алла. Лермонтов. С. 513. Вопреки очевидности Марченко пишет: «На то, что и из Петербурга Печорин не сослан, намекают и маршруты его кавказских странствий: он то участвует (вместе с Грушницким) в деле на Правом фланге, то оказывается в Тамани, то перебирается в Пятигорск на все долгое кавказское лето, хотя в отличие от Грушницкого, находящегося на излечении, не имеет на то формального права» (там же. С. 521). В статье первой уже цитировалось письмо Лермонтова с Кавказа: «Здесь, кроме войны, службы нету <...>» (4, 342).

⁹ Марченко Алла. Лермонтов. С. 515.

героя и заглавие в ироническом ключе»¹⁰. В предисловии ко второму изданию ни о какой «иронии» речи нет, Лермонтов только посмеивается над публикой, решившей, что Печорина ставят ей в пример (он словно прямо отвечает на письмо Николая I!). В предисловии же к «Журналу Печорина» он вовсе не «просил» отнестись к герою и тем более ко всему роману иронически, наоборот, не поддерживал возможное мнение читателей о его заглавии: «“Да это злая ирония!” скажут они. – Не знаю» (4, 210). Запутавшись в предисловиях, Тодд обобщает содержание романа, заявляя, что Печорин «пишет о давлении общества и приводит убедительный деструкционный анализ “света”, в котором сам вращается, но его противостояние обществу выражается в том, что он играет в те же игры, разве что лучше»¹¹. Тодд не видит или не хочет видеть, как Печорин *страдает* из-за своей принадлежности к презираемому им «свету», из-за невозможности заняться чем-либо кроме «игр». Собственно, и Лермонтов из своих ссылок стремился вернуться в «свет» – при всех пороках единственное тогда интеллектуальное общество. А Печорин даже не хочет возвращаться в него надолго, еще в крепости говорил Максиму Максимычу о своем намерении путешествовать в одиночестве, в далеких краях с совершенно чужой для него культурой («родственная» Европа его отпугивает).

С.В. Савинков и вовсе вставляет в главу о «Герое нашего времени» своей книги раздел под названием «Печорин как лермонтовский “анти-герой”»¹². В духе Аллы Марченко он провозглашает, что «героическое былое Печорина оказывается виртуальным. Печорин, будучи в своем воображаемом былом матросом с разбойничьего брига, в своем действительном настоящем оказывается тем, кто не умеет плавать»¹³. Насмешка неуместна. Холодная Нева, тем более в черте города, не располагала петербургских дворян к купанью, а ездить отдыхать в Крым тогда не было принято. Кстати, неизвестно, умел ли плавать Лермонтов. Притом мечтательство Печорина С.В. Савинков как бы и оправдал: «К слову сказать, мечтательство, с точки зрения богословской догматики, есть не что иное, как следствие обольщения ума злыми силами»¹⁴. Значит, Печорин лично не так уж и виноват – бес попутал.

А.А. Аникин, «дополняя» комментарии С.Н. Дурылина, применяет к его концепции собственную, противоположную. Дурылин писал, что Печорин не асоциален, ему необходимы другие люди, но

¹⁰ Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., МСМХСХVI. С. 191.

¹¹ Там же. С. 192.

¹² Савинков С.В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004. С. 243–249.

¹³ Там же. С. 242.

¹⁴ Там же. С. 240.

что всякий раз в новой среде он всегда одинок; что он выше своей общественной среды, это высокоодаренный человек в тисках убогой действительности; что в сцене расставания с доктором «приговор» выносится Вернеру, а не Печорину¹⁵ (Тодд III считает, что наоборот¹⁶). «Дополнения» выдержаны опять-таки в духе А.М. Марченко. «Как личность, — пишет А.А. Аникин, — Печорин лишен прежде всего двух качеств: цельности и зрелости. В нем чрезвычайно большой потенциал личности, но не итог ее развития. Этого развития в конце концов не хочет и сам герой, с оттенком суицида идущий к смерти. Поэтому мнимая зрелость Печорина — это только “зрелость” рано умершего ребенка. <...> Даже половое его чувство остается незрелым — без стремления к отцовству, к браку...»¹⁷ Да, он не хочет, чтобы у него было родное существо, которое бы мучилось подобно ему. «Зрелый» Аникин не видит, что такая жизненная позиция может отличать только высокоразвитую личность, страдающую оттого, что слишком много понимает в жизни, обществе, отечестве. Между тем самоуверенный литературовед почему-то считает, будто Печорин постоянно думает о смерти как единственной «истине», и противоречит только что им сказанному, находя представления героя лишь *кажущимися* ребяческими: «Его философия и мораль могли бы казаться чем-то ребяческим, как и нигилистическое отношение к науке, религии, обществу и отечеству, семейственности и проч., если бы не весомость и величие постоянной мысли о смерти как единственной истине. Своего рода заведомо, сознательно безнадежным сопротивлением этой мысли становится постоянное самоутверждение личности, доказательства своей значимости и воли — мелочные, приведенные чаще всего в контрасте с величием смерти <...>. Но под знаком смерти Печорину вообще безразлично, *как* он проживет на свете, и все его дерзости — уступка чувствам, причем заведомо никчемная. В каком-то смысле окаменевший от фатализма Вулич величественнее Печорина»¹⁸. Впрочем, возвеличивать их общество Аникин все-таки не хочет и потому отождествляет, подобно А.М. Марченко, жизненные позиции героя и негероев времени. Выделив Максима Максимыча и «скромного» рассказчика, он обобщает: «Большинство же остальных героев явно представляют печоринский тип, не случайно они им и

¹⁵ См.: Дурьлин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., с дополнениями, подготовил А.А. Аникин. М., 2006. С. 77, 15, 33, 137, 118–119.

¹⁶ См.: Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. С. 189–190; Кормилов С.И. Роман о преходящем и вечном. Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени». Статья первая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 5. С. 17.

¹⁷ Дурьлин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., с дополнениями, подготовил А.А. Аникин. С. 88, 89.

¹⁸ Там же. С. 89.

выписаны...»¹⁹ Значит, нет особенной разницы между Печориным и Грушницким, драгунским капитаном и их компанией. До А.А. Аникина так суммарно характеризовал персонажей лермонтовского романа один Николай I. Заманчиво судить людей, хотя бы и вымышленных, по-царски.

Совершенно иначе рассуждают наиболее глубокие современные исследователи глубочайшего произведения – Т.К. Черная и игумен Нестор²⁰. Ведь у Лермонтова «высокая степень индивидуализации личности одновременно и степень приобщенности ее к наиболее общечеловеческим сферам бытия <...>. *Мерой нравственной высоты идеала, мерой страдания от неосуществленности этого идеала определяется гуманистическое содержание лермонтовского романа.* О нем нельзя судить по “обиходной”, бытовой философии (как Марченко или Аникин. – С.К.), по моральным критериям общественного, социального устройства. Именно эти нормы испытаны и отвергнуты и героем романа, и автором. И это не только бессодержательная пошлость светского общества, но и, увы, природная первобытная искренность, непосредственность и кажущаяся целостность нецивилизованной среды горцев, и простая человечность, ограниченная, к сожалению, невозможностью интеллектуального развития демократической среды, к которой принадлежит Максим Максимыч, и стихия романтической на первый взгляд жизни “честных” контрабандистов»²¹. Печорин «хотел, чтобы его любили все, и тогда он мог бы полюбить весь мир», однако в реальной жизни «рушатся все критерии истины как совершенства, а следовательно, и как справедливости.

Но все же глубоко в душе Печорина, как и у самого Лермонтова, ценности любви, нравственности, свободы и красоты остаются абсолютными, хотя и не найденными» (с. 385).

Масштаб лермонтовского художественного обобщения на материале современности – всемирный. «“Герой нашего времени” – это модель человеческой индивидуальности, обладающей самодостаточностью для бытия и настолько адекватной внешнему миру, что вопрос существует о процессах вхождения мира в эту личность и о вхождении личности в мир для достижения полной гармонии. Эта модель в итоге воплощается как философская идея, и философская

¹⁹ Там же. С. 136.

²⁰ Он, однако, в силу своего статуса обходит вопрос о «демонизме» Печорина, а самый большой раздел в его книге посвящен разоблачению страдающего Демона и интерпретации поэмы, над которой Лермонтов работал всю жизнь, совсем не в лермонтовском духе (см.: Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. С. 288–450). Что делать, работа такая.

²¹ Черная Т.К. Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. Ставрополь, 2004. С. 363–364. Далее страницы этой книги указываются в тексте.

личность становится центром лермонтовской художественной системы. Но реализуется эта личность в образе обыкновенного социального человека» (с. 370). В нем объединяются архетип, тип и индивидуальность (с. 373). Печорин всегда иной (с. 371), в его лице человек показан с разных сторон (с. 377). При этом он надевает ту или иную маску. «В “Максиме Максимыче” он играет роль черствого, скучающего человека, “принужденно” зевает, чтобы скрыть свои истинные чувства. Та же ситуация повторяется и с Вернером» (с. 394). Впрочем, дело обстоит еще сложнее. В «Максиме Максимыче» Печорин действительно скучает и действительно черств со стариком, но вместе с тем страдает, действительно скрывая это. Чувства Печорина и Вернера при их расставании тоже противоречивы и, конечно, очень сложны.

Предвосхищая книгу священнослужителя и заодно словно заранее полемизируя с ней, Т.К. Черная приходит к выводу: «Как форма духовной организации материального мира, “храм духа божия”, человек в лермонтовском романе довольно беспомощен» (с. 383).

В отличие от нее игумен Нестор делает акцент не на философских, а на психологических и моральных аспектах романа. В философских рассуждениях Печорина автор «Тайны Лермонтова» отмечает их особенность: они никогда не абстрактны, всегда основываются на опыте прожитых лет²². Если Т.К. Черная обращает внимание на то, что Печорин скрывает свои чувства от других, то священнослужитель – на то, что он так же поступает по отношению к себе. В истории с Мери «найдутся веские основания для сомнения в том, что <...> герой до конца познал самого себя. Он как будто все время что-то скрывает от самого себя, словно не решается самому себе признаться в чем-то. Каковы же на самом деле были чувства героя к героине?» (с. 489). Задумав только интрижку, он «начинает тянуться к ней своей душой» (с. 495). Печорин записывает: «Возвратясь домой, я заметил, что мне чего-то недостает. Я не видал ее! Она больна! Уж не влюбился ли я в самом деле?... Какой вздор!» (4, 254) – разубеждает он себя. Но вскоре опять задает себе этот вопрос. «Я<...> услышал стук их кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюблен?... Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать» (4, 257). Расставаясь с Мери, Печорин стремится убить в ней чувство к нему (с. 497–498), избавить ее от страданий, которые он ей принес. Видеть переживания княжны ему «становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее» (4, 283). Но ни к чему хорошему это бы не привело.

Любовь чистой, умной, тонкой девушки Печорин приобрел не одним искусством обольщения: «<...> не столько тактика Печорина,

²² Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. С. 504. Далее страницы этого издания указываются в тексте.

а прежде всего сама его личность вызывает в Мери исключительно сильное, всепоглощающее чувство» (с. 494). Она поняла его и «про-никлась к Печорину самой сильной и глубокой любовью – любовью сострадания. Печорин понимает это. <...> Он один знает, что нужно сделать, чтобы излечить Мери от постигшей ее болезни» (с. 497). Оттого и выставляет себя при прощении в наихудшем свете. Другим он тоже приносит зло – и тоже сочувствует. Например, не позволяет себе насмешки над мужем Веры (с. 505). Грушницкий пустил порочащий Печорина слух и тем сделал неизбежной дуэль. «Как во время вызова, так и во время самого поединка Печорин будет не столько мстить, сколько все время ставить Грушницкого в ситуацию нрав-ственного выбора, ища в нем проблески душевного благородства» (с. 510). Тот, получив право первого выстрела, мог либо разрядить пистолет в воздух, либо убить на шести шагах безоружного против-ника и сначала целился « прямо в лоб» (4, 275). Он было передумал, но когда секундант обозвал его трусом, будто бы в порядке защиты своей чести выстрелил, целясь уже не в лоб, а в ногу. Так поступали те дуэлисты, которые хотели нейтрализовать противника, не убивая его. Однако именно этой возможности Печорин Грушницкого лишил, потребовав стреляться на краю пропасти. Грушницкий тем не менее сделал вид, что не хочет его убивать. Но чуть более точный выстрел в ногу принес бы Печорину только более страшную смерть, а Груш-ницкому – видимость неучастия в дуэли перед начальством. «Таким выстрелом, – пишет исследователь, – Грушницкий достигал двух целей: сохранял свое жалкое самолюбие и в то же время оставлял возможность оправдаться перед судом своей совести» (с. 511). Ин-терпретация неточная. Даже подлецу трудно было бы выдать перед самим собой сверхподлый поступок за благородный. А Печорин и после сверхподлого поступка врага, нелепо прикрывшегося маской благородства, оставляет ему шанс выжить. В такой ситуации он, не признающий дружбы (только приятельство), считает нужным все же сказать, нарушая дуэльные правила (противники не должны были переговариваться, тем более используя обращение с неофициальным «ты»): «Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удо-влетворено; – вспомни, – мы были когда-то друзьями...» Это верх гуманности и подлинного благородства, которое наконец пробуждает искру благородства и в подлеце, пусть тоже в форме подлости (ис-ключительная нравственно-психологическая тонкость эпизода!), – он предпочитает смерть подлой жизни, правда, не владея собой от нена-висти. «– Стреляйте! – отвечал он: – я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарезу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...» (4, 277).

Подробнее и точнее всех игумен Нестор объяснил состояние Пе-чорина, когда он, не догнав уехавшую Веру, рыдает в степи, где ему не

от кого скрываться, лежа на земле, совсем как «дикарь» Казбич после похищения Карагёза, самого дорого, что у него было. В рыданиях светского молодого человека «слышна не только горечь потери Веры. В них заключено нечто гораздо большее. В его отчаянных слезах нашла свой выход та глубокая неудовлетворенность жизнью, которая скопилась в нем на протяжении нескольких лет. В них присутствовали и несостоявшаяся любовь к Вере, и насилие над своей душой в истории с княжной Мери, и убийство Грушницкого, и немое страдание оттого, что жизнь заключила его в круг людей, с которыми он не может найти ни одной общей точки соприкосновения, и глубокая разобщенность с самим собой от отсутствия ясной, высокой цели в жизни, и его полное бессилие что-либо изменить в своем существовании... Во всей нашей отечественной литературе, пожалуй, и нет больше таких мест, которые отображали бы неподдельный трагизм человеческой жизни с такой силой и проникновенностью» (с. 514). После этого только совершенно нечувствительные люди могут позволять себе читать мораль герою Лермонтова и насмехаться над ним.

Напрашивающееся сравнение рыдающих Печорина и Казбича не должно приводить к отождествлению «естественного», «природного» человека и человека как родового существа, что получилось у Е.Н. Купреяновой: «Вслед за Руссо и в противоположность Гельвецию и его последователю Бальзаку, Лермонтов видит в человеке прежде всего нравственное по своей естественной природе существо. Зло, которое Печорин вольно или невольно приносит людям, он сам осознает как искажение своей от природы альтруистической личности низостью окружающих его людей. Но не людей вообще, а определенной социальной среды, так называемого “светского” общества. Нравственные пороки этой среды, равно как и самого Печорина, не выражают тем самым естественных норм человеческой нравственности – или, точнее, безнравственности, – а, напротив, осознаются Печориным как нечто противоестественное, парализующее в человеке лучшие склонности его души»²³. Б.Т. Удодов справедливо оспаривает мнение, будто Лермонтов противопоставляет неиспорченного «естественного» и испорченного «общественного» человека, писатель сплошь и рядом имеет в виду человека как родовое существо²⁴. Вполне «естественного», «природного» человека в «Герое нашего времени», строго говоря, и нет, «дикари» фигурируют в нем как люди своей среды, весьма далекой от общечеловеческих идеалов (например, «Азамат – удалец и вместе с тем предатель, пренебрегший святым для горца кровным

²³ Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., 1976. С. 315–316.

²⁴ См.: Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989. С. 66–76.

родством»²⁵). Роман Лермонтова – интеллектуальный. «Лермонтов впервые в русской литературе вывел <...> героя, который прямо ставил перед собой самые главные, “последние” вопросы человеческого бытия – о цели и смысле жизни человека, о его назначении»²⁶.

Печорин «не угадал этого назначения» (4, 268) и не сваливает вину за это на время и общество, хотя основания для того есть и он сам говорит о влиянии на него света, недоверии к нему с самого детства, обо всем, что извратило его характер и чувства. Как член своего общества, его порождение и составная часть он обнаруживает высочайшую самокритичность. Вспомним все-таки «Думу», где равнодушное и изверившееся поколение – не «они», а «мы». Печорин, даже прекрасно зная свои возможности, предполагая свое «назначение высокое», не относится к тем, кто понапрасну думают кончить жизнь «как Александр Великий, или лорд Байрон» (4, 252). Уже в «Бэле» он предсказывает себе смерть «на дороге» (4, 195). Но некие общие представления о «назначении высоком» ему присущи. Прежде всего, жизнь для Печорина – действие и борьба. Не случайно сравнение с пиратом, который сжился с бурями и не выносит покоя. Идея действия – главная философская идея в творчестве Лермонтова. «Мне нужно действовать, я каждый день // Бессмертным сделать бы желал, как тень // Великого героя, и понять // Я не могу, что значит отдыхать» (1, 140), – писал юный поэт в стихотворении «1831-го июня 11 дня», увязывая идею действия с темой героя и героического, а через нее с темой бессмертия, т. е. высшего самоутверждения конечной жизни. Действие конкретизируется здесь прежде всего как борьба, преодоление сопротивления: «Так жизнь скучна, когда боренья нет» (1, 139). Вот и Печорин «чутко к каждому мгновению жизни, ибо слишком хорошо чувствует и ценит ее неповторимость»²⁷, и это ведет «к трагическому противоборству *героя с судьбой*»²⁸.

В «Фаталисте» Лермонтов говорит и о другой борьбе – бесплодной, даже губительной, – когда речь идет об иллюзорной жизни, мечтаниях, не реализуемых в действительности. Печорин «в первой молодости <...> был мечтателем», предавался беспокойному воображению. Результат этого – «одна усталость, как после ночной битвы с приведением, и смутное воспоминание, полное сожалений» (заметим, что воспоминания Печорина о реальной жизни ничуть не смутны: «Как всё прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время!») (4, 269) – утверждает он в

²⁵ Недзвецкий В.А. «Герой нашего времени»: становление жанра и смысла // Недзвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. М., 1997. С. 42.

²⁶ Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». С. 82.

²⁷ Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. С. 534.

²⁸ Недзвецкий В.А. «Герой нашего времени»: становление жанра и смысла. С. 46.

записи, сделанной в крепости). «В этой напрасной борьбе я истощил и жар души и постоянство воли, необходимое для действительной жизни <...>», — пишет Печорин далее о себе юном²⁹. Но чуть выше он говорит и о ненапрасной борьбе предков. В отличие от них нынешние люди не имеют «ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми, или с судьбою...» (4, 289). Надежду Печорин отвергает как ту же иллюзию («Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю, а кто ж надеется?» — 4, 253), но наслаждение борьбы он испытал сам, иначе вряд ли назвал бы его истинным. Потому он и любит врагов, «хотя не по-христиански» (4, 254).

Печорин органически не выносит покоя как человек действенной идеи: «<...>идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновничьему столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара» (4, 246). В значительной степени эти слова Печорин может отнести к самому себе. Он — человек, который после трех бессонных ночей в дороге, попав в самый захолустный, т. е. совсем неинтересный, городишко Тамань, не может успокоиться, строит предположения, наблюдает, в результате чего бодрствует еще две ночи³⁰ и ввязывается в приключение, сознавая его опасность (взял пистолет, предупредил казака). Ничуть не меньше или больше он рискует и в Кисловодске (дуэль), и в крепости (один ходил на кабана, имеет все шансы рассчитывать на месть со стороны как отца Бэлы, так и Казбича), и в казачьей

²⁹ «Мечтателями» были как литературные предшественники Печорина (Чацкий, которому пришлось «отрезвиться», и Онегин, проглядевший свое истинное счастье), так и их очень разные преемники: Обломов, молодые Андрей Болконский и Пьер Безухов, многие персонажи Чехова, даже суровый практик Базаров, не видевший в себе того, что в нем действительно было, даже сатирические герои Щедрина — дикий помещик и Иудушка Головлев, упивающиеся своим воображением (один мечтает о чести, другой — об умножении богатства). Оппозиция «мечты» и «существенности» — важнейшая особенность русского национального менталитета.

³⁰ Придирчивый А.А. Аникин, вообразивший, что Печорин выдумал, сочинил события, о которых рассказано в журнале, пишет: «<...> мы якобы должны поверить, что Печорин мог не спать пять суток подряд, а при этом от нечего делать вместо сна следить за слепым, пойти на любовное свидание, побороть в лодке ловкую Ундину и добраться до берега, не умея плавать, рискуя утонуть. Это какое-то богатырство, если не физиологическое открытие: сколько суток может не спать человек?» (Дурылин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., с дополнениями, подготовил А.А. Аникин. С. 288). «Дополнение» наивное. Во-первых, страдающий бессонницей человек может очень долго заменять сон дремотой или полудремотой (что очень возможно в пути). Во-вторых, нельзя о герое художественного произведения рассуждать, словно о живом человеке, тем более говоря о периоде *зарождения* русской реалистической прозы.

станции, отнюдь не бездумно щеголяя, точнее, совсем не щеголяя своей храбростью (если Грушницкий «в деле» «кричит и бросается вперед, зажмуря глаза», то «это что-то не русская храбрость!...» – 4, 222). Стремление Печорина к борьбе и опасностям – пушкинское «упоеание в бою, // И бездны мрачной на краю»³¹, нарочно для себя вызываемые «бури».

Печорин «бешено гоняется <...> за жизнью»³² и к самому факту своего существования относится на протяжении большей части сюжета далеко не равнодушно. Предсказание старухи – *смерть от злой жены* – для него убедительное психологическое основание защиты своей свободы от женщин: «<...> по крайней мере я буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже» (4, 262). Перед дуэлью он заботится о недопустимости ее огласки: «<...> хотя я когда угодно готов подвергать себя смерти, но нимало не расположен испортить навсегда свою будущность в здешнем мире» (4, 267). Под этим надо помнить вовсе не карьеру («честолюбие у меня подавлено обстоятельствами» – 4, 246), а просто по возможности независимое, не испорченное внешним вмешательством существование. Принимая практические меры, Печорин обдуманно бережется в допустимых пределах и во время приключения в Тамани, и на дуэли, и при своем нападении на казака-убийцу³³. «Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?» (4, 270) – говорит он доктору, а ночью перед дуэлью, как ни убеждает себя в том, что просто зазевался на бале и что ему «порядочно уже скучно» (4, 268) в жизни, все-таки от волнения не может уснуть, хотя еще может увлечься «волшебным вымыслом» (4, 269) Вальтера Скотта. Между тем его литературный предшественник Онегин, как мы помним, перед дуэлью проспал урочный час. Тогда же, перед возможной гибелью, Печорин особенно остро воспринимает природу.

Вообще никто в «Герое нашего времени» не равнодушен к жизни, даже фаталист Вулич. Перед смертельным экспериментом «голос его был спокоен, хотя тоном ниже обыкновенного» (4, 285); принимая пари, Вулич говорит «глухим голосом», он бледен – «спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись», «он быстро ко мне обернулся, но отвечал

³¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. V. Л., 1978. С. 356.

³² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV. М., 1954. С. 266.

³³ Например, в «Фаталисте» «расчет Печорина заключается прежде всего в том, что в столь смятенном состоянии казак менее, чем обычно, способен на меткий выстрел <...>. Печорин находит возможность еще уменьшить долю риска: он приказывает есаулу отвлекать казака разговором через дверь, чтобы тот не ожидал нападения со стороны окна» (Левин В.И. «Фаталист». Эпилог или приложение? // Искусство слова. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Димитриевича Благого. М., 1973. С. 166).

медленно и спокойно <...>» (4, 286)³⁴. Не хочет умирать раненая Бэла, и уж конечно не желает подвергать себя опасности драгунский капитан, избегающий дуэли с Печориным³⁵.

Но и восторга перед жизнью как таковой в романе нет. Речевую формулу «дороже жизни» Печорин использует в значении, довольно близком к буквальному. Например, о женщинах он говорит, что, «кроме их, на свете ничего не любил» и «всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью...» (4, 257); «<...> я за нее отдам жизнь, только мне с нею скучно...» (4, 195) – говорит он о Бэле. В тех градациях человеческих ценностей, которые провозглашает Печорин, жизнь не занимает последнего, вершинного места. О невозможности для себя жениться Печорин заявляет: «Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам» (4, 261). Здесь звучит прежде всего голос независимого дворянина: честь – высшая ценность, но еще выше личная свобода. Когда же Печорин скачет вдогонку за Верой, в нем кричит человек как родовое существо, который главной ценностью ощущает свое счастье, свою любовь, а не честь или свободу: «При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, – дороже жизни, чести, счастья!» (4, 279). Такого не было и, наверно, быть не могло у «невольника чести» Пушкина. Однако в любом случае жизнь как таковая, сам факт жизни ставится ниже других, более «престижных» ценностей.

Упоение борьбой дает наслаждение, но совсем необязательно дает счастье. Счастье – нечто более устойчивое и основательное, но не однозначное. Печорин смело дает ему определение: «А что такое счастье? Насыщенная гордость» (4, 246). Он убеждает себя в том, что подавленное обстоятельствами честолюбие проявилось у него в другом виде – как страсть подчинять окружающих своей воле, «возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха», «быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права <...>». При таком понимании счастья жизненное кредо Печорина в общем аморально: «<...> я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, только как на пищу, поддерживающую мои душевные силы» (там же). Но это лишь декларация, реально же страдание человеческое только один раз в романе приносит Печорину удовлетворение – когда

³⁴ См.: Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». С. 54–55.

³⁵ Как ни удивительно, в специальной литературе мы находим в применении к драгунскому капитану характеристику «бывалый воин» и мнение, будто его афоризм насчет «натуры-дуры» и «жизни-копейки», произносимый в сопровождение скверной, бездарной игры, – естествен, будто «в этих словах, если отбросить словесную форму, можно заметить отражение собственных настроений автора» (Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». Л., 1975. С. 184, 185).

Мери призналась ему в любви и он ответил ей полным равнодушием. Мысль о ее страданиях, пишет Печорин, «мне доставляет необъятное наслаждение: есть минуты, когда я понимаю Вампира...» (4, 259). Во-первых, это только минуты, а во-вторых, Белинский едва ли совсем безосновательно считал это место журнала «преувеличением, умышленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою»³⁶, романтическое раздвоение образа здесь нарушает его художественную цельность.

Впрочем, скорее всего обычно не нарушает. Игумен Нестор отмечает «ранимость печоринской души, которую он практически никогда не выказывал, более всего боясь проявить несоответствие духу времени», ту «душевную незащищенность от окружающего зла, которую он глубоко прятал под личиной равнодушия, насмешливости и даже цинизма не только от всех, но, в первую очередь, от самого себя. Его цинизм и равнодушие имели во многом напускной, вынужденный характер»³⁷. И если он, произнося «эпитафию» собственной душе перед Мери, позирует, приняв «глубоко-тронутый вид» (4, 248), то «здесь, как и во многих других местах романа, проявляет себя его боязнь выглядеть смешным перед самим собой. Эта боязнь побуждает героя выставлять себя худшим, чем он есть на самом деле»³⁸. По всей видимости, и автор романа, раздражавший многих своим поведением, по той же причине выставлял себя худшим, чем он был. Понимавшие его люди этим не обманывались. Не следует доверять и «обманному» поведению Печорина, его самонаговорам. «История с княжной Мери вскрывает перед внимательным читателем в Печорине то, что он так тщательно прячет от других и от самого себя – свою живую душу и свою неистребимую потребность любить»³⁹.

Представление Печорина о счастье не исчерпывается каким-то одним пониманием. Иное понимание, чем «счастье – насыщенная гордость», он развивает в том же «монолог» на страницах журнала. «Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив <...>». Строго говоря, это тоже «насыщенная гордость», но сугубо субъективная, результат самовнушения, самообмана (что для Печорина невозможно). Там же и третье понимание – сразу после процитированных слов идет: «<...> если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви» (4, 246). То есть «насыщенная гордость» теоретически может оборачиваться и исключительно на благо тех, кто ее насыщает. Но именно теоретически. «Моя любовь, – пишет Печорин в другом месте, – никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил <...>»

³⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV. С. 246.

³⁷ Нестор (Кулиш), игумен. Тайна Лермонтова. С. 487.

³⁸ Там же. С. 492.

³⁹ Там же. С. 500.

(4, 268–269). Гордость эгоистического самоутверждения, без элемента жертвенности, источником счастья быть не может, но, признавая это, Печорин признанием и ограничивается. По фабуле после этого, в «Бэле», Печорин связывает с несчастьем, причиняемым другим, и свое несчастье⁴⁰, а самым счастливым временем своей жизни называет первый месяц на Кавказе, когда он надеялся (все-таки надеялся!), что «скука не живет под чеченскими пулями» (4, 194); здесь недолгое счастье – просто-напросто альтернатива прежней светской жизни.

Печорин упоминает и о не своем счастье: от наук счастье не зависит, «самые счастливые люди – невежды» (там же); это, конечно, для него невозможное и ненужное, мнимое счастье, тот же самообман, но еще более низменный, чем опирающийся на «насыщенную гордость». И.А. Гурвич пишет о Печорине: «Именно познание рождает негативизм; оно, кстати, у Лермонтова – всегда отрицательно прогрессирующая величина. “Все понял, все узнал” пришедший к демонизму Арбенин, а Демон и вовсе – “царь познания”. Всеведение разочаровывает, опустошает, губит (“Пророк”); оно обнажает как несостоятельность социального бытия, так и несовершенство человека, человеческого рода – оттого его негативный результат тотален. В “Думе” неустранимое “бремя познания и сомнения” – первопричина трагической доли целого поколения, это уже прямое предзнаменование истории Печорина»⁴¹. Глубже рассматривает этот вопрос Т.К. Черная: «Библейский сюжет о познании добра и зла получает авторскую интерпретацию. В романе совершается каноническое наказание за познание, наказание одиночеством и страданием. Однако создается в то же время контекст высшей несправедливости такого наказания, хотя Печорин его явно принимает <...>»⁴². Правда, все-таки, кроме «явной полемической направленности в адрес Руссо («Бэла»), роман содержит и «критику разума», явную идею невозможности разумного познания мира и самого себя»⁴³. Но, «ориентируясь не на естественно-

⁴⁰ И.З. Серман считает, что «не появляется у него раскаяния в “Бэле”, где он становится виновником гибели Бэлы, ее отца, несчастья Казбича и соучастником преступления Азамата» (*Серман Илья. Михаил Лермонтов. Жизнь в литературе. 1836–1841. М., 2003. С. 247*). Но после смерти Бэлы Печорин реагирует на попытку Максима Максимыча утешить его явно истерическим смехом. Специалист по раскаянию игумен Нестор напоминает, что он «после похорон Бэлы “был долго нездоров, исхудал...” Не смог забыть Печорин Бэлу и после того, как покинул Кавказ» (*Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. С. 459*). Отметим, как неделикатно старый штабс-капитан в «Максиме Максимыче» напомнил ему про Бэлу и как тот отреагировал, литературовед-игумен продолжает: «Это «чуть-чуть побледнел и отвернулся» было обычной печоринской попыткой скрыть свои чувства, не исчезнувшие в нем и после пяти лет пребывания в далеком Петербурге» (там же. С. 520).

⁴¹ *Гурвич Исаак. Проблематичность в художественном мышлении (конец XVIII–XX вв.). Томск, 2002. С. 82.*

⁴² *Черная Т.К. Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. С. 376.*

⁴³ Там же. С. 377.

природного человека, а на родовое начало в нем, писатель наделяет своего героя могучей силой разума и рефлексии, жесткой логикой и аналитичностью восприятия окружающего мира, заставляя его все оценивать именно с этих позиций»⁴⁴.

При всем том Печорин отлично сознает, что у него «несчастный характер» (4, 194), что, будь он другим, возможно, и понимание счастья у него было бы иное, возможно, было бы и само счастье.

Очевидно, что герой времени не приемлет примитивно-бытового представления о счастье. «Давно поняв призрачность счастья как личного благополучия в обществе «всеобщего неблагополучия», отказываясь от него сам, Печорин разрушает его и у сталкивающихся с ним людей»⁴⁵. Его уроки мучительны, но после них княжну Мери «не будут уже восхищать самые блестящие Грушницкие, покажутся сомнительными самые незыблемые каноны светской жизни. Перенесенные ею страдания <...> ставят Мери выше ее преуспевающих, безмятежно-счастливых сверстниц»⁴⁶.

Интерес к жизни у Печорина, несомненно, не только эмоциональный, но и познавательный, дающий пищу уму. Не имея главной жизненной цели, он все-таки имеет одной из целей «постижение природы и возможностей человека»⁴⁷. Незнание людей и их слабостей подается им как весьма отрицательное качество Грушницкого. «Женщины, — пишет он, — должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости» (4, 257). Взаимопонимание с Вернером только укрепляет их взаимную симпатию. Тут есть и некоторый элемент игры, двусмысленности, полусерьезности — полушутливости. О других Печорин говорит доктору, что «без дураков было бы на свете очень скучно...» (4, 228), о себе же: «<...> я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться» (4, 229). А с Верой в гроте ведет по видимости бессмысленный, важный только для них двоих разговор, из тех, в которых «значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере» (4, 234).

Полноценное восприятие жизни предполагает развитую интуицию. «Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет она меня любить или нет...» (4, 244) — пишет Печорин. Столкновение с Грушницким он, а потом и Вернер предрекают сразу же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». С. 84.

⁴⁶ Там же. А.А. Аникин совершенно неубедительно заявляет о «нравственной гибели Мери» (Дурылин С.Н. Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., с дополнениями, подготовил А.А. Аникин. С. 213).

⁴⁷ Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». С. 82.

Особенно выразительно осуществление печоринского предчувствия в «Фаталисте». Оно передается и Вуличу, который уже после своего страшного эксперимента, услышав слова Печорина «мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...», «вдруг вспыхнул и смутился»; это, как и поспешный уход Вулича, показалось Печорину «странным, – и недаром» (4, 288).

Однако Лермонтов ничуть не мистифицирует предчувствия и вообще подсознательное: «врожденный страх, неизъяснимое предчувствие» (4, 262), вызванное пророчеством насчет *смерти от злой жены*, не исполняется, житейская причина смерти Печорина остается неизвестной; не исполняется, впрочем, и его предчувствие после дуэли, что ему, страдая, «еще долго жить» (4, 269); подтверждается сожаление Максима Максимыча, «что он дурно кончит», но отнюдь не просто потому, «что нет проку в том, кто старых друзей забывает!...» (4, 207). Весьма печально заканчивается «комедия» на водах, начиная которую, Печорин полагал, что ему будет «весело».

Импульсивные, подсознательные движения человека также воспроизводятся в романе. Тут и несколько шагов от края пропасти сразу после выстрела Грушницкого, и скачка в погоню за Верой, заканчивающаяся долгим безутешным рыданием на земле – тем самым высшим переживанием, в котором аристократ Печорин совершенно равен «дикарю» Казбичу.

Разумеется, абсолютно в духе юного Лермонтова Печорин «каждый день // Бессмертным сделать бы желал, как тень // Великого героя <...>» (1, 140). Его впечатления столь сильны, что он действительно все запоминает «навечно». Он помнит, например, нежные женские взгляды, в юности приводившие его в восторг. Уже в начале своего второго романа с Верой Печорин знает, что они скоро разлучатся, «но воспоминание об ней останется неприкосновенным в душе моей <...>» (4, 235). Удваиваясь в памяти, впечатления утраиваются в журнале Печорина. Память вообще ценится им чрезвычайно высоко. «Благодарю, что не забыли...» – говорит он и Максиму Максимычу при окончательном расставании, хотя с точки зрения штабс-капитана сам все забыл в отличие от него: «– Забыть! – проворчал он; – я-то не забыл ничего...» (4, 206).

Печорин тоже не забыл, но теперь уже *хочет* забыть. Ранее он утверждал, что все записанное им со временем будет для него «драгоценным воспоминанием» (4, 247). Это одно из ошибочных предсказаний Печорина. В романе представлена именно история души, а она заканчивается раньше физического существования героя. Печорин не вечно гоняется за жизнью, не бесконечно впитывает ее впечатления. Уже перед дуэлью от стремления *познавать жизнь* и людей у него остается только любопытство. В случае его смерти, размышляет Печорин, «одни скажут: он был добрый малый, другие – мерзавец. И то

и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить?» Как видим, жизнь Печорина обесмысливается *недопониманием* его людьми. «<...> а всё живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!» (4, 269). Похищение Бэлы – одна из последних попыток овладеть какой-то другой жизнью. Но «любовь дикарки» не приносит по-настоящему значительной для героя «новизны».

С ослаблением интереса к жизни, к ее настоящему ослабляется и тяготение к прошлому. Прощальное письмо Веры каждым словом «неизгладимо врезалось в моей памяти» (4, 278), но не надо ли это понимать и так, что Печорин до возвращения к журналу лишь в памяти и сохранял последнюю записку любимой женщины? Во время истории с Бэлой он прекращает свой журнал; записки, в которые вкладывал столько ума, чувства, литературного блеска, бросает у Максима Максимыча, и когда бережливый и добросовестный штабс-капитан, который возит их с собой не читая, напоминает при встрече о них Печорину, тот отмахивается от своих «драгоценных воспоминаний»⁴⁸. Он еще до гибели Бэлы заговорил о своей смерти, и вот уже душевная пустота и скука не только расслабляют этого физически крепкого молодого человека (а физическое здоровье Печорина очевидно и из его портрета в «Максиме Максимыче», и из описания всех приключений героя), но и стремительно приближают его конец.

Это нельзя считать лишь обвинением историческому времени, которое погубило своего героя. В конце концов, оно одинаково давило на него и в юные, и в зрелые годы. «Герой нашего времени» – это еще и роман о том, как одаренный, талантливый человек остывает, шаг за шагом уходит из жизни, потому что исчерпал свои «силы необъятные» (4, 268) в погоне за призраками счастья и, хуже того, развлечениями. Здесь есть и его личная вина, и «вина» самого человеческого существования, которое притупляет остроту жизненных впечатлений от детства и юности к зрелости. «О моя юность! о моя свежесть!»⁴⁹ – это восклицание вырвалось у Гоголя примерно в лермонтовско-печоринском возрасте. Здесь и пушкинская тема вóвремя оставленного «праздника жизни» в финале «Евгения Онегина». Но если Гоголь только скорбит от утраченной свежести, то Пушкин всем своим поздним творчеством приветствует обретаемую жизненную мудрость. Позиция же Лермонтова как бы объединяет в себе пушкинскую и еще неизвестную ему гоголевскую (написанные до «Героя нашего времени» строки «Мертвых душ» появятся в печати лишь после гибели поэта).

⁴⁸ А.А. Аникин и тут проводит свое нелепое предположение: «Если журнал – вымысел, им поистине можно не дорожить» (*Дурылин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., с дополнениями, подготовил А.А. Аникин. С. 292*). Это вопиющее непонимание трагедии Печорина.

⁴⁹ *Гоголь Н.В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 242.*

Печорин неоднократно вспоминает сильные чувства и впечатления юности. Не только в «Княжне Мери», потеряв Веру, он рыдает «как ребенок» (4, 280), но и в «Максими Максимыче», уже тридцатилетний, ко всему охладевший, он сохраняет в себе следы первоначальной естественности и непосредственности. «В его улыбке было что-то детское», — замечает внимательный офицер-путешественник⁵⁰, вскоре вслед за тем отмечающий «что-то детское» и в «досаде» (4, 205, 207) обманувшегося в своих ожиданиях Максима Максимыча. Так неожиданно сближаются в романе эти столь непохожие, буквально не сошедшиеся друг с другом люди⁵¹. В «Бэле» Печорин проявляет аффектированную непосредственность во время погони за Казбичем. «Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла — и туда <...>». После его поспешного выстрела рассудительный штабс-капитан сетует: «Уж эта молодежь! вечно некстати горячится...» (4, 196).

В «Княжне Мери» Печорин иронизировал над Грушницким, который, «как все мальчишки <...> имеет претензию быть стариком» (4, 253), но это потому, что юношеская поза ему претит, как всякая *искренняя* поза (искусственную позу, тот или иной «вид» он сам сплошь и рядом принимает в своей игре). Настоящее же возвращение подлинных чувств его радует, даже если возвращаются боль и страдание (у Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать

⁵⁰ Для А.М. Марченко и это — повод поиздеваться над Печориным. По ее мнению, такая улыбка «свидетельствует не столько о простодушии, сколько о незрелости души, об ее инфантильности, об отсутствии интересов, приличных мужу в поре первой, тридцатилетней возмужалости» (Марченко Алла. Лермонтов. С. 514). «Ведь даже его путешествие в Персию, равно как и смерть по дороге из Персии, <...> это очередная «гремушка», «цацка», дорогая и престижная игрушка для так и не ставшего мужчиной «беленького мальчика»» (там же. С. 513). Выходит, и безвременная смерть героя — игрушка для забавы? По словам же священнослужителя, знатока душ, подлинная драма души этого человека «заключалась в том, что Печорин, со всей своей опытностью и глубоким знанием жизни, со всеми своими противоречиями и странностями — во многом остается искалеченным жизнью ребенком». Его «от всех спрятанная “детскость” души каким-то чудом оставалась жить в герое, несмотря на перенесенное им грубое насилие действительности. Она-то, в соединении с другими качествами Печорина, и действует на Мери неотразимо, вызывает сильное чувство сострадания к нему, делает ее совершенно беззащитной перед возникающей любовью» (Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. С. 493).

⁵¹ Н.Д. Тамарченко, приводя слова Печорина о Максими Максимыче в конце «Фаталиста» (и всего романа), — «он вообще не любит метафорических прений» (4, 292), — замечает: «<...> несколько выше, рассуждая о высоких материях, Печорин признавался, что не любит «останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли: и к чему это ведет?» И здесь мы видим не противопоставление, а сближение двух позиций. <...> На <...> пределе развития рефлектирующей личности открывается ее внутреннее родство с «простым», близким патриархально-народному типу, сознанием» (Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997. С. 165). Верно, однако, и другое: «Сколько бы Печорин ни общался с «простыми людьми», общего языка с ними он найти не может» (Раскольников Ф. Статьи о русской литературе. М., 2002. С. 178).

<...>⁵²). Переживая случайную встречу с Верой в гроте, он говорит, что сердце его «болезненно сжалось, как после первого расставания. О, как я обрадовался этому чувству! Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок, – на память?» (4, 235–236). С удивлением обнаруживает он в себе и нечто похожее на подлинное чувство к Мери. Вместе с тем он понимает, что это «не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой» (4, 245), и философски обосновывает свое нынешнее состояние. «Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов <...>» (4, 246–247). В этом Печорин видит условие высшего состояния самопознания, в котором человек только и может «оценить правосудие божие» (4, 247).

Но и в таком умудренном состоянии духа Печорин не остается долго. «Мне, однако, приятно, что я могу плакать!» – восклицает он после того, как навсегда потерял Веру, и в этом извлечении лучшего из худшего видно теперь не живое возвращение в юность, а сугубо головной перевод чувства в рациональную плоскость, тем более что тут же Печорин весьма прозаически объясняет случившееся расстроенными нервами, бессонной ночью и пустым желудком. Финальный вывод уже совершенно медицинский: «Плакать здорово <...>» (4, 280), а пятнадцать верст, проделанные Печориным сначала верхом, потом пешком, оправдываются тем, что иначе бы он опять не уснул. Пушкинская мудрость, глубина и широта уступают место равнодушию и практической трезвости взгляда на жизнь. Но именно они и губительны для такого человека, как Печорин, ведут его к неизбежной смерти. «<...> жизнь моя становится пустее день ото дня <...>» (4, 195), – говорит он в крепости Максиму Максимычу, не заботясь о том, поймет ли его старый служака. Печорин «Бэлы» вполне и окончательно привык к непониманию. Впрочем, эта его «исповедь», для читателя первая, обращена к «человеку, который неспособен ее понять, но зато способен почувствовать, – и потому она наиболее искренна»⁵³.

Судьба Печорина во всей ее конкретности не претендует на то, чтобы быть всеобщей. Все, что с ним произошло, произошло с необыкновенным человеком. Максим Максимыч прав: «Да-с, с боль-

⁵² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. III. Л., 1977. С. 169.

⁵³ Черная Т.К. Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. С. 360.

шими был странностями <...>» (4, 177)⁵⁴. И штабс-капитан, и сам Печорин рассказывают о противоречиях его характера и поведения. «У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдаёт меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделала бы из меня страстного мечтателя» (4, 225–226), которым, как потом выясняется, он уже и был в ранней молодости. В раздвоенной личности (кстати, не менее противоречив и Вернер) можно усматривать противостоящие черты романтика и мыслителя-реалиста⁵⁵, но одним этим она не объясняется. В Печорине удивительным образом переплелись добро и зло, которое, по словам Веры, «ни в ком<...> не бывает так привлекательно» (4, 278). Б.М. Эйхенбаум в статье «Художественная проблематика Лермонтова» поднял проблему «оправдания зла», воплощенную во многих произведениях поэта, включая такие, как «Демон» и «Маскарад»⁵⁶. Печорин по-настоящему «демоничен». «Зло порождает зло, – размышляет он, не сводя к первопричине вытекающие из нее следствия; – первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности<...>» (4, 256).

Но таков ли он не в размышлениях, а в жизни? «Печорин никому не делает зла сознательно, – оно возникает как бы само собой, из самого хода вещей, и даже как результат благородных побуждений»⁵⁷, – считает В.Э. Вацуро. Нет, княжну Мери он влюбил в себя все-таки сознательно. Однако Печорин не выдерживает «чистого» демонизма. «Он действительно хотел убить лучшую половину своей души, но не убил, а спрятал ее глубоко – стоит ей выглянуть хоть на минуту, как он снова зарывает ее поглубже»⁵⁸.

Эволюция Печорина идет вовсе не к демонизму. Когда жизненные силы постепенно оставляют его, в нем затухают одновременно и героическое, и демоническое, все, что подвигало его на головокружительные действия и беспощадный самоанализ. Так что в «Герое нашего времени» нет «оправдания зла» как такового, есть сочувственное изучение и объяснение сложного и неоднозначного психологического феномена. Офицер-путешественник в предисловии к журналу Печорина пишет: «<...> мы почти всегда извиняем

⁵⁴ Неверно, будто Печорин ««странен» потому, что непонятен» (Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». С. 240), но верно, что он «живет не тем, чем живут другие» (там же).

⁵⁵ См.: Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 554.

⁵⁶ Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 193–198.

⁵⁷ Вацуро Вадим. О Лермонтове. Работы разных лет. М., 2008. С. 579.

⁵⁸ Долинина Н. Печорин и наше время. Л., 1970. С. 167.

то, что понимаем» (4, 210), – хотя по другому поводу, когда Максим Максимыч сказал о мести Казбича отцу Бэлы: «Конечно, по-ихнему <...> он был совершенно прав», – того же повествователя «невольно поразила» русская способность приспосабливаться к чужим обычаям, связанная со здравым смыслом, «который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения» (4, 187).

Непосредственно к этой проблематике примыкает вопрос о фатализме, которому посвящена обширнейшая литература. Коротко говоря, многие литературоведы (И.И. Виноградов, Э.Г. Герштейн, И.М. Тойбин, В.И. Левин, Ю.М. Лотман, А.А. Аникин и др.) так или иначе усматривают в удаче Печорина, рисковавшего жизнью при захвате казака, антитезу эксперименту Вулича, чуть ли не победу его над судьбой либо доказательство отсутствия предопределения. Более сложная точка зрения представлена у Б.Т. Удодова, В.И. Коровина и Н.Д. Тамарченко, согласно которым вопрос о фатализме допускает двойственное толкование⁵⁹. «Открытым» вопрос о фатализме в романе считали также Б.М. Эйхенбаум, Е.Н. Михайлова, У.Р. Фохт (впрочем, отмечавший, что сомневающийся Печорин все-таки скорее склонен поверить в возможность предопределения), позднее И.З. Серман. В.И. Левин этим возмущался: романтический максимализм Лермонтова, его «стремление к кардинальным решениям вопросов бытия исключают самую возможность того, чтобы центральная проблема его повести, заключающей весь роман, осталась бы им не решенной!»⁶⁰ По мнению этого автора, Лермонтов не мог принять фатализм, как не мог принять неизбежность поражения восстания декабристов. Но сомневающимся он Печорина признавал: «Итак, сомнения, а не вера, – вот принцип, провозглашенный Печориным»⁶¹. В.Э. Вацуро, наоборот, полагал, что проблему судьбы «Лермонтов решить не мог, но то, что он ее поставил, было важным шагом по пути развития социально-психологического романа, где индивидуальное поведение рассматривалось в его общественном качестве. <...> Аналитический, а не нормативный характер романа был также величайшим художественным завоеванием, затем усвоенным критическим реализмом, и очень показательно, что современная критика, за исключением одного Белинского, не смогла понять и принять его философской основы»⁶². Если В.И. Левин проблему фатализма связывал прежде всего с образом главного героя романа («До “Фаталиста” мотив

⁵⁹ См.: Удодов Б. Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 571–574; Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М., 1973. С. 263–285; Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. С. 160.

⁶⁰ Левин В.И. «Фаталист». Эпилог или приложение? С. 164.

⁶¹ Там же. С. 170.

⁶² Вацуро Вадим. О Лермонтове. Работы разных лет. С. 580.

судьбы встречается 10 раз. Из них 9 – в журнале Печорина. Таким образом, размышления о судьбе присущи в основном главному герою романа»⁶³), то Ф.А. Раскольников полагает, что «хотя Лермонтов и близок к Печорину, он гораздо больше склонен верить в судьбу»⁶⁴. Судьба Печорина в конечном счете предрешена, если брать роман в целом. Если же брать все лермонтовское творчество, то неправ и В.Ф. Асмус, говоря, что фатализм Лермонтова всегда повышает сознание ответственности у его героев⁶⁵. Он неизменно относился к судьбе в высшей степени серьезно⁶⁶. Но и признавая ее могущество, он утверждал свободу мятежного человека, свободу никогда не смиряющегося бунтаря (будь он даже сам Демон), который в своей жизни не оглядывается ни на кого и ни на что, хотя бы был очень «оглядчив», как Печорин, в практических поступках.

Предметом более пристального рассмотрения должны быть проблемы связи души и тела у Лермонтова, в том числе «материализма» Печорина; специально надо говорить о вере и «безверии», а точнее, о скептицизме этого героя и создателя его образа, их претензиях к «небесам», волю которых, вопреки мнению советских литературоведов, Лермонтов с судьбой не всегда отождествлял (в «Смерти поэта» говорится о жертве рока и вместе с тем людей определенного общества, покарать которых впоследствии должен «божий суд»), о вечности и бессмертии души, как их понимал Лермонтов.

В «Герое нашего времени» предостаточно и других философских и философско-психологических проблем⁶⁷, например, «человек и природа». Тут и отношение к окружающей природе, которая вызывает восторг Печорина в начале повести «Княжна Мери», врачует его, привлекает к себе больше, чем любой женский взгляд, и столь приковывает его внимание по дороге к месту дуэли, красота и величие которой, по мысли странствующего офицера в «Бэле», еще сильнее, чем на Печорина или на него самого, действуют на простое сердце Максима Максимыча, так как он ближе к природе⁶⁸. Тут и не только эстетическое воздействие природы на человека: на водах «преопас-

⁶³ Левин В.И. «Фаталист». Эпилог или приложение? С. 162.

⁶⁴ Раскольников Ф. Статьи о русской литературе. С. 173. Лермонтов-поэт во многих произведениях «выражает веру в судьбу. Таковы, например, «Мцыри», «Демон», «Три пальмы», «Спор», «Смерть поэта» и многие другие стихотворения, в которых, как замечает В. Асмус, фатализм осмысливался Лермонтовым не только применительно к себе и к отдельной личности вообще, но и к истории <...>» (там же. С. 176).

⁶⁵ Асмус В.Ф. Избранные философские труды: В 2 т. Т. I. М., 1969. С. 22.

⁶⁶ См.: Кормилов С.И. Иван Грозный и его эпоха в творчестве М.Ю. Лермонтова и А.К. Толстого (черты романтического историзма) // Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1977. № 4. С. 31–32.

⁶⁷ См.: Герштейн Э. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. М., 1976. С. 31–88.

⁶⁸ См.: Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. С. 229.

ный воздух» (4, 255), располагающий к любви. Тут и прямая физиология – и как начало страсти: «<...> кисейный рукав слабая защита, и электрическая искра пробежала из моей руки в ее руку <...> первое прикосновение решает дело» (4, 249), – и как условие нормального жизненного процесса: после бессонной ночи перед дуэлью Печорин «вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого говорите, что душа не зависит от тела!...» (4, 269). Печорин считает, что зависимость эта не только прагматична, она более существенна. В «Тамани» по поводу лица мальчика, на котором «нет глаз» и на котором из-за этого ничего нельзя прочесть, герой говорит о своем сильном предубеждении против всяких калек, «как будто, с потерей члена, душа теряет какое-нибудь чувство» (4, 211). В романе есть попытки установить прямую связь между особенностями внешности человека и его внутренним миром, рассуждения о «породе» мужчин и женщин применительно к Печорину в «Максиме Максимыче» и девушке в «Тамани»⁶⁹.

Немало в «Герое нашего времени» рассуждений и афоризмов о дружбе, впрочем, вообще подвергаемой сомнению, прочно связываемой с коварством, предательством и неравенством в отношениях, и особенно о любви: «Любовь, как огонь – без пищи гаснет» (4, 254) и т. д. В самых разных обликах предстает любовь в сюжете романа. «Что такое любовь? Инстинкт, – скажет читатель «Бэлы». Наваждение, – возразит читатель «Тамани». Игра, – zalюбуется третий кокетством Печорина с Мери. Привязанность, – вспомнит четвертый признания Печорина о «привычке сердца» к Вериней любви. Физиология, – пожмет плечами пятый, имея в виду «хорошенькую дочку урядника» в «Фаталисте»»⁷⁰.

Мужчины часто толкуют о женщинах, даже Максим Максимыч («чего не сделает женщина за цветную тряпичку!...» – 4, 185), но в первую очередь, конечно, Печорин: и о женской логике, и о «женском кокетстве» (4, 245), как он в самокритичную минуту называет и свое собственное поведение с Мери, и о свойственном женщинам инстинкте «красоты душевной» (4, 227), и о том, что не их дело иметь характер, и об их доверчивости к лести поэтов, и о странности женского сердца (Вера своего супруга «уважает, как отца – и будет обманывать, как мужа...» – 4, 235), и о том, что состраданию «покоряются так легко все женщины <...>» (4, 249), и об их ревности: «Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу?» (4, 257). Женщины тоже не отказывают себе в праве сделать обобщающие выводы относительно мужчин. В письме к Печорину Вера сообщает то, что «поняла сначала», – он с ней поступил, «как поступил

⁶⁹ См.: Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М.: Л., 1966. С. 133–136, 152.

⁷⁰ Герштейн Э. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. С. 45.

бы всякий другой мужчина», т. е. любил ее «как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна» (4, 278). Эта женщина, дважды выходившая замуж не по любви, склонна к платонизму и в ответ на намек Печорина говорит: «Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки...» (4, 244).

Но слова персонажей, те или иные частные выводы совсем не обязательно отражают мнение автора. Так, Печорин говорит, правда, Грушницкому, которого не принимает всерьез: «Женщины любят только тех, которых не знают» (4, 232). А потом он признает, что Вера, любящая его, – единственная женщина, понявшая его «совершенно, со всеми <...> мелкими слабостями, дурными страстями...» (4, 245). Вера понимает своего возлюбленного даже лучше, чем он сам: «<...> никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном» (4, 278). Ее письмо доказывает, что только она одна ему и «пара» в романе, как бы ни относиться к замечаниям Белинского о неопределенности ее образа⁷¹.

Философская проблематика творчества Лермонтова и особенно «Героя нашего времени» практически неисчерпаема.

После свидания с Лермонтовым с ордонанс-гаузе Белинский писал В.П. Боткину: «Печорин – это он сам, как есть», – и глубоко ошибался. В самом главном совпадения не было – в жизненной позиции. Печорин «выдохся», утратил всю свою духовную мощь, в прямом и буквальном смысле умер от скуки, не веря больше ни во что. А Белинский, восхищаясь могучим духом Лермонтова, сообщал сразу после фразы о Печорине: «Я с ним спорил, и мне отраднее было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семя глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему – он улыбнулся и сказал: “Дай бог!”»⁷² И это человек, который укорял самого Пушкина: «Зачем поверил он словам и ласкам ложным, // Он, с юных лет постигнувший людей?..» (1, 257).

Вера в достоинство людей стоила ему жизни. Секундант на его дуэли с Мартыновым А.И. Васильчиков не мог забыть «того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него»⁷³. Безусловно

⁷¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV. С. 268–269. «Владимир Набоков сварливо замечал, что вообще женские образы не удавались Лермонтову <...>. Всё же создатель *Лолиты*, кажется, излишне резок: движение характера есть и у русской барышни Мери, и у черкешенки Бэлы, да и Вера отнюдь не “придумана”, а написана с Вареньки Лопухиной. Критик позабыл о том, что всё это – рассказы, где образ пишется *акварелью*, а не *маслом*, как в романе» (Михайлов Валерий. Лермонтов: Один меж небом и землей. 2-е изд. М., 2013. С. 552).

⁷² Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XI. М., 1956. С. 509.

⁷³ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 368.

Лермонтов, подобно Печорину перед тем, как Грушницкий навел на него пистолет, был уверен, что его однокашник «выстрелит на воздух!» (4, 275).

Гениальный композиционный прием Лермонтова в романе – перестановка событий во времени – не только позволил читателю постепенно все лучше и лучше узнавать Печорина благодаря смене повествователей и самораскрытию героя. Ничуть не менее важно было то, каким останется в памяти читателей «герой нашего времени»: сломленным и угасшим, согласно фабуле, или таким, каким он предстал в финале «Фаталиста»⁷⁴. Из романа в жизнь выходит не умирающий *бывший* герой, а герой *настоящий*: бодрый, решительный, смелый, благородный, демонически красивый, дьявольски умный⁷⁵. Малейшее достойное дело необычайно возвышает Печорина: «<...> офицеры меня поздравляли – и точно, было с чем» (4, 292). Художественное время победило время историческое; из него шагнул в вечность герой, сохранивший за собой навсегда право на это наименование.

Список литературы

- Асмус В.Ф. Избранные философские труды: В 2 т. Т. I. М., 1969.
Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IV, XI. М., 1954, 1956.
Вацуро Вадим. О Лермонтове. Работы разных лет. М., 2008.
Герштейн Э. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. М., 1976.
Гоголь Н.В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1973.
Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». Л., 1975.
Гурвич Исаак. Проблематичность в художественном мышлении (конец XVIII–XX вв.). Томск, 2002.
Долинина Н. Печорин и наше время. Л., 1970.
Дурылин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., с дополнениями, подготовил А.А. Аникин. М., 2006.
Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М., 1973.
Купрянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., 1976.
Левин В.И. «Фаталист». Эпилог или приложение? // Искусство слова: Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Дмитриевича Благого. М., 1973.
Лермонтов М. Полн. собр. соч.: <В 4 т.>. М., 1953.
М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972.
Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М.; Л., 1966.

⁷⁴ См.: Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. С. 583.

⁷⁵ Два самых талантливых героя русской классики, Григорий Печорин и Андрей Болконский, – они же и самые несчастливые. Оба рано уходят из жизни, ни в чем ею не удовлетворенные. Но Толстой расстается со своим героем на элегической ноте, а Лермонтов со своим – на героической.

- Марченко Алла. Лермонтов. М., 2010.
- Михайлов Валерий. Лермонтов: Один меж небом и землей. 2-е изд. М., 2013.
- Недзвецкий В.А. «Герой нашего времени»: становление жанра и смысла // Недзвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. М., 1997.
- Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. СПб., 2012.
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. III, V. Л., 1977, 1978.
- Раскольников Ф. Статьи о русской литературе. М., 2002.
- Савинков С.В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004.
- С<вятополк->Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Руфь Зернова. Л., 1992.
- Серман Илья. Михаил Лермонтов. Жизнь в литературе. 1836–1841. М., 2003.
- Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997.
- Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., МСМХСХVI.
- Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.
- Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989.
- Черная Т.К. Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. Ставрополь, 2004.
- Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969.

Сведения об авторе: Кормилов Сергей Иванович, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская

**Д.Е. МАКСИМОВ В ПЕРЕПИСКЕ
С А.И. ЖУРАВЛЕВОЙ: ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ
ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX века**

Вводится в научный оборот переписка известных филологов Д.Е. Максимова и А.И. Журавлевой, особенно интенсивная в 1960-х годах; публикуются и комментируются выдержки из писем Максимова, посвященные творчеству Лермонтова, а также некоторые данные из протоколов лермонтовских конференций 1958 и 1959 гг., сохранившихся среди бумаг лермонтовского семинара под руководством В.Н. Турбина (филологический факультет МГУ). Высказываются некоторые предварительные замечания о возможном развитии некоторых идей Максимова в работах Журавлевой, а также о принципиальных различиях в научной позиции ученых разных поколений.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, Д.Е. Максимов, А.И. Журавлева, история литературоведения, лермонтовский семинар в МГУ.

The correspondence (particularly intense in the 1960s) of renowned philologists D.E. Maksimov and A.I. Zhuravleva is presented; some excerpts from Maximov's letters, dedicated to Lermontov's work, are quoted and commented on, as well as some data from the protocols of Lermontov conferences (1958 and 1959), preserved among the papers of a Lermontov seminar conducted by V.N. Turbin (MSU, the Philological Faculty). Some preliminary observations are made on the possible development of certain of Maximov's ideas by Zhuravleva, but also on fundamental differences in attitudes of scholars that belong to different generations.

Key words: M.Yu. Lermontov, D.E. Maximov, A.I. Zhuravleva, history of literary criticism, seminar, the Lermontov studies at MSU.

В личном архиве известного историка литературы, профессора Московского университета Анны Ивановны Журавлевой мы нашли 52 письма и открытку от Дмитрия Евгеньевича Максимова (предполагается передать в личный фонд А.И. Журавлевой и Вс.Н. Некрасова в РГАЛИ (№ 3445), а копии – в ОР РНБ, в фонд Д.Е. Максимова (№ 1136)). Самое раннее письмо из пока обнаруженных (судя по всему, их было больше) – от 28 октября 1964 г., с 1964 по 16 октября 1967 г. – 32 нумерованных; последнее от 21 октября 1985 г. В фонде

Слева направо: Д.Е. Максимов, В.Н. Турбин, В.А. Мануйлов (из личного архива А.И. Журавлевой)

Д.Е. Максимова сохранилось только три письма А.И. Журавлевой¹, хотя их было, видимо, немало.

Как можно понять из письма Максимова от 20 декабря 1978 г., они с Журавлевой близко познакомились лично осенью 1964 г. на Лермонтовской конференции в Тарханах:

«Я горжусь, что когда-то давным-давно, в пензенских местах усмотрел и отметил для себя эту талантливую и такую человечную девушку (тогда – турбинистку), может быть – единственную в Москве настоящую москвичку (для меня это – чин)...»².

В 1964 г. Журавлева работает над кандидатской диссертацией «Лермонтов и романтическая лирика 30-х годов XIX в.» (Максимов напишет внешний отзыв³) и уже успела опубликовать статью, содержащую ее концептуальную основу⁴.

* * *

Собственно, первая профессиональная встреча Максимова и Журавлевой состоялась гораздо раньше (хотя, видимо, не запомнилась Максиму отчетливо) и связана с одним существенным и не вполне обычным эпизодом в истории лермонтоведения, заслуживающим отдельного разговора. В 1958 и 1959 гг. лермонтоведческие семи-

¹ А.И. Журавлева. Письмо Д.Е. Максиму, 18 декабря 1964 г. (ОР РНБ. Ф. 1136 (Д.Е. Максимова). Оп. 2. № 471); не атрибутированные ранее в описи значатся как письма от «Аси», от 24 июня 1966 и 23 сент. 1986 (ОР РНБ. Оп. 2. № 675).

² См. фото Максимова и Журавлевой, сделанное по дороге в Тарханы: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1389534796552>. Журавлева и Максимов оба принимали участие и в Лермонтовской конференции 1965 г. в Пятигорске.

³ ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. № 268.

⁴ Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов // Научные доклады высш. школы. Филол. науки. 1964. № 3. С. 3–14.

нары Москвы и Ленинграда – семинар В.Н. Турбина (МГУ), В.А. Мануйлова (ЛГУ) и А.М. Докусова (ЛГПИ им. А.И. Герцена) – провели две студенческие конференции (в 1958 г. в Ленинграде, в 1959 г. в Москве), имевшие целью, в частности, активное полемическое общение научных школ, осознававших как методологически разные (особенно прямо об этом говорил В.Н. Турбин; А.М. Докусов, правда, утверждал вопреки очевидности, что «никаких школ нет. У нас единые методологические позиции – марксизм плох быть не может»). Журавлева принимала участие как докладчица в обеих конференциях (в 1958 г. с докладом «Ап. Григорьев о Лермонтове (Из истории литературной борьбы 1830-х – 40-х годов)», в 1959 г. с докладом «О литературоведческом и лингвистическом методе анализа стиля художественного произведения (на материале лирики Лермонтова)»).

Как мы можем судить по воспоминаниям и сохранившимся в домашних архивах документам, в шестидесятые годы возвращалась традиция университетских спецсеминаров как ядра научной жизни, где намечались не только дальнейшие академические судьбы, но и складывалась целая культура внесеминарских отношений. Лермонтовский семинар на филологическом факультете МГУ, так называемый турбинский семинар, начал свое существование после смерти Сталина, а когда туда пришла А.И. Журавлева (в 1956 г.), он стал уже «легендарным»⁵. О семинаре существует немало опубликованных мемуаров и разного типа высказываний филологов, учившихся в Московском университете в 1960–1970-е годы. В основном эти воспоминания носят эмоциональный характер, у нас до сих пор нет аналитического описания того феномена семинарской жизни, что расцвел и угас за полтора десятилетия (к концу 1970-х годов эта вспышка сошла на нет).

Подробные стенограммы лермонтовских конференций (машинопись и рукопись) нам любезно передала Леонтина Сергеевна Мелихова, ученица В.Н. Турбина⁶; эти материалы, важные в разных отношениях, выразительно рисуют характер расхождений между

⁵ Журавлева А.И. Семинар уже был легендарным // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. М., 2006; см. также: URL: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/zhuravleva>

⁶ Леонтина Сергеевна занималась Лермонтовым и позже, ей принадлежат некоторые статьи в «Лермонтовской энциклопедии» (в частности, «Стиль»). Среди переданных Л.С. Мелиховой материалов есть также курсовые работы участников семинара (1955–1963) и 35 писем А.И. Журавлевой, относящиеся к первым годам после окончания университета (1961–1963), где, в частности, вспоминаются детали работы семинара, домашнего общения околосеминарского круга. См.: Мелихова Л.С., Турбин В.Н. Поэмы Лермонтова (Опыт анализа жанрового своеобразия художественного произведения). Тезисы-конспект спец. курса для студентов-заочников филол. ф-тов ун-тов. М., 1969.

московской и ленинградской школами, содержат некоторые значимые суждения о Лермонтове и, помимо всего прочего, свидетельствуют о необычно серьезном отношении участников к научной дискуссии: обсуждению одного—двух докладов (студенческих!) мог быть посвящен день работы, оппоненты (в протоколах они называются именно так!), видимо, назначались заранее, но кроме них в обсуждении принимали участие почти все присутствующие, и всё это подробно фиксировалось (редкая защита диссертации сейчас бывает удостояна такой живой полемики). Чаще других из «старших» выступали руководители семинаров, из «младших» – В.Э. Вацуро, участник семинара Мануйлова (выпускник 1959 г.)

Д.Е. Максимов принимал участие как слушатель в конференции 1958 г. Предполагая в дальнейшем ввести в научный оборот материалы протоколов, здесь мы приведем только записи выступлений Максимова (зафиксировано всего два): конечно, они не вполне внятные, как не всегда бывает внятной любая устная речь, вырванная из контекста и записанная; возможно, и записаны они не вполне точно. Однако эти записи ценны: помимо того, что содержат некоторые соображения выдающегося ученого, более им нигде не высказанные, они, в частности, дают живое представление о риторических рамках, о границах возможного в публичном выступлении 1958 г.

1. 11 мая 1958 г., заключительное слово при обсуждении докладов И.А. Богачека «Поэма Лермонтова “Сашка”» (семинар ЛГПИ) и Т.Н. Скорбиной «“Сашка” как поэма о современнике» (семинар МГУ)

Тенденции территориальные есть, но они, к сожалению, не вылились в школы. Разумеется, все это в рамках марксизма. Это очень плодотворно для науки. Предельный уровень ее был намного выше именно по этой причине. Мы высиживаем «кирпичи», которые никто не читает.

Построение русской армии в Петровскую эпоху началось с игры, а потом из этого вышло дело. Мы очень важничаем, говоря о теоретических направлениях, скорее это психологические тенденции в подходе к материалам, но, может, из нашей «игры» что-то выйдет. И фактография, и стремление к обобщениям равно необходимы.

В ряде работ теряется своеобразие писателей – герценовское приписываем Лермонтову и т. д.

Во втором докладе <И.А. Богачека> есть хорошая антилакировочная тенденция. Это вопрос о Пушкине. Считая Пушкина последних лет безусловно революционером, мы начисто отбрасываем отношение к нему революционных демократов. Не присоединяясь полностью к позиции Богачека, необходимо приветствовать его попытку пересмотреть ряд обветшалых положений, преодолеть лакировку.

В построении доклада Богачека была допущена ошибка – слишком много материала. Отсюда скольжение по нему в некоторых местах. По-

лучается несколько примитивным переход от романтизма к реализму через иронию. Это происходит более сложным путем.

Иногда просто читательское <подчеркнуто в самих протоколах> восприятие произведения искусства бывает более верным, чем литературоведческий анализ. А «Сашка» не без недостатков. Но ведь это же любимое наше произведение. Не «Демон», не «Казначейша». Это гениальная неудача. Не завершенное произведение, а «процесс»⁷. Здесь уместна параллель с «Вадимом» – Лермонтов не смог совместить романтический метод в обрисовке героев и реалистический показ действительности. Примерно то же – в «Сашке».

Скорбинина подошла к характеру Сашки более серьезно – слабые в этом характере безошибочны, а синтеза не вышло. Бытовой и романтический Сашка – это возможно (это было в какой-то мере и в самом Лермонтове)? Но это не сомкнулось художественно. Лермонтов почувствовал это и бросил «Сашку». Это произведение не закончено по железным законам искусства.

II. 15 мая 1958 г., заключительное заседание

Семинар – в значительной степени лаборатория, в которой делаются эксперименты и модели. Всё это мы видели и на конференции. Доклад Ольшевской⁸ – лабораторный опыт, который со временем может откристаллизироваться, во что-то оформиться.

Сегодняшний доклад <З.И. Сироткиной, «О неоконченной повести Лермонтова “Вадим”», МГУ> – нечто иное. В начале у меня было пониженное настроение. Мне показалось, что в нем нет ничего от вопросов искусства. Но на самом деле это не так. Привлекает научный темперамент, стиль, правда, немножко цветистый. Но это неплохо, так как литературоведческие работы иногда пишутся языком учебника бухгалтерии. Вторая половина доклада меня прямо-таки заинтересовала. В докладе чувствуется некоторая имманентность, замкнутость в одном произведении.

Книга Михайловой – лучшая работа о Лермонтове за последнее время⁹. Но она недостаточно оценивает прогрессивные стороны «Вадима», очень интересного произведения, энциклопедии лермонтовского романтизма.

Романтизм – это еще не недостаток. В литературе есть не только познавательная сторона. Если подойти к «Вадиму» без диалектики – непонятно, как Лермонтов шел дальше.

⁷ Почти теми же словами, противопоставляя «завершенное произведение» и «процесс», Журавлева в семидесятые будет писать о «Демоне», но его незавершенность будет оцениваться не как недостаток, а как особое качество. Сама формулировка, возможно, восходит к впечатлениям от этого выступления Максимова.

⁸ Ольшевская – ученица Максимова (ЛГПИ), ее доклад «Сравнительная характеристика “Героя нашего времени” и “Евгения Онегина”» содержал, в частности, попытку толковать «Героя» как произведение более «романтическое», чем роман Пушкина, и вызвал резкую полемику.

⁹ Михайлова Е. Проза Лермонтова. М., 1957.

В 1950-х годах Д.Е. Максимов почти после двадцатилетнего перерыва¹⁰ всерьез возвращается к изучению творчества Лермонтова, вынужденно по идеологическим и цензурным мотивам оставив свои главные блоковские темы и историю русского символизма. Занятия Лермонтовым приводят к созданию единственной книги Максимова о Лермонтове¹¹ и защите докторской диссертации в 1964 г. В 1960-е годы, как известно, появляется идеологическая возможность иначе отнестись к романтической культуре с ее признанием особой ценности личности; социологические оценки редуцируются, на первый план выдвигается значимость законов литературного произведения. Так, Д.Е. Максимов говорит об особом качестве лермонтовского лиризма, в котором сочетается недоговоренность, недосказанность, незавершенность поэтического творчества, остановленного на полном ходу, глубина и мощь трагического высказывания. Объяснение особого «лермонтовского элемента» (Белинский) и «лермонтовского человека», предложенное Максимовым, было серьезным прорывом и открытием в литературоведении второй половины XX в.

Однако положение Максимова в научной среде было довольно сложным. Статьи Максимова 1950-х – 1960-х¹² и его книга «Поэзия Лермонтова» почти наверняка обсуждались участниками лермонтовского семинара Турбина, о чем свидетельствует, в частности, написанный В.Н. Турбиным в соавторстве с А.И. Журавлевой лермонтовский семинарий¹³, где «Поэзия Лермонтова» названа среди небольшого числа самых нужных филологу книг. «Ему отдавали дань и почитали», – вспоминает Л.С. Мелихова; правда, и она, и некоторые другие ее ровесники из семинара признают, что в шестидесятых годах Д.Е. Максимов был для молодых москвичей отчасти далекой фигурой.

¹⁰ Его первая публикация 1939 г., посвященная лирике Лермонтова, обратила на себя внимание, в частности, Б.М. Эйхенбаума и Л.Я. Гинзбург.

¹¹ См.: Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. Л., 1959. 327 с. (2-е изд. Л., 1964; по мнению автора, выраженному в письме Журавлевой, оно существенно переработано).

¹² Максимов Д.Е. Образ поэта в лирическом творчестве: К итогам дискуссии о лирическом герое в поэзии // На рубеже. 1954. № 6. С. 70–74; Он же. Образ простого человека в лирике Лермонтова: К постановке вопроса // Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Покровского. Л., 1954, ф-т языка и литературы. Т. 9. Вып. 3. С. 143–209; Он же. «Мцыри», поэма Лермонтова // Русская литература. 1958. № 4. С. 71–97; Он же. Тема простого человека в лирике Лермонтова // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: Сб. статей. М.; Л., 1960. С. 208, 273; Он же. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова // Русская литература. 1964. № 3. С. 3–12.

¹³ Журавлева А.И., Турбин В.Н. Творчество М.Ю. Лермонтова: Семинарий для студентов-заочников филол. ф-тов гос. ун-тов. М., 1967.

В Ленинграде всё было иначе, ученики Максимова – Кушнер, Кривулин – явно ценили Максимова не только как академического ученого, но как свидетеля Серебряного века и оригинального поэта¹⁴. Максимов, руководитель Блоковского семинара, был, как известно, важен для ученых тартуской школы, о которой он, кстати, и в письмах Журавлевой упоминает часто и заинтересованно: 16 июня 1966 г. просит рассказать ему, понравился ли Журавлевой доклад Ю.М. Лотмана на конференции в Пскове, весной 1967 г. уговаривает (безуспешно) участвовать в конференции в Тарту. При этом методологически новое поколение в филологии было для Максимова не вполне близко: именно поколение в целом. С точки зрения нашего времени можно увидеть немного общего между тартуской школой и ранними работами Журавлевой, однако им, видимо, в равной степени адресованы критические слова Максимова в письме от 28 октября 1964 г., имеющие своим непосредственным поводом статью Журавлевой¹⁵.

«Ася, статья Ваша свидетельствует о таланте автора и вносит нечто новое – особенно разбор “1831-го июня 11 дня”. Но у меня есть опасение общего свойства. Вся новая, “прогрессивная” история литературы, все мы устремлены к изучению метода, структуры писателя, и эта линия, конечно, должна развиваться. Но не ведет ли эта гипертрофия метода, исключительность внимания к методу – к дегуманизации литературы? Все же в литературе самое важное – духовная энергия определенного направления, а структурный анализ лишь отчасти ее выражает. Личность писателя – душа произведения, и она лишь отчасти сводима к методу писателя. Я допускаю, что в поэзии 20–30 гг. можно уловить потенции, ведущие 1) к мысли и 2) к процессу мысли. Но имеем ли мы право сказать, что эти потенции настолько сильны и исторически реальны, что на основании их мы можем классифицировать поэзию того времени? И еще: не слишком ли Вы спускаете Чернышевского (о диалектике Толстого) на лирику Лермонтова?¹⁶ Много ли у Вас примеров

¹⁴ См. об этом, между прочим, и в письме Максимова Журавлевой от 14 мая 1965 г.: «... Я рад, что наш город Вам понравился. Жаль только, что не удалось познакомить Вас с хорошей здешней молодежью. Она не сплочена так, как нужно было бы, но все-таки вьется по городу, вносит в этот застоявшийся мир какую-то свежесть. Плохо только, что среди этих милых мальчиков и девочек расплодилось снобы и эстеты. Эту категорию не выношу – они не лучше носорогов» (обсуждали до того пьесу Ионеско?). Машинопись стихов А. Кушнера на смерть Ахматовой присылала Журавлевой Л.Я. Максимова.

¹⁵ См.: Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов.

¹⁶ Если для Максимова соображения Журавлевой о нелинейности поэтической мысли (см.: Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов) встраиваются в явно антипатичный ему, возможно, даже официозный контекст «диалектики» императивно навязываемого сверху Чернышевского, то, глядя из другой эпохи, они могут быть восприняты в совершенно ином измерении: наиболее очевидным образом в контексте нетрадиционалистской поэзии XX в.: ср., например, о нелинейной структуре поэтической речи в статье поэта Всеволода Николаевича Некрасова «Объяснительная записка». Заметим, что Некрасов и Журавлева встретились только в 1966, а поженились в 1967 г.; не исключено, однако, что Лермонтова Журавлева и в 1964 г. видит глазами читателя, обладающего эстетическим опытом XX в., а

(помимо одного убедительного: стих. “1831 11 дня”), которые дают Вам право толковать лирику Лермонтова как отражение процесса мысли? По-моему, даже в “Герое нашего времени” изображаются скорее результаты мыслительных актов, чем процесс.

Всё это только домыслы, которые могут разлететься как дым, если Ваши рассуждения будут включены в более широкий контекст. Остается только одна опасность – гипертрофия метода, которая может дегуманизировать историю литературы. Но это – вопрос, стоящий перед всеми нами.

...А Вашему притяжению к Достоевскому¹⁷ очень-очень сочувствую. Если бы я начинал жить снова, то, может быть, и сам бы сделал его своей главной темой».

31 января 1968 г. в письме по поводу кандидатской работы Журавлевой¹⁸ Максимов продолжает говорить об этих методологических расхождениях:

«А у меня, когда я читал Вашу работу, накопился материал для “интимного” о ней разговора. <...>

А разговор мой не должен повторять вполне искренние похвалы, которые содержатся в моем коротеньком университетском отзыве, и имеет действительно интимный характер, т. е. основывается на моем вполне личном отношении к истории литературы.

Мне показалось, что Ваша работа грешит излишней “историко-литературностью”, т. е. некоторой отключенностью от острых вопросов сознания той и нашей эпохи.

Не боясь слов, я скажу, что в ней ощущается симптоматичный для хорошей молодежи последнего времени чуть заметный крен к формализму (он есть и у Л. Гинзбург). Вопрос о жанрах Вас едва ли не больше интересует, чем духовные боли и вопросы того времени, которыми в первую очередь жил и Лермонтов и Любоумудры. И жанры, конечно, очень нужны, но у Вас они как-то вытесняют более горячие линии сравнений (напр., с А. Одоевским и Кюхлей). Тем более, что духовное содержание (засловесное), даже этика тоже имеет свою структуру, подлежащую изучению (внутренняя форма)».

Особый сюжет – отношение Максимова к ситуации в современном ему лермонтоведении, которую, несмотря на открывшиеся новые возможности, явный энтузиазм участников лермонтоведческих семинаров и проч. он оценивал скептически. От участия в лермонтоведческих конференциях Максимов уклоняется уже с середины шестидесятых; между тем, например, в письме от 14 мая 1965 г. заявление: «...я... не поеду – неповоротливым стал, доклада нет» – соседствует с довольно подробным изложением явно занимающих

Некрасову в 1971 г. кое-что в его собственной художественной позиции становится яснее благодаря историко-литературным работам Журавлевой.

¹⁷ Журавлева А.И. Лермонтов и Достоевский // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 5. С. 386–392.

¹⁸ Максимов сделал, по его собственному свидетельству, многочисленные пометы на своем экземпляре машинописи диссертации А.И. Журавлевой; к сожалению, мы пока не смогли его найти.

его новых мыслей о Лермонтове, которые, однако, по некоторым причинам автор не собирается разрабатывать публично:

«Тему о лирике и “Герое”, кажется, затронул (в 1–2 фразах!) Эйхенбаум и, помнится, – в таком же объеме! – и я. Речь шла о психологическом анализе в “Герое”, о его подготовке в аналитической лирике Лермонтова – главным образом раннего. Эту тему, в этом аспекте, по-моему, и нужно было бы развернуть на материале – она особенно ощутима. Что же касается остального, то все это менее рельефно и пригодно скорее для общей работы о “Герое” (как момент ее), чем для специальной статьи. В этом смысле интересно сравнить резкий жанрово-стилевой разрыв пушкинской прозы и пушкинской лирики и близость того и другого у Лермонтова, а также стихоподобность прозы Гоголя. Как будто уходящая из литературы поэзия одаряет собою прозу. Или иначе <:> романтически-субъективистское сознание в новых условиях может существовать только в прозе, а в непосредственном выражении оказывается незащищенным и хиреет (поэзия 40-х гг.). Но всё это так... поворот в сторону, о которой я сейчас не думаю».

В письме от 16 июня 1966 г. Максимов говорит более прямо:

«О лермонтоведении я думаю со скукой, и мне хочется всем студентам, желающим вступить в эту область, посоветовать этого не делать. Всё новое лермонтоведческое мне кажется тавтологией или полутавтологическими вариантами давно <сложившихся?> тем. Куда лучше Достоевский!».

Свои работы о Лермонтове Максимов переживал как не вполне понятые и востребованные, в том числе и теми, чье мнение для него было дорого. В уже цитированном письме Журавлевой от 31 января 1968 г.:

«И потом уж совсем лично (об этом можно написать только другу, да и то не принято)... Насколько ненужной оказалась Вам моя книжка о Лермонтове! Показательно, что Вы ссылаетесь (из вежливости) на самый второстепенный пункт в этой книжке – на мое понимание романтизма, в который я совсем не углублялся. Очевидно, эта книга “прошла стороной, как проходит косой дождь”, не только у Вас, но и вообще в этом и она (или просто она) виновата. У Гинзбург – фронтальное наступление на Лермонтова, а у меня рейды-намеки, но мне они всё еще дороги и я жалею, что они как-то не получили резонанса. Особенно: “соседство” как стадийная форма отношения Лермонтова к людям, “возмездие”, мой “Демон” (в изд. 1964 г.) (“простой человек” получил отзвук, но у меня он сделан грубовато, хотя суть правильная)».

Сомнения в том, «существует» ли в науке его книга о Лермонтове, Максимов высказывает и позднее: в письме от 8 апреля 1981 г., обсуждая целесообразность ее переиздания (об этом чуть позже).

* * *

Участникам лермонтовского семинара Журавлева неизменно рекомендовала максимовский анализ стихотворений «Родина» и

«Выхожу один я на дорогу»¹⁹, считая его в какой-то мере «эталонным»; позволим себе предположить, что статья самой Журавлевой о «Родине»²⁰, отсылающая к «Поэзии Лермонтова» и написанная практически одновременно со статьей Максимова о том же стихотворении, была отчасти и результатом личного общения. Анна Ивановна говорила студентам не только о значительных научных идеях Д.Е. Максимова, но о нем как о личности: вспоминала, например, его сравнительно позднюю защиту докторской диссертации, в шестьдесят лет. На вопрос, сколько времени он ее готовил – отвечал: «Всю жизнь».

О степени научной близости Максимова и Журавлевой говорят планы издать в соавторстве книгу о Лермонтове, намерения, высказанные в письме от 18 февраля 1981 г.:

«Куда глядят Ваши глаза? Не на Лермонтова ли? Написали бы мы с Вами книгу о его лирике – я дал бы свою первую статью с исправлениями <²¹>, а Вы – всё остальное!».

8 апреля 1981 г.:

«Вы ответили мне неопределенно, да и я в своем предложении не был вполне определен. Причина моих сомнений – в том, что я не перечитывал своего “Лермонтова” и не уверен, действительно ли существует эта книга в 1981 или же она очень устарела. Боюсь, что и перечитав написанное, не смогу сам ответить на вопрос о законности переиздания при условии самых малых поправок и ссылок на новую литературу (к большому я не призван: у меня есть другие долги и сил мало). Вот бы Вы честно и ответственно ответили мне на этот вопрос (на резкие ответы, если они исходят от людей, которых я уважаю, я не обижаюсь).

Ретроспективно мне кажется, что самое важное в моем «Лермонтове» то, что сделано мною наименее искусно и не досказано до конца: о «простом человеке», который есть не только он сам, но и “реализм”, “почва” и “Россия” и который как “Поправка” (с большой буквы) к “интеллектуальному герою” – в сочетании с ним и есть Лермонтов, в отличие от Байрона, лишённого этой почвы... Но сказать об этом как следует я сейчас не смогу...

Подумайте, Асенька, об этом – обо мне, о себе и о “нашей книге”» (!)

Сразу заметим, что идея Максимова об особом демократизме Лермонтова, о значимости «простого сознания» (как это переформулировала Журавлева) в его художественном мире была особенно

¹⁹ См.: Максимов Д.Е. «Выхожу один я на дорогу», стихотворение М.Ю. Лермонтова // Литература в школе. 1965. № 6. С. 13–21; *Он же*. О двух стихотворениях Лермонтова. «Родина», «Выхожу один я на дорогу» // Русская классическая литература: Разборы и анализы / Сост. Д. Устюжанин. М., 1969. С. 121–141.

²⁰ Журавлева А.И. К пониманию идейного смысла «Родины» // Литература в школе. 1969. № 1. С. 73–79.

²¹ Максимов Д.Е. О лирике Лермонтова // Литературная учеба. 1939. № 4. С. 7–33.

близка Журавлевой, что проявилось не только в ее печатных лермонтоведческих работах, но прежде всего в преподавательской практике и текстах, выходящих за пределы собственно филологии. Между прочим, Максимов считал, что своей мыслью о значимости темы «простого человека» он обязан Ап. Григорьеву – которым занималась и которого переиздавала Журавлева; об этом он говорит, например, в письме от 18 февраля 1981 г., благодаря за посылку – подготовленное Журавлевой издание статей Григорьева²²:

«Если бы были силы и печатные возможности, я бы написал что-нибудь вроде “Ап. Григорьев для нас”. Ведь я, через голову поколений и разных символизмов, и сам ему многим обязан, начиная с темы “простого человека” у Лермонтова – темы, которая оттолкнула Эйхенбаума, но за которую я держусь до сих пор...»

Добавим, что к Григорьеву у Максимова могут восходить мысли о самостоятельности искусства, о подчиненной роли критики, столь важные и для Журавлевой. Имя Григорьева возникает не единожды; см., например, в письме от сентября 1978 г.:

«Я выбрал себе тему о Блоке и любимом им Карлейле, которым, как известно, увлекался и Ваш Аполлон. Не можете ли с налета сказать, где у него ссылки на Карлейля и усматриваете ли Вы явные следы влияния. Вероятно, карлейлевская (*английская*) переработка немецкого романтизма в чем-то (органика у Карлейля, почвенническая органика – у Аполлона) параллельна русской переработке романтизма у Аполлона. Вероятно, у Блока карлейлевская и аполлоновская струя сливались в чем-то». (Подробной разработки у Максимова эта мысль, насколько нам известно, не получила, однако была высказана печатно²³.)

Возвращаемся к проекту общей книги, обсуждавшемуся в 1981 г. 7 июня Максимов отвечает на письмо Журавлевой (не обнаруженное нами в фонде Максимова в ОР РНБ), предполагая уже распределение ролей:

«Радует меня Ваша положительная характеристика моей древней книги о Лермонтове. Если Вы дополните ее работами по поэтике (поэтика поэзии, не прозы?), – это именно то, что надо: у меня о поэтике – очень мало».

С последними словами Максимова, на иной взгляд, согласиться трудно; видимо, «поэтикой» Максимов считал, например, разговор о жанрах, внимание к которым он находил чрезмерным в кандидатской диссертации Журавлевой. Сама Журавлева с Максимовым, возможно,

²² Григорьев Ап. Эстетика и критика / Подготовка текста, комм., вступ. статья А.И. Журавлевой. М., 1980. 496 с.

²³ Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 379.

была согласна; вот как, например, она упоминает о работе Максимова «Лермонтов и Блок»:

«Помимо содержательных связей – сближений и расхождений с лермонтовскими мыслями о жизни, с его концепцией мира (они прослежены в статье Д.Е. Максимова “Лермонтов и Блок”) – существенно, видимо, ощущение внутреннего родства их поэтических систем»²⁴.

* * *

В семидесятых – начале восьмидесятых годов, в тот период, когда переписка Максимова и Журавлевой наиболее активна, Максимов считает своим главным делом работы о Блоке и Брюсове. В письме от 4 сентября 1965 г. Максимов даже в своей новой статье о Лермонтове говорит:

«...Я кончаю небольшую статейку о “Выхожу один я на дорогу”. Жаль, что Вас нет рядом – показал бы. Но в целом мысли мои больше обращены не к Лермонтову, а к Блоку и отчасти к *его посмертной судьбе в нас* <курсив наш. – Г.З., Е.П.>».

Студентам своего лермонтовского семинара в МГУ²⁵ (1970-е – 1990-е годы) Журавлева объясняла, что «Лермонтов Дмитрия Евгеньевича прочитан глазами Блока», в этом и сила, убедительность его взгляда, и уязвимость. Видимо, именно о том, что филологу не следует замыкаться в одной исторической эпохе, писал Максимов Журавлевой в 1968 г. по поводу ее диссертации:

«Лермонтов Ваш вышел вполне добротен. Но в этой исхоженной теме (а Вы нашли в ней свое, новое), очерченной площадке есть некая ограниченность, касающаяся литературоведов любой силы. Подойдете на новую просторную тему, и сразу появится у Вас новое дыхание и откроются новые просветы».

Суждения Журавлевой о Лермонтове иногда отмечаются Максимовым постольку, поскольку они наводят на мысли о поэзии позднейшей:

«...Очень заинтересовался названием Вашего доклада на Лермонтовской конференции: о лирических жанрах»²⁶. Хочу даже попросить Вас при-

²⁴ Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М., 2002. С. 20.

²⁵ 28 марта 1968 г. Журавлева писала В.А. Мануйлову: «... в университете теперь два Лермонтовских семинара: Владимира Николаевича и мой» (из личного архива Журавлевой).

²⁶ В отчетах об XI Всесоюзной лермонтовской конференции (1969) доклад Журавлевой не упоминается.

слать рукопись, если возможно и просто: мне интересно примерить это к лирическим жанрам Блока (плагиировать не буду)» (8 ноября 1969 г.)

Уже в семидесятые годы – наиболее очевидным образом в статье о “Silentium!” Тютчева²⁷ – Журавлева, выходя за пределы того, что Максимов назвал «очерченной площадкой», будет читать поэзию XIX в. глазами не Блока, конечно, но всё равно с точки зрения читателя с эстетическим опытом XX в.

Журавлевой были близки и мысли Максимова о самостоятельности искусства, о необходимости поиска «особого языка», пригодного для разговора о литературе, языка не «бухгалтерского», а живого, человеческого, при этом способного не подменить собой эссеистически, не вытеснить предмет, а передать его суть и сам процесс анализа. (Максимов неоднократно высказывался на эту тему, см., например, раздел «Эпистолярный»²⁸.) Стилистическая общность позиций прослеживается и в понимании подчиненной роли критики, «секундарности» литературоведения как дисциплины-посредника между автором и читателем. Общность этих основополагающих для обоих ученых идей обнаруживается и в «исследовательском почерке», и в переписке.

Список литературы

- Григорьев Ап. Эстетика и критика / Подготовка текста, комм., вступ. статья А.И. Журавлевой. М., 1980. 496 с.
- Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. М., 2007.
- Журавлева А.И. К пониманию идейного смысла «Родины» // Литература в школе. 1969. № 1. С. 73–79.
- Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М., 2002.
- Журавлева А.И. Лермонтов и Достоевский // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 5. С. 386–392.
- Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов // Научные доклады высш. школы. Филол. науки. 1964. № 3. С. 3–14.
- Журавлева А.И. Семинар уже был легендарным // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. М., 2006; см. также: URL: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/zhuravleva>
- Журавлева А.И. Стихотворение Тютчева “Silentium!” (К проблеме «Тютчев и Пушкин») // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 179–190.
- Журавлева А.И., Турбин В.Н. Творчество М.Ю. Лермонтова: Семинарий для студентов-заочников филол. фак. гос. ун-тов. М., 1967.

²⁷ Журавлева А.И. Стихотворение Тютчева “Silentium!” (К проблеме «Тютчев и Пушкин») // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 179–190.

²⁸ Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. М., 2007.

- Максимов Д.Е.* «Выхожу один я на дорогу», стихотворение М.Ю. Лермонтова // Литература в школе. 1965. № 6. С. 13–21.
- Максимов Д.Е.* Лермонтов и Блок // Ленинград. 1941. № 13/14. С. 21–22.
- Максимов Д.Е.* «Мцыри», поэма Лермонтова // Русская литература. 1958. № 4. С. 71–97.
- Максимов Д.Е.* Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова // Русская литература. 1964. № 3. С. 3–12.
- Максимов Д.Е.* Образ поэта в лирическом творчестве: К итогам дискуссии о лирическом герое в поэзии // На рубеже. 1954. № 6. С. 70–74.
- Максимов Д.Е.* Образ простого человека в лирике Лермонтова: К постановке вопроса // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Покровского, ф-т языка и литературы. Т. 9. Вып. 3. Л., 1954, С. 143–209.
- Максимов Д.Е.* О двух стихотворениях Лермонтова. «Родина», «Выхожу один я на дорогу» // Русская классическая литература: Разборы и анализы / Сост. Д. Устюжанин. М., 1969. С. 121–141.
- Максимов Д.Е.* О лирике Лермонтова // Литературная учеба. 1939. № 4. С. 7–33.
- Максимов Д.Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. 527 с.
- Максимов Д.Е.* Поэзия Лермонтова. Л., 1959. 327 с. (2-е изд. Л., 1964; по мнению автора, выраженному в письме Журавлевой, оно существенно переработано).
- Максимов Д.Е.* Тема простого человека в лирике Лермонтова // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: Сб. статей. М.; Л., 1960. С. 208, 273.
- Мелихова Л.С., Турбин В.Н.* Поэмы Лермонтова (Опыт анализа жанрового своеобразия художественного произведения). Тезисы-конспект спец. курса для студентов-заочников филол. ф-тов ун-тов. М., 1969.

Сведения об авторах: *Зыкова Галина Владимировна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gzykova@mail.ru; *Пенская Елена Наумовна*, докт. филол. наук, профессор, руководитель школы филологии факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики. E-mail: e.penskaya@gmail.com

СТАТЬИ

Е.М. Чекалина

АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ С АСПЕКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается семантический потенциал и особенности употребления шведской аналитической конструкции *hålla på* с инфинитивом в различных типах контекстов. Эта конструкция с незначительным уровнем грамматизации употребляется только с предельными глаголами, обозначающими процессы ограниченной длительности, и имеет широкую аспектуальную семантику отсроченного предела (результата) действия.

Ключевые слова: шведский язык, предельные глаголы, аспектуальная семантика, аналитические конструкции с инфинитивом.

The article deals with the semantic scope of the Swedish periphrastic construction *hålla på* + infinitive and its functioning in various types of contexts. This construction with a relatively low level of grammaticalization, used with terminative verbs, has broad aspectual semantics of limited duration and expresses a moment or part of an action at which its limit (result) has not yet been reached.

Key words: the Swedish language, terminative verbs, aspectual semantics, periphrastic constructions with an infinitive.

Известно, что в скандинавских языках имеются аналитические конструкции, выражающие различные оттенки ограниченной длительности процесса, которые нередко трактуются исследователями как семантически близкие расширенной видо-временной форме Continuous в английском языке [Смирницкая, 1977: 99; Берков, 1996: 243–244]. Основанием для этого служит то, что они могут представлять процесс «в его конкретности и динамике» [Смирницкая, 1977: 97]. В шведском языке это в первую очередь касается конструкции, в состав которой входит глагол *hålla* «держаться» с поствербом *på*¹ в

¹ При самостоятельном употреблении с предлогом *med* при одушевленном подлежащем *hålla på* имеет значение «заниматься чем-либо», на котором базируется исходная аспектуальная семантика конструкции с инфинитивом: *Han höll på med deklarationen när det ringde på dörren* [SvS, 2003: 505] «Он занимался заполнением декларации, когда в дверь позвонили». С 1895 г. словарями шведского языка зафиксировано беспредложное употребление при неодушевленном подлежащем с непременным неопределённым значением «длиться, продолжаться», которое, по-видимому, является результатом эллипсиса процессуальной конструкции с инфинитивом: *Ett åkta irländskt regn kan hålla på i tre veckor* [SASO, 2009: 1248] «Настоящий ирландский

значении «длиться, продолжаться» и инфинитив основного глагола с частицей *att*. В употреблении этой конструкции традиционно выделяются два различных значения, не объединяемых общим смысловым признаком. Так, в опубликованной на рубеже веков Шведской Академической грамматике эти значения получают следующую семантическую интерпретацию [SAG, 1999: 334–335]:

1. Так называемое прогрессивное (швед. *progressiv*) значение, в котором современные авторы шведских грамматик и усматривают функциональное сходство с английской формой *Continuous* [Dahl, 1982: 62–63; Bolander, 2004: 122]. Предлагаемый ниже анализ функционально-семантических особенностей шведской конструкции направлен на то, чтобы показать, что между ними, однако, имеются существенные различия, препятствующие этому. Во избежание отождествления шведской конструкции с английской аналитической формой данное значение, следуя принятой в отечественном языкознании традиции, называется в предлагаемой статье конкретно-процессуальным, что в большей степени соответствует реальным фактам шведского языка [Маслова-Лашанская, 1953: 256–257; Маслов, 2004: 471].

2. Так называемое тенденциальное (швед. *tendentiell*) значение «предотвращенного» события при употреблении с инфинитивом предельных мгновенно-одноактных глаголов (событие «вот-вот произойдет» – в контексте настоящего; «чуть не произошло» – в контексте прошлого).

Рассмотрим подробнее особенности семантики и употребления конструкции *hålla på* с инфинитивом в той же последовательности.

I. Конкретно-процессуальное значение

Контекстуальный анализ позволяет выделить несколько семантических зон употребления конструкции в этом значении.

1. Контролируемые одушевленным агенсом целенаправленные динамические процессы ограниченной длительности (‘находиться в процессе какой-либо деятельности, быть занятым чем-либо’).

Употребление конструкции в расширенном варианте с предлогом *med* “с” *hålla på med att* + инфинитив зафиксировано в шведских письменных текстах с 1535 г. именно в этом значении [NEO, 1996: 3]. В современных словарях шведского языка [NEO, 1996: 3; SO, 1999: 480; SvS, 2003: 505; SOSA, 2009: 1248] и в Шведской Академической грамматике [SAG, 1999: 334] также отмечается факультативная возможность расширенного варианта с предлогом *med*. Однако в нашем материале конструкция с предлогом *med* не встретилась ни в

дождь может продолжаться в течение трех недель»; *när det riktiga kriget redan hade hållit på i några år* (Dagerman) «когда настоящая война уже продолжалась несколько дней».

письменных текстах, ни в интернете, хотя носители шведского языка отмечают факультативную возможность такого употребления. Можно лишь предположить, что в результате грамматизации оно вышло или выходит из употребления в письменных текстах, но по-прежнему сохраняется в устной речи при одушевленном подлежащем.

Конструкция употребляется в этом значении с предельными и нейтральными глаголами², у которых «предельность находит выражение *при участии субъекта и объекта*» (курсив мой. – Е. Ч.) [Бондарко, 1996: 125]. Типичными для такого употребления являются контексты с обстоятельством *just* «как раз/именно сейчас (в данный момент)», которое подчеркивает протекание процесса в его конкретности и динамике, часто в сочетании с дейктическими обстоятельствами настоящего (в презенце) или дистантного прошлого (в претерите)³: *Partistyrelsen håller just nu på att behandla fler beslut som snart kommer att presenteras* «Как раз сейчас партийное руководство занимается принятием решений по нескольким вопросам, которые в скором времени будут представлены»; *Just den morgonen höll Pippi på att baka pepparkakor* (Lindgren) «Как раз в то утро Пеппи (занималась тем, что) пекла имбирные пряники». Значение растянутого во времени процесса ограниченной длительности усиливается при указании на множественность объекта (как в примерах выше) и/или субъекта действия: *Två främmande män håller på att dra av en presenning från båten* (Fredriksson) «Двое незнакомых мужчин стаскивают брезент с лодки»; *Vi håller just nu på att uppdatera våra säkerhetsnycklar* «Как раз сейчас мы обновляем ключи безопасности»; *Det är krig över nästan hela jorden, människorna håller på att ta livet av varandra* (Moberg) «Почти на всей земле идет война, люди (заняты тем, что) лишают друг друга жизни»; *Några kunder höll på att tanka sina bilar* «Некоторые клиенты (в это время как раз) заправляли свои машины». Конкретно-процессуальное значение ограниченной длительности сохраняется и в нейтральном контексте, с акцентом на постепенности и/или интенсивности его протекания, если это позволяет лексическая семантика глагола: *Carl Bildt håller på att privatisera svensk utrikespolitik* «Карл Бильдт (постепенно) приватизирует шведскую внешнюю политику».

² Такие глаголы могут обозначать как предельные, так и непредельные ситуации, в зависимости от типа контекста [Comrie, 1976: 44–48], как, например, англ. *to sing a song* «петь/спеть песню», швед. *skriva* «писать/написать»; на шведском материале см. об этом подробнее в [Чекалина, 2011: 23–25].

³ Примеры из художественных текстов с указанием автора в скобках взяты из [Чекалина, 1993]. Материал без указания источника взят из Интернета и приводится в написанной под моим руководством дипломной работе студентки С(А) ФУ имени М.В. Ломоносова И. Боголеповой «Семантика и употребление видовой аналитической конструкции *hålla på* с инфинитивом в шведском языке и способы ее перевода на русский язык». Архангельск, 2013. Жирным шрифтом выделяются эксплицирующие семантику конструкции средства контекста.

Конструкция встречается в этом значении и в диалогической речи, например: – När gick hon? – **Vid åttatiden**, kanske. Jag höll på att lägga Elias «– Когда она ушла? – Кажется, часов в восемь. Я (в это время как раз) укладывала Элиаса спать»⁴.

Интересны примеры с «двойным» указанием на актуальную длительность ограниченного пространством и временем процесса – сочинительной конструкцией с глаголами положения в пространстве и конкретно-процессуальной конструкцией *hålla på* с инфинитивом: Pippi **satt på en pall och höll på att tvätta** fötterna i en balja (Lindgren) «Пеппи сидела на скамеечке и (как раз в этот момент занималась тем, что) мыла ноги в тазике»; Reparatören **stod utanför verkstadsdörren och höll på att ta adjö** av en kund (Rönblom) «Монтер стоял у входа в мастерскую и (как раз в этот момент) прощался с клиентом». Однако в таких случаях вряд ли можно говорить об устойчивых лексико-синтаксических конструкциях с псевдосочинением (см. об этом ниже), хотя предикаты с сочинительной связью нельзя поменять местами, поскольку глаголы положения в пространстве здесь синтаксически автономны и распространены в обоих примерах обстоятельствами с конкретизирующей локативной семантикой.

Показательна также и другая возможность «двойного» указания на растянутость процесса – конкретно-процессуальной конструкцией *hålla på* + инфинитив с семантикой ограниченной длительности и словосочетанием с материально тождественным поствербу предлогом *på* и именным компонентом, маркирующим неограниченную длительность⁵: Du håller på att skriva på din andra bok? «Ты (сейчас занята тем, что) пишешь свою вторую книгу?» (из помещенного в Интернете интервью с шведской писательницей М. Фредрикссон).

При употреблении с одушевленным подлежащим конструкция с инфинитивом имеет синтаксический вариант с псевдосочинением: Han **håller på och skriver** en bok om istiden «Он (занят тем, что) пишет книгу о ледниковом периоде»; Myndigheten **höll på och planerade** en informationskampanj «Администрация занималась планированием информационной кампании». Показательно, однако, что в конструкции с псевдосочинением никогда не употребляется обстоятельство *just*, конкретизирующее приуроченность протекания процесса к ограниченному отрезку времени. В таких случаях происходит «смещение» смыслового акцента; при этом подчеркивается не ограниченная длительность и/или постепенность процесса, а интенсивность его

⁴ Именно такие контексты служат основанием для отождествления шведской конструкции с английской формой Continuous.

⁵ Bo åt på en smörgås när vi kom [Bolander, 2004: 122] «Бу (все еще) ел бутерброд, когда мы пришли»; Strindberg skrev på en roman i flera år «Стриндберг писал роман несколько лет»; Kaninen åt på moroten «Кролик (все еще) ел морковку» [SAG, 1999: 330].

протекания: Nicke **höll på och målade** [SAG, 1999: 337] «Никке все (время/еще) красил (и красил)».

В конструкциях с псевдосочинением указание на неограниченную длительность процесса может эксплицироваться темпоральными обстоятельствами, а также перечислением нескольких направленных на достижение конкретного результата действий: Sedan **höll han på i månader och ringde och sms:ade och skrev** långa mail (Fredriksson) «Потом он месяцами звонил и писал эсэмэски и посылал длинные электронные письма». Показательно, что здесь также имеется указание на множественный объект.

Функционирование конструкции с псевдосочинением имеет и другие особенности.

А) Только при псевдосочинении возможно обстоятельство с семантикой неограниченной протяженности продолжающегося процесса *fortfarande* “по-прежнему”, что также свидетельствует в пользу лексико-синтаксического характера конструкции без признаков грамматизации: **Håller ni fortfarande på och samlar** material till artiklarna som ni inte ska skriva? (Rönblom) «А вы по-прежнему собираете материал для статей, которые не будете писать?»; Elvis Presley **höll fortfarande på och rockade** borta i bandspelaren «Где-то вдали из магнитофона по-прежнему доносился рок в исполнении Элвиса Пресли».

Б) Конструкция с псевдосочинением может употребляться в формах перфектного ряда: Då märkte han ju att han redan tagit den där försäkringen, att han **hållit på och betalat** premier varje dag (Dagerman) «Он ведь тогда заметил, что уже приобрел эту страховку и давно платит страховые взносы каждый день».

В) Как отмечают авторы Шведской Академической грамматики, при выражении интенсивности процесса в конструкции с псевдосочинением возможен неопределенный глагол: Palle **håller på och jobbar** «Палле всё (время/еще) работает» [SAG, 1999: 336]⁶.

При одушевленном агенте инфинитив может употребляться в форме пассива на -s, для которой в принципе характерна имперфективная видовая семантика [Thorell, 1973: 135], в том числе с наречием *just*: Huset **håller just på att byggas** [SO, 1999: 480] «Дом как раз сейчас строится»; Boken **håller just på att tryckas** «Книга как раз сейчас печатается»; Ett nytt parti **håller på att bildas** «Создается новая партия»; I Nigeria **håller 15 ryska sjömän på att förhöras** «В Нигерии продолжаются допросы 15 российских моряков» (здесь так-

⁶ Аналогичное употребление конструкции с неопределенным глаголом при выражении интенсивности процесса с множественным смысловым субъектом встретилось и в шведском переводе романа М.А. Булгакова: Кое-кто уже ползал в проходе, шаря под креслами [556]; Någon **höll** redan **på att krypa** omkring i gången **och snoka** under stolarna [150] (букв. ползал и шарил).

же с множественным объектом действия). Показательно, что вариант с псевдосочинением в этих случаях невозможен.

2. Постепенное изменение ситуации при обозначении растянутых во времени процессов кратковременной или ограниченной длительности⁷, не контролируемых инактивным субъектом и предполагающих внешнего наблюдателя⁸.

а) (чаще) при неодушевленном субъекте:

Kvällsskymningen håller på att falla men det kommer nog inte att bli mörkt på ett tag (Fredriksson) «Постепенно опускаются сумерки, но темно станет не сразу»; Allmän fördumning eller vad håller på att ske? «А что – (постепенно) происходит всеобщее оглупление?»; Trafiken höll på att ebba ut «Уличное движение (постепенно) стихало» [SO, 1999: 480]; Det omöjliga förblev omöjligt, det höll på att kväva mig (Bergman) «Недостижимое так и оставалось недостижимым, душило меня»⁹;

б) (реже) при одушевленном субъекте:

Pappa håller på att förlora sin gamla form (Evander) «Папа (постепенно) теряет свою прежнюю форму»; Birk höll redan på att somna (Lindgren) «Бирк уже засыпал».

При неодушевленном субъекте встречается употребление с обстоятельством *just*, фиксирующим конкретный момент протекания процесса: Klockan var ännu inte fyra och solen höll **just** på att gå upp (Fogelström) «Еще не было четырех, и солнце как раз всходило»; Solen höll **just** på att gå ner (Fogelström) «Солнце как раз садилось».

Эффект растянутости процесса ограниченной длительности здесь также усиливается при множественном субъекте –

а) (чаще) неодушевленном:

Världens jätteträd håller på att försvinna «Деревья-великаны во всем мире (постепенно) исчезают»; Här hittar du gamla, ovanliga, bra svenska ord som håller på att falla i glömska «Здесь ты найдешь старые, необычные, хорошие шведские слова, которые (постепенно) забываются»; De gamla träden, som **just** höll på att tappa sina sista blad, susade

⁷ Процессы, характеризующиеся относительной непродолжительностью временного интервала, представляются «растянутыми» во времени и обозначают «предельные действия с недостижимым пределом» [Маслов, 1976: 129].

⁸ К этой группе относятся, в частности, глаголы, обозначающие природные процессы, эмоциональные состояния, движение, звучание; о взаимодействии их лексической семантики с аспектуально-акциональными значениями в русском языке; см., например: [Гловинская, 2001: 120–121].

Близкую семантику имеют перифрастические конструкции с глаголом «быть, находиться» и причастием настоящего времени в итальянском (глагол *stare* только в настоящем времени *sto* и имперфекте *stavo*) и испанском языке (глагол *estar*), имеющие «действенный характер, видимые или слышимые», и предполагающие наличие внешнего наблюдателя [Мэрчэнд, 1962: 357].

⁹ Перевод на русский язык выполнен А.А. Афиногеновой в книге: *Бергман И. Исповеданные беседы*. М., 2000. С. 39.

så dystert (Lindgren) «Старые деревья, с которых как раз опадали последние листья, так мрачно шумели»; En hel natt satt hon och plitade på det där inbjudningskortet, och frampå morgonkvisten, när stjärnorna **just** höll på att blekna över Villa Villekullas tak, tassade hon över Tommy och Annikas villa och stoppade ner brevet i deras låda (Lindgren) «Целую ночь она сидела и корпела над этим приглашением, а ближе к утру, как раз когда звезды наш крышей Виллы Виллекулла начинали бледнеть, она на цыпочках пробралась к дому Томми и Анники и опустила письмо в их ящик»;

б) (значительно реже) одушевленном:

Palestinska kristna håller på att försvinna «Палестинские христиане (постепенно) исчезают».

В инфинитиве также возможны формы на -s; однако здесь они имеют близкое медиальному инактивное значение и не содержат указания на агенс: Dialekterna **håller på att utjämnas** «Происходит (постепенное) выравнивание диалектов»; Väderförhållandena **håller på att förvärras** «Погодные условия (постепенно) ухудшаются»; Klimatet **håller på att förändras** «Климат (постепенно) меняется».

В состав предиката может входить инфинитив предельного глагола bli «стать/становиться» с именной частью: Italien håller på att bli fattigt «Италия (постепенно) беднеет»; Han håller på att bli gammal «Он (постепенно) стареет». При употреблении с одушевленным субъектом конструкция приобретает ингрессивный оттенок: Du håller på att bli en nörd «Ты (постепенно) становишься занудой»; Han håller på att bli en världsmålvakt «Он (постепенно) становится вратарем мирового класса»; Jag kände att jag höll på att bli galen (Bergman) «Я чувствовал, что (постепенно) схожу / начинаю сходить с ума»; Jag misstänkte att jag höll på att bli sinnessjuk «У меня было ощущение, что я (постепенно) теряю / начинаю терять рассудок». Особенно заметно проявляется ингрессивный оттенок при употреблении в презенсе с предикатами, обозначающими кратковременные процессы, вызывающие наступление нового состояния, нежелательного для одушевленного субъекта: Jag håller nog på att få en vårsnuva (Sundström) «Похоже, что у меня начинается весенний насморк»; Jag är rädd att jag kanske håller på att få starr själv (Jersild) «Боюсь, что у меня самого начинается катаракта»; Paparazzin håller på att tröttna på denna kändis «Папарацци (постепенно) начинают надоедать эта знаменитость».

Конструкция с псевдосочинением при употреблении в этом значении невозможна.

II. Значение «отсроченного» события

Hålla på att + инфинитив выступает в значении «отсроченного» события при употреблении с мгновенно-одноактными (так назы-

ваемыми «моментальными») предельными глаголами¹⁰, которые обозначают не контролируемые одушевленным субъектом процессы, чаще всего имеющие негативную лексическую семантику: drunkna «утонуть», dö «умереть», glömma «забыть», missa «упустить», ramla «свалиться», slänga «выбросить», svimma «потерять сознание, упасть в обморок», förstöra «разрушить» и др. Употребление конструкции в этом значении зафиксировано в письменных текстах с 1664 г. [NEO, 1996: 3; SASO, 2009: 1248].

Глаголы, обозначающие как мгновенно-одноактные, так и многократно повторяемые спонтанные процессы, не контролируемые одушевленным субъектом, могут употребляться также в конструкции с псевдосочинением. При этом конструкция с инфинитивом употребляется для выражения предотвращенного события, а конструкция с псевдосочинением – при указании на интенсивную многократность процесса; ср.: Pelle håller på att hosta / håller på och hostar [SAG, 1999: 337] «Пелле вот-вот закашляет (здесь с ингрессивным оттенком) / все (время/еще) кашляет»; Sara höll på att nysa / höll på och nös [Språkriktighetsboken, 2005: 190] «Сапа чуть (было) не чихнула / все чихала».

В значении предотвращенного события функционально-семантические различия обусловлены дейктическим временем употребления в претеритальном или презентном контексте. В претерите значение предотвращенного события выступает более четко и встречается несколько чаще, чем в презентном употреблении; поэтому представляется целесообразным начать анализ материала именно с него.

1. В претеритальном контексте – ‘событие чуть (было) не произошло’:

En 79-årig kvinna höll på att dö när hennes trygghetsalarm inte fungerade «79-летняя женщина чуть не умерла, когда у нее не сработала тревожная кнопка»; Mannen höll på att ramla av stolen «Мужчина чуть не свалился со стула»; Förresten, det höll jag på att glömma (Fredriks-son) «Кстати, я чуть не забыл(а) об этом»; Umeåbo vann miljon – höll på att slänga lotten «Житель Умео выиграл миллион – (он) чуть не выбросил выигрышный лотерейный билет»; Hos en Umeåbo höll julgransplundringen på att kosta honom en miljon kronor «Жителю Умео праздник прощания с рождественской елкой чуть не стоил миллиона крон»; Dopingmissbruk höll på att kosta honom livet «Злоупотребление допингом чуть не стоило ему жизни»; Jag höll på att svimma av förskräckelse «Я чуть не потерял(а) сознание от страха»; Lotta höll på att förblöda – fick vänta på ambulans «Лотта чуть не погибла от крово-

¹⁰ Особенность лексического и акционального (способ действия) значения «моментальных» глаголов типа русского *вспыхнуть* состоит в том, что «само возникновение действия знаменует одновременное достижение предела» [Маслов, 1984: 11].

потери – пришлось ждать скорую помощь»; Prästen höll på att tappa glasögonen (Sand) «Священник чуть не уронил очки»; Jag höll på att skjuta ihjäl K. «Я чуть не застрелил К.»; Mitt hjärta höll på att stanna (Pirzadeh) «Мое сердце чуть не остановилось».

Значение предотвращенного в прошлом события, которое было на грани своего осуществления, но не произошло, может усиливаться обстоятельствами nästan «почти» и nära «близко» (последнее характерно для разговорной речи): Hon höll nästan på att drunkna när någon plötsligt fick se henne «Она чуть было не утонула, когда кто-то вдруг увидел ее»; Fyra spelare höll nära på att missa träningslägret i Florida «Четверо игроков чуть было не пропустили тренировочные сборы во Флориде». В русском языке аналогичную функцию выполняет частица *было* при отрицании.

В состав предиката может входить аналитическая конструкция с глаголом bli в инфинитиве и причастием 2 переходного глагола с перфективно-результативной семантикой пассива действия, который употребляется в шведском языке главным образом при одушевленном агенте: Sökte hjälp med hyran men höll på att bli vräkt «Обратился за субсидией на квартплату, но меня чуть не выселили»; Vi höll på att bli upprätna!!! «Нас чуть было не съели!!!».

Употребление аналитической конструкции с пассивом действия в презенсе при выражении наметившейся, но не реализованной ситуации невозможно, поскольку этому препятствует перфективно-результативная семантика причастия 2.

Отметим также, что при конкретно-процессуальном значении конструкции аналитический пассив действия bli + причастие 2 с перфективно-результативной семантикой в инфинитиве не встречается. Как показал проведенный выше анализ, для него, напротив, характерно употребление инфинитива в пассиве на -s с имперфективной аспектуальной семантикой, которая несовместима со значением предотвращенного события. Таким образом проявляется в шведском языке семантическая связь между аспектуальностью и залогом¹¹.

При неодушевленном субъекте конструкция встречается в значении предотвращенного события крайне редко, причем только в претеритальном контексте: Huset höll på att brinna upp [SO, 1999: 480] «Дом чуть не вспыхнул»; Det stormade så taket höll på att blåsa av [Garlén, Sundberg, 2008: 289] «Был такой ураган, что крышу чуть не снесло ветром». Показательно, однако, что примеры такого употребления не встречаются в аутентичном материале, но приводятся в словаре и справочном издании.

2. В презентном контексте – ‘событие вот-вот произойдет’.

¹¹ О связи между этими категориями на материале русского языка см., например: [Князев, 2007: 58; Пупынин, 1984: 175–188; Шубик, 1984: 166–174].

В большинстве употреблений в презенсе конструкция выступает с ингрессивным оттенком: *Hur mycket ska man egentligen behöva ta på sig, håller hon på att utbrista* (Trosell) «Сколько же все-таки необходимо брать на себя, вот-вот готово вырваться у нее»; *En livshotande situation, till exempel när vi håller på att drunkna* «Угрожающая жизни ситуация, например, когда мы тонем»; *Om man känner att man håller på att svimma kan det hjälpa att lägga sig ner* «Если чувствуешь, что теряешь сознание, может помочь, если лечь».

Вместе с тем при употреблении в презентном контексте речь может идти и о процессах, спонтанное наступление которых является ожидаемым и даже желательным для субъекта: *Eric, kom! Datasalen ska stängas nu! – Jag håller på att vinna, det är det som är jobbigast! «Эрик, пойдем! Компьютерный зал сейчас закроется! – Я вот-вот выиграю/начинаю выигрывать, вот в чем проблема!»*. Нежелательной в таком случае является ситуация, препятствующая потенциально возможному «отсроченному» результату предельного мгновенно-одноактного действия.

При употреблении в презентном контексте возможна и более выраженная отнесенность к ближайшему будущему: *Håller Barack Obama på att överge oss? «Неужели Барак Обама вот-вот покинет нас?»*. В этих случаях конструкция имеет проспективный оттенок и обозначает состояние, «чреватое» некоторой будущей ситуацией, а не саму эту ситуацию» [Плунгян, 2011: 386]. При этом наступление ситуации может произойти лишь спонтанно, по воле случая, а не предопределено намерением субъекта действия, какого-либо другого участника ситуации или самого говорящего. Особенности проспективной семантики «предотвращенного» события в презентном контексте хорошо видны при употреблении конструкции в позиции прямого контраста с футуральным презенсом ближайшего будущего: *Han håller inte bara på att mista livet. Han mister också en dotter!* «Он не только вот-вот лишится жизни. Он еще и потеряет одну из дочерей!»;

När det känns att det håller på att ta slut «Когда возникает ощущение, что вот-вот наступит конец» (название романа популярного шведского писателя Стига Ларссона); (из опубликованного в интернете материала о Стиге Ларссоне): *Klockan sju på morgonen den 31 oktober 2010 – just den natt när sommartid övergår i vintertid – kommer den första varningen. Stig Larsson får inte luft. Fyra veckor senare händer det igen, och han hamnar på St. Görans sjukhus. Har tiden hunnit ifatt honom? Tar det slut nu? «В семь часов утра 31 октября 2010 года – как раз в ту ночь, когда происходит переход с летнего времени на зимнее, – появляется первый сигнал. Стигу Ларссону не хватает воздуха. Через четыре недели это происходит снова, и он попадает в больницу Св. Георгия. Неужели время настигло его? Неужели сейчас наступит конец?»*.

В тех случаях, когда указание на то, что предотвращенное действие затрагивает лицо, содержится в контексте, конструкция возможна и при неодушевленном субъекте: Åtstörningar höll på att förstöra hennes liv «Нарушения приема пищи чуть не лишили ее жизни»; Moa sover redan djupt, nappen håller på att ramla ur av sig själv «Мы уже крепко спит, соска того гляди выпадет сама по себе».

Вместе с тем при употреблении в презентном контексте не всегда можно разграничить конкретно-процессуальное значение представленных растянутыми кратковременных действий ограниченной длительности и значение предотвращенного события: Jag håller på att falla ner i ett mörkt håll! Jag känner mig helt slut både psykiskt och fysiskt «Я проваливаюсь / того гляди провалюсь в темную бездну! Я чувствую себя совершенно разбитой и морально, и физически»; Jag var för liten för att förstå allt, men jag såg att även i dödens sällskap kan starka känslor finnas och att en människas hjärta kan vara fullt levande trots att kroppen håller på att dö (Jönsson) «Я был слишком мал, чтобы все понимать, но я видел, что сердце человека может оставаться живым, несмотря на то, что тело умирает/вот-вот умрет»; Sverige håller på att rasa samman «Швеция (постепенно) рушится/вот-вот рухнет». В некоторых случаях разграничению способствует контекст, в частности, указание на растянутость процесса при употреблении формы множественного числа существительного: Uppsalas stadskärna håller på att dö, men fler bilar kan rädda den! «Центр Упсалы (постепенно) умирает, но рост числа автомобилей может спасти его».

Конкретно-процессуальное значение при употреблении с инфинитивом предельных глаголов, обозначающих мгновенно-одноактные действия, возможно при поддержке благоприятного контекста и в других случаях: Då han når kiosken håller den just på att stänga (Evander) «В тот момент когда он подходит к киоску, его уже закрывают». Здесь это не только указание на одушевленный субъект одномоментного действия в лексической семантике инфинитива предельного глагола stänga «закрывать, закрываться» при непереходном употреблении, но и «двойное» указание на ситуативный момент:

(1) обстоятельством just; (2) структурой и семантикой СПП, в котором выражено «пересечение» двух одномоментных предельно-результативных действий, представленных по-разному – как предельно-результативное событие в придаточном времени с союзом då и как ограниченно-длительный процесс с «отсроченным» результатом в главной части.

Роль вербального контекста при реализации конкретно-процессуального значения или значения предотвращенного события в конструкции *hålla på att* + *инфинитив* наглядно иллюстрируют примеры ее употребления с глаголом hända «происходить, случаться», который в шведском языке (в отличие от его русских переводных

эквивалентов) может обозначать и процессы ограниченной длительности, и одномоментные события. Как и в приведенном выше примере, важную роль играет при этом структура и семантика СПП. Так, в придаточных изъяснительных с присловной синтаксической связью¹² и в презентном, и в претеритальном контексте реализуется конкретно-процессуальная семантика конструкции: Ett tydligt tecken på **vad som håller på att hända** i USA «Явное свидетельство того, что происходит в США»; Det skedde så omärkligt, att jag först inte förstod **vad som höll på att hända** (Enquist) «Это случилось так незаметно, что сначала я не поняла, что происходит». В обоих случаях контекстом эксплицируется присутствие внешнего наблюдателя, которое является необходимым условием реализации конкретно-процессуальной семантики *hålla på с инфинитивом*.

Напротив, в СПП с придаточным времени, фиксирующим момент предотвращенного события, *hålla på с инфинитивом* в сказуемом главной части служит для обозначения наметившейся, но не состоявшейся ситуации: Fabriken hängde på den tunnaste av trådar. En fördring till och de skulle lägga ner den. Det **höll på att hända** när Hasse insisterade på att taket måste repareras (Ekman) «Судьба фабрики висела на тончайшем волоске. Еще одно подорожание, и ее пришлось бы закрыть. Этого чуть не произошло, когда Хассе настоял на том, что необходимо починить крышу». Определенную роль в реализации значения предотвращенного события играет, по-видимому, гипотетическая конструкция с претеритом модального глагола внешнего долженствования, которая используется в шведском языке при выражении будущего от прошлого.

В нейтральном контексте возможна двоякая интерпретация конструкции. Показательно, что потенциально возможные конкретно-процессуальное значение и значение предотвращенного события не дифференцируются и в более широком ситуативном контексте: Hon märkte i hela sin hettande kropp att någonting höll på att hända (Dagerman) «Она ощущала всем своим разгоряченным телом, что что-то происходит/ вот-вот произойдет».

Представляется, что общим для различных семантических реализаций смысловым компонентом, который делает возможной грамматизацию шведской конструкции *hålla på с инфинитивом*, является семантика отсроченного предела (результата) действия с «визуально наблюдаемым естественным результатом» (Плунгян, 1989: 58). Важно подчеркнуть, что *hålla på с инфинитивом* является в шведском языке единственной грамматизованной конструкцией с аспектуальной семантикой, которая базируется на значении предельности. Этим она принципиально отличается от лексико-синтаксических конструкций

¹² В таких придаточных содержится косвенный вопрос, вводимый относительным местоимением [Жильцова, 2006: 33–34].

без признаков грамматизации, которые представлены различными типами сложного глагольного сказуемого с семантикой длительности и употребляются только при одушевленном смысловом субъекте. К ним относятся:

1) конструкции с псевдосочинением, в состав которых входит один из трех глаголов положения в пространстве – *sitta* “сидеть”, *stå* “стоять”, *ligga* “лежать” (в зависимости от реальной денотативной ситуации), сохраняющий собственное лексическое значение, и основной смысловой глагол, который может быть как нейтральным в плане предельности, так и неопределенным: *Hon sitter och virkar* «Она сидит и вяжет крючком»; *De stod och väntade* «Они стояли и ждали» [SAG, 1999: 334–335];

2) конструкции, в состав которых входит глагол становления *bli* и причастие 1 неопределенных глаголов положения в пространстве, выражающие ограниченную внешним временным пределом длительность¹³: *Framför spegeln blev han länge stående* (Enquist) «Он долго простоял перед зеркалом»; *De satte sig till rätta och blev sittande ända till kvällen* (Lagerkvist) «Они сели поудобнее и просидели так до самого вечера»; *Hon föll framför farstustenen och blev liggande en dag* (Högberg) «Она упала возле камня у порога дома и пролежала так весь день».

Однако уровень грамматизации шведской аспектуальной конструкции *hålla på* с инфинитивом незначителен, по сравнению, например, с аналитическими формами перфектного ряда или аналитической конструкцией с семантикой прогностического будущего *kommer att* + инфинитив. Для нее характерна лексическая и грамматическая избирательность, а широкий спектр не всегда четко разграничиваемых аспектуальных значений предопределяется контекстуальными факторами. Как показывает проведенный анализ, ведущую роль среди них играют не только лексическая и акциональная (способ действия) семантика глагола в инфинитиве, но и семантика смыслового субъекта по линии лексико-грамматической категории одушевленности/неодушевленности¹⁴. Этим обусловлена и узкая функциональная сфера рассматриваемой конструкции. Она употребляется преимущественно в презенсе и претерите, но практически не встречается в формах перфектного ряда (за исключением случаев с псевдосочинением),

¹³ В русском языке эту функцию выполняют делимитативные и пердуративные глаголы совершенного вида с приставками *по-* и *про-*.

¹⁴ Исследователи отмечают связь грамматической семантики глагольных форм и конструкций с лексико-грамматическими категориями глагола (предельность/непредельность; переходность/непереходность) и имени (одушевленность/неодушевленность; считаемость/несчитаемость). «Это наиболее крупные (членящие данные части речи без остатка) грамматически значимые разряды лексики, имеющие отвлеченные значения, сопоставимые со значениями грамматических категорий» [Бондарко, 1996: 123].

хотя в Шведской Академической грамматике приводится пример такого употребления с неопределённым глаголом: *Han har hållit på att springa hela morgonen* [SAG, 1999: 336] «Он все утро (про)бегал». Не встречается эта конструкция и в инфинитиве, в том числе в составе аналитических конструкций с семантикой прогностического и модального будущего.

Hålla på с инфинитивом не обладает признаком облиigatorности и не является «грамматически релевантной» [Мэрчэнд, 1962: 363]. Поэтому она невозможна в позиции прямого контраста предикатным формам того же глагола, подобно английским формам *Continuous/Indefinite* или русским глаголам несовершенного/совершенного вида, как, например: *писал, да не написал, тонул, да не потонул* [Петрухина, 1988: 92–93].

Одной из наиболее показательных особенностей шведской конструкции, отражающих ее периферийный статус в системе глагола, является тот факт, что она никогда не употребляется в вопросительных высказываниях и при отрицательной предикации (в значении предотвращенного события отрицание возможно только при инфинитиве; примеры такого употребления приводятся ниже).

При «большой семантической емкости» [Смирницкая, 1977: 8–9] *hålla på с инфинитивом* не встречается в транспонированном употреблении, что также свидетельствует о незначительном пороге ее грамматизации и¹⁵ существенно отличает ее в функциональном плане от английской аналитической формы *Continuous*¹⁶.

Структурными признаками незначительной грамматизации *hålla på с инфинитивом* являются устойчивость инфинитивной частицы¹⁷, а также включение фразовых обстоятельств (в том числе отрицания) и обстоятельств ситуации в инфинитивную рамку¹⁸, например: *När*

¹⁵ Для английской аналитической формы *Continuous* транспонированным является употребление в футуральном значении.

¹⁶ О различных семантических функциях английской формы *Continuous* см., например [Palmer, 1965: 93–100].

¹⁷ Так, в футуральной аналитической конструкции с семантикой прогностического будущего *kommer att + инфинитив*, которая обладает высоким уровнем грамматизации (что проявляется, в частности, при ее употреблении в позиции прямого контраста как синтетическим, так и аналитическим формам презенса, претерита, перфекта и плюсквамперфекта), инфинитивная частица может опускаться в разговорной и неформальной письменной речи (в том числе в прессе): *I Dixiesalongen kommer du få återuppleva gamla kända band* (Svenska Dagbladet) «В салоне Дикси ты снова услышишь старые знакомые мелодии».

¹⁸ При употреблении в футуральной конструкции *kommer att + инфинитив* как фразовые обстоятельства, так и обстоятельства ситуации, напротив, выносятся за инфинитивную рамку и помещаются после личной формы глагола перед инфинитивной частицей: *Jag kommer inte att bli värre* (Sundström) «Я не стану хуже»; *Vi kommer aldrig att nå stranden av egen kraft* (Engström) «Мы никогда не доберемся до берега своими силами».

hon äntligen kom, höll hon på att inte hitta hem (Fogelström) «Когда она наконец вернулась, то едва нашла дорогу домой» (букв. «Чуть было не не нашла дорогу домой»); Jag höll på att inte känna igen dig (Jersild) «Я едва узнал тебя» (букв. «Чуть было не не узнал тебя»); ...en stor roman, som höll på att aldrig bli färdig (Lo-Johansson) «...большой роман, которому грозило никогда не быть законченным»; Situationen håller på att snabbt förändras (G. Bergman) «Ситуация быстро меняется».

Шведская конструкция, выражающая различные аспекты отсроченного предела (результата) процессов ограниченной длительности, представляет интерес и в типологическом плане. Особенности функционирования *hålla på* с инфинитивом проявляют некоторое сходство с тенденциями, имевшими место при формировании славянской категории вида, семантическую основу которой также составляли предельные глаголы результативного способа действия¹⁹. Таким образом, предельность служит категориальной основой аспектуальной семантики глаголов не только в русском, но и в шведском языке²⁰.

Конструкция *hålla på* с инфинитивом является наиболее специализированным способом передачи несовершенного вида русских предельных глаголов²¹, о чем свидетельствуют примеры из шведского перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Поскольку основу при выборе переводного эквивалента составляют русские глаголы несовершенного вида со значением потенциального предела, выделение семантических зон при анализе материала определяется здесь параметрами соотношения между контекстами языка оригинала и языка перевода.

1. Предельные глаголы, которые обозначают контролируемые одушевленным субъектом целенаправленные процессы ограниченной протяженности, предполагающие внешнего наблюдателя. Показательно, что во всех случаях, встретившихся в шведском переводе романа М.А. Булгакова, рассматриваемая конструкция употребляется с лексически и/или грамматически выраженным множественным субъектом, что усиливает эффект растянутости кратковременных процессов:

¹⁹ Именно для таких глаголов появилась потребность формального разграничения двух семантических возможностей: процессной направленности на достижение результата, предела» (очень похожий на то значение, которое реализуется в шведской конструкции с предельными глаголами) и его реального достижения [Маслов, 1984: 108; 2004: 471].

²⁰ На материале немецкого языка см. об этом [Павлов, 1984: 48–49].

²¹ Заключенный в значении СВ признак ограниченности действия пределом выходит далеко за рамки видовых пар, выражающих соотношение «направленность — достижение», распространяясь на все глаголы СВ [Бондарко, 1996: 129]. Различие между предельностью и непредельностью, таким образом, реализуется в русском языке под воздействием облигаторной видовой системы, а широкое распространение предельности, связанной с результатом, является «платой за грамматикализацию» [Плунгин, 1989: 58–59].

(1) Полк снимался, это было ясно [600].

Skvadronen höll tydligt på att sätta sig i rörelse [215].

(букв. Полк явно приходил в движение).

(2) В углу допивала какая-то компания [516].

Ett sällskap borta i ett hörn höll på att dricka ur [92].

(3) Официанты, торопясь, срывали скатерти со столов [516].

Kypare höll skyndsamt på att ta bort dukarna från borden [93].

В примере (3) содержится указание на множественность не только грамматического субъекта, но и грамматического объекта (как прямого беспредложного, так и косвенного с предлогом) кратковременного предельного процесса, который может быть представлен растянутым лишь при неоднократном повторении. Показательно также, что в двух последних примерах употреблены шведские глаголы с поствербными наречными происхождения, которые могут однозначно трактоваться только как предельные. В то же время все три контекста характеризуются указанием на динамику протекания процессов, близких к финальной стадии.

2. Предельные глаголы, которые обозначают произвольные, не контролируемые одушевленным субъектом процессы, также имеющие ограниченные временные рамки и предполагающие близость перехода в новое состояние:

(4) Уж не схожу ли я с ума? [523].

Håller jag på att bli galen? [102].

3. Предельные глаголы, которые обозначают не контролируемые кратковременные процессы с близкой конечной границей:

(5) Поток гостей редел [323].

Strömmen höll på att tunnas ut [670].

(6) И когда Маргарита открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели [755].

När Margarita öppnade ögonen såg hon hur de galopperande ryttarnas utseende höll på att förändras [448].

(7) Солнце склоняется, а смерти нет [597].

Solen håller på att gå ner men ännu är han inte död [211].

Вместе с тем анализ шведского перевода романа М.А. Булгакова в целом выявил очень ограниченное употребление шведской аспектуальной конструкции при передаче действия в процессе протекания, по сравнению с русскими формами несовершенного вида предельных глаголов и английскими формами Continuous, встретившимися в английском переводе романа Булгакова. В частности, *hålla på с инфинитивом*, в отличие от английской формы Continuous, никогда не употребляется с глаголами движения, а при переводе русских глаголов несовершенного вида соответствующих предельных глаголов для выражения ограниченной длительности процесса используется лексико-синтаксическая конструкция с глаголом komma «приходить»

и причастием 1, семантику которой можно определить как способ появления движущегося субъекта:

(8) По лестнице *поднимался* вверх *бегом* одинокий фрачник [667].

En ensam herre i frack *kom springande* (букв. *появился бегущим*) *uppför trappan* [317].

The single man in the tailcoat *was coming up* the stairs at a run [265].

(9) По лестнице *подымались* двое последних гостей [670].

De två sista gästerna *kom gående* (букв. *появились идущими*) *uppför trappan* [323].

The last two guests *were coming up* the stairs [270].

В других случаях для передачи конкретно-процессуальной семантики несовершенного вида предельных глаголов движения в шведском переводе оказывается достаточным широкого контекста:

(10) Ала *возвращалась* с Лысой горы. Судя по звуку, она *проходила* через ту самую площадь, где был объявлен приговор [695].

Skvadronen *var på väg tillbaka* (букв. *была на обратном пути*) *från Golgata*. Av ljudet att döma *passerade* ryttarna nu över torget där domen hade kungjorts [359–360].

The ala *was coming back* from Bald Mountain. Judging by the sound, it *was passing* through the same square where the sentence had been announced [301].

Таким образом, отсутствие грамматической облигаторности шведской аспектуальной конструкции на фоне русского несовершенного вида и английской видо-временной формы Continuous проявляется в заметной лексико-семантической избирательности и ограниченности функциональной сферы.

Список литературы

- Берков В.П. Современные германские языки. СПб., 1996.
Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Романы. Кишинев, 1988.
Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
Жильцова Е.Л. Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке. М., 2006.
Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

- Маслова-Лашанская С.С.* Шведский язык. Ч. I. Л., 1953.
- Мэрченд Х.* Об одном вопросе из области вида (Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской) // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 355–364.
- Павлов В.М.* Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 42–70.
- Петрухина Е.В.* Видовая семантика и понятие предела действия // Актуальные проблемы русской морфологии / Под ред. К.В. Горшковой и Е.В. Петрухиной. М., 1988. С. 88–98.
- Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Плунгян В.А.* К определению результата // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 55–63.
- Пупынин Ю.А.* Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 175–188.
- Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
- Шубик С.А.* Аспектуальность и залоговость в немецком языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 166–174.
- Чекалина Е.М.* Предельность/непредельность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без нее (на материале русского и шведского языков) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Падуя, 2011. С. 23–25.
- Чекалина Е.М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Bolander M.* Funktionell svensk grammatik. Falköping, 2004.
- Bulgakov M.* Mästaren och Margarita. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm, 2006.
- Bulgakov M.* The Master and Margarita. Translated and with notes by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky with an introduction by Richard Pevear. Suffolk, 1997.
- Dahl Ö.* Grammatik. Lund, 1982.
- Garlén C., Sundberg G.* Handbok i svenska som andraspråk. Stockholm, 2008.
- NEO – Nationalencyklopedins ordbok. Utarbetad av Språkdata. Göteborgs universitet. Andra bandet. Göteborg, 1996.
- Palmer F.R.* A linguistic study of the English verb. London, 1965.
- Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm, 2005.
- SAG – Svenska Akademiens grammatik. Telemann U., Hellberg St., Andersson E. Band 4. Syntax. Stockholm, 1999.
- SO – Svensk ordbok. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Stockholm, 1999.

SOSA – Svensk ordbok utgiven av Svenska Akademien. Utarbetad av Redaktionen för Svenska Akademiens samtidsordböcker. Band I–II. Göteborgs universitet. Göteborg, 2009.

SvS – Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm, 2003.

Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm, 1973.

Сведения об авторе: Чекалина Елена Михайловна, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: etch1@yandex.ru

И.Н. Кузнецова, К.И. Курбанова

ЭМФАТИЧЕСКОЕ И ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ФРАЗЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Настоящая статья посвящена описанию соотношения между эмфатическим и тема-рематическим членением во французском языке. В статье определяются русские эквиваленты для французских выделительных конструкций, а также проводится сопоставление коммуникативных стратегий французского и русского языков.

Ключевые слова: эмфаза, тема-рематическое членение, конструкция с презентативом *c'est*, реприза, инверсия, французский язык, русский язык.

The present article is devoted to the description of correlations between emphasis and the topic–comment structure in the French language. It is also aimed at finding Russian equivalents of the French emphatic constructions and comparing the communication strategies of the French and Russian languages.

Key words: emphasis, the topic–comment structure, construction “*c'est*”, reprise, inversion, the French language, the Russian language.

Предлагаемая статья посвящена анализу основных средств экспрессивного синтаксиса во французском языке (*mise en relief*) и их сопоставлению с русским языком.

Обращение к данной теме имеет двоякую направленность. В теоретическом плане рассмотрение выделительных конструкций французского языка в сопоставлении с русским позволяет внести определенную ясность в дискуссию о тема-рематическом и эмфатическом членении французской фразы, которая ведется во французской лингвистической литературе с 1990-х годов (см. [Palimpsestes, 1991]) и до настоящего времени не имеет однозначного решения [Mertens, 2008; Avanzi, 2011].

В практическом плане описываемый в статье лингвистический эксперимент позволил выделить наиболее адекватные способы перевода французских выделительных конструкций на русский язык, которые отсутствуют в известных французо-русских сопоставительных исследованиях [Гак, 2006; 2008; Халифман, Кузнецова, Козлова, 1981; Кузнецова, 2009].

Исходя из поставленной цели, был отобран материал из основных грамматик французского языка и статей французских авторов, при-

нявших участие в указанной дискуссии. На основе подобранной базы примеров было проведено анкетирование французских информантов, позволившее уточнить тема-рематическое членение найденных фраз. Параллельно список выделенных примеров был предложен информантам, носителям русского языка, для установления различных вариантов перевода.

Типология выделительных конструкций и даже обозначение конкретных приемов во французской лингвистической традиции не имеют однозначного фиксированного выражения. Тем не менее можно указать по меньшей мере три основных вида выделения, которые изменяют нормативный порядок слов французской фразы:

I. Конструкция с презентативом *c'est*;

II. Реприза;

III. Инверсия.

1. Выделительные конструкции с презентативом *c'est* (*présentatif*¹) могут относиться к любому элементу фразы:

C'est son père qui l'accompagnait toujours à l'école. / Son père l'accompagnait toujours à l'école.

Ecouter la radio, c'est ce qui lui a permis de faire des progrès en français. / Ecouter la radio lui a permis de faire des progrès en français.

C'est pour toi que je chante, mon grand père, c'est pour toi.

Некоторые исследователи [Mertens, 2004; Riegel, 2009] разделяют конструкции с эмфатически выделенным элементом **c'est** в начале предложения, называя такие предложения рассеченными (*constructions/phrases clivées*):

C'est ça qui ressort de son étude.

Эмфатизацию с оборотом **c'est** во второй части выделительно-го предложения в противоположность первым называют псевдорассеченными (*constructions pseudo-clivées*):

Ce qui frappe dans ces textes c'est qu'ils ont été écrits par de grands esprits.

Как мы увидим далее, подобные конструкции, независимо от позиции эмфатического центра, на уровне тема-рематического членения будут функционировать сходным образом, поэтому для удобства описания материала данный прием экспрессивного синтаксиса мы будем называть общим термином – конструкции с презентативом.

2. Вторым наиболее распространенным способом синтаксического выделения является повтор одного из элементов высказывания с помощью местоимения, называемый репризой (*reprise*²). Для этого

¹ В отдельных французских грамматиках принят также термин *extraction* [Denis, 1994; Riegel, 2009].

² Данный эмфатический прием имеет разные определения в лингвистической литературе: М. Рижель [Riegel, 2009], Б. Комбетт [Combettes, 1998] оперируют термином *détachement/ constructions détachées*, М. Бласко-Дюльбекко [Blasco-

приема используются либо личные, либо указательные местоимения:

Cette jeune fille, elle est belle. Elle est belle, cette jeune fille.

/ Cette jeune fille est belle.

Le sport, j'aime ça. J'aime ça, le sport.

/ J'aime le sport.

3. Перестановка или перемещение элементов высказывания, что в качестве общего термина можно назвать инверсией согласно с представлением лингвистических словарей О.С. Ахмановой [Ахманова, 2010], Ж. Дюбуа [Dubois, 1994]):

Aux enfants, je pardonne tout. / Je pardonne tout aux enfants.

Перейдем к анализу эмпирического материала³. Для удобства сопоставления информативного и эмфатического центров во французском и русском языках, одинарным подчеркиванием мы выделяем тему высказывания, двойным подчеркиванием – рему высказывания, жирным шрифтом будут размечены эмфатические коммуникативные компоненты.

1. Наиболее употребительным средством экспрессивного синтаксиса французского языка является **презентатив** *c'est*, который всегда обособляет *рематический компонент* эмфатического высказывания независимо от тема-рематического членения нейтральной фразы. Сравните:

1.1. <u>Michel a lu ce livre.</u>	<u>Мишель прочитал эту книгу.</u>
<u>C'est Michel</u> qui a lu ce livre.	<u>Эту книгу прочитал Мишель.</u>
	<u>Это Мишель</u> прочитал книгу.

Нейтральная фраза как во французском, так и в русском языках имеет общерематический характер.

Во французской фразе с презентативом *c'est* эмфатически выделенный элемент представляет собой одновременно и рему высказывания. В русском литературном языке эмфаза передается перемещением в конец фразы и также совпадает с ремой. В разговорной речи выделение происходит с помощью усилительных частиц – эмфатизаторов (например, «это», «вот», «именно»).

Примером с выделением одного члена предложения служат также следующие французские высказывания с соответствующими русскими переводами:

Dulbecco, 1999], Н. Ле Керле [Le Querler, 1999], М. Аванци [Avanzi, 2011] и др. называют этот феномен *dislocation / constructions disloquées*, П. Мертанс [Mertens, 2004] пользуется термином *double marquage* и т. д.

³ В статье не будет рассмотрен прием интонационного выделения, наиболее распространенный и во французском, и в русском языке, из-за отсутствия в нашем распоряжении экспериментальных данных по звучащей речи.

1.2. <u>Sa conduite m'étonne.</u>	<u>Его поведение меня удивляет.</u>
<u>Ce qui m'étonne, c'est sa conduite.</u>	<u>Что меня удивляет, так это его по-</u> <u>ведение.</u> <u>Что для меня удивительно, так это</u> <u>его поведение.</u>
<u>C'est sa conduite qui m'étonne.</u>	<u>Именно его поведение меня удивляет.</u>
1.3. <u>Mon fils rêve d'un vélo-sport.</u>	<u>Мой сын мечтает о спортивном вело-</u> <u>сипеде.</u>
<u>Un vélo-sport, c'est ce dont mon fils rêve.</u>	<u>Спортивный велосипед – вот о чем</u> <u>мечтает мой сын.</u> <u>Спортивный велосипед – вот мечта</u> <u>моего сына.</u>
<u>Ce dont mon fils rêve, c'est d'un vélo-</u> <u>sport.</u>	<u>О чем мечтает мой сын, так это о</u> <u>спортивном велосипеде.</u>

Эмфатизация может касаться сразу нескольких членов предложения. При этом для усиления экспрессивного и коммуникативного эффектов русская фраза так же может быть разбита на два предложения с помощью различных выделительных конструкций «вот что...», «что...», «так это»:

1.4. <u>On s'attend à une crise économique grave.</u>	<u>Ожидается серьезный экономический кризис.</u>
<u>Une crise économique grave, c'est ce à quoi on s'attend.</u>	<u>Серьезный экономический кризис – вот что нас ожидает.</u> <u>Серьезный экономический кризис – вот чего приходится ожидать.</u>
<u>Ce à quoi on s'attend, c'est à une crise économique grave.</u>	<u>Что ожидается, так это серьезный экономический кризис.</u>

При любом порядке слов и при любом тема-рематическом членении нейтрального предложения конструкции с презентативом **c'est** обособляют рему эмфатического высказывания. При этом в русском языке применяется инверсия, усиливаемая в разговорном языке разнообразными эмфатизаторами. Совпадением тема-рематического и эмфатического выделения достигается высокая степень эмфазы, поэтому презентатив **c'est** является основным выделительным средством французского экспрессивного синтаксиса.

2. Вторым по употребительности эмфатическим приемом во французском языке принято считать **репризу**, т. е. повтор одного (или нескольких) элементов фразы с помощью личного / указательного местоимения, который сопровождается вынесением влево или вправо обособляемого компонента:

2.1. <u>Cette fille est vraiment intelligente.</u>	<u>Эта девушка действительно умна/умная.</u> <u>Эта девушка в самом деле умная.</u>
<u>Cette fille, elle est vraiment intelligente!</u>	<u>Девушка эта действительно умна!</u>
<u>Elle est vraiment intelligente, cette fille!</u>	<u>А она действительно умная, эта девушка!</u> <u>Она и вправду умна, эта девушка!</u>

Вне зависимости от позиции обособления рематический и эмфатический центры не совпадают, выделенным оказывается *тематический компонент* высказывания.

Полная аналогия французской репризы, т.е. замена существительного соответствующим местоимением и перенесением влево или вправо обособляемого элемента фразы, наблюдаемая в приведенном примере, в русском языке встречается довольно редко, как правило, при обособлении одушевленного субъекта.

Рассмотрим другие французские примеры **репризы** и их эквиваленты в русском языке, в которых полная аналогия эмфатических центров не наблюдается. Когда перевод с перестановкой вправо в русском языке оказывается не совсем удачным, для обособления может быть использована только перестановка влево:

2.2. <u>J'adore ma soeur.</u>	<u>Я обожаю свою сестру.</u>
<u>Ma soeur, je l'adore.</u>	<u>Сестру я обожаю.</u> <u>А сестру свою я обожаю.</u>
<u>Je l'adore, ma soeur.</u>	<u>*Я обожаю ее, мою сестру.</u>
2.3. <u>J'aime le sport.</u>	<u>Я люблю спорт.</u>
<u>J'aime le sport.</u>	<u>Мне нравится спорт.</u>
<u>Le sport, j'aime ça.</u>	<u>А спорт я люблю.</u> <u>А вот спорт мне нравится.</u> <u>Спорт – это я люблю.</u>
<u>J'aime ça, le sport.</u>	<u>*Я люблю это, спорт.</u>

Прием репризы может также вызвать регистровый/стилистический сдвиг:

2.4. <u>Le directeur menace de fermer l'usine.</u>	<u>Директор грозит/угрожает закрыть завод.</u>
<u>Le directeur, il menace de fermer l'usine.</u>	<u>А директор грозится закрыть завод.</u>
<u>Il menace de fermer l'usine, le directeur.</u>	<u>Что до директора, он грозит закрыть завод.</u>

Французское нейтральное высказывание может быть рассмотрено либо как цельное рематическое, либо, что, на наш взгляд, более

точно, как членимое на тему и рему. Эмфатическое выделение снова затрагивает тему высказывания.

По свидетельству французских информантов, данный пример носит яркую разговорную окраску, что в русских переводах отражено с помощью лексических средств (стилистически нейтральные глаголы *грозить*, *угрожать* заменены на разговорную форму *грозиться*; а во втором предложении употреблен предлог *что до*, также относящийся к разговорному стилю).

Анализ приведенных примеров показывает, что в большинстве случаев французской репризе в русском языке соответствует вынесение обособляемого элемента в начало фразы, что при необходимости усиливается эмфатизаторами: *а, что до*. При этом и во французском, и в русском языках выделение затрагивает тему, а не рему высказывания. В силу этого информативный и эмфатический центры не совпадают. Происходит как бы раздвоение фразы на две части, которые одновременно оказываются выделенными: одна часть выделена рематически, другая – эмфатически. По этой причине экспрессивный акцент эмфазы оказывается сниженным.

3. Одним из основных приемов эмфатического выделения во французском и русском языках является также **инверсия**, или перестановка (*déplacement*), которую мы понимаем в широком смысле, как «нарушение обычного расположения (порядка следования) составляющих предложения слов и словосочетаний, в результате чего «переставленный» элемент предложения оказывается выделенным...» [Ахманова, 2010: 176]. Данный термин представляется наиболее адекватным для характеристики анализируемого явления, в отличие, например, от термина **дислокация** (*dislocation*), предлагаемого отдельными французскими авторами [Blasco-Dulbecco, 1999; Le Querler, 1999], поскольку он позволяет различать репризу и инверсию.

В большинстве случаев инверсия обособляет *тематический компонент* французского высказывания:

3.1. <u><i>On s'amuse plus comme avant à Paris.</i></u>	<i>В Париже больше не веселятся, как раньше.</i> <i>В Париже уже не так весело, как прежде.</i>
<i>A Paris on s'amuse plus comme avant.</i>	<i>А вот в Париже уже не веселятся, как прежде.</i>

Инвертированное обстоятельство *à Paris*, являвшееся частью ремы нейтрального предложения, становится эмфатически выделенной темой и выносится в начало фразы. Эмфатическая тема в русском языке обособляется с помощью эмфатизатора *а вот*.

Следующий пример имеет аналогичную структуру – эмфатически выделенная тема + рема:

3.2. <u>Il se souviendra longtemps de cette histoire.</u>	<u>Он еще долго будет помнить / вспоминать эту историю.</u>
<u>De cette histoire, il se souviendra longtemps.</u>	<u>Об этой истории он долго будет помнить.</u>

Французское и русское высказывания могут быть нечленимыми рематическими конструкциями, получающими экспрессивное усиление при инверсии:

3.3. <u>Les vacances sont finies.</u>	<u>Каникулы закончились.</u>
<u>Finies, les vacances !</u>	<u>Вот и кончились каникулы!</u> <u>Все, закончились каникулы!</u>

Инверсия подлежащего и сказуемого во французском языке является особым случаем, как и в презентативах, здесь выделяется рема, таким образом, эмфатический и информативный центры совпадают:

3.4. <u>Les hommes libres sont rares...</u>	<u>Свободные люди встречаются редко.</u>
<u>Rares sont les hommes libres, je veux dire les hommes qui pensent à l'être et le veulent vraiment. (Jean Guéhenno)</u>	<u>Редко встречаются свободные люди, то есть те, что считают себя свободными и действительно хотят быть свободными.</u> <u>Редки свободные люди, я имею в виду тех, которые считают себя свободными, и, действительно, хотят быть свободными.</u> <u>Редко встретишь человека поистине свободного...</u>

Если во французском эмфатическом высказывании инвертирован предикат, то по-русски эмфаза выражается в аналогичной инверсии именной части сказуемого (*Редки...*) или же в выделении наречия (*Редко*), вынесенного в начало фразы.

Таким образом, инверсия может иметь разные эмфатические акценты: это может быть и тема, и рема. В большинстве случаев при инверсии, как и при репризе, выделяется тематический компонент высказывания, который далее раскрывается предикативной частью фразы (3.1, 3.2), именно поэтому многие лингвисты не отделяют инверсию от репризы. Но инверсия в отличие от репризы может касаться общего рематического высказывания (3.3). При этом общий характер рематического высказывания сохраняется, происходит только его экспрессивное усиление. При инверсии предикативной основы предложения обособляется рематический компонент (3.4).

Инвертированный порядок слов во французском в большинстве случаев на русский язык также переводится инверсией; если речь идет об эмфатической теме, то по-русски она обособляется дополнительными эмфатизаторами *а, а вот* и т. д.

Отметим также, что все французские информанты подчеркивали изменение стилей при инверсии: *Finies, les vacances !* (разговорный, разговорно-фамильярный); *Rares sont les hommes libres...* (возвышенно-поэтический), что свидетельствует о стилистическом характере инверсии как особого экспрессивного синтаксического приема.

Выводы:

1. Основным выделительным средством французского языка служат **презентативы** с оборотом *c'est*, которым в русском языке соответствует инверсия, усиленная эмфатизаторами «это», «вот», «именно» для изолированных элементов фразы, а также инверсия с выделительными оборотами при обособлении распространенных конструкций. На наш взгляд, употребительность презентативов связана с тем, что они всегда выделяют информативный центр высказывания – рему. Информативное и эмфатическое выделения таким образом совпадают и создают высокую степень экспрессивности.

2. Второй способ эмфатического выделения, **реприза**, свойствен, в первую очередь, французскому литературному языку. В большинстве случаев в русском языке репризе соответствует вынесение обособляемого компонента в начало фразы, усиленное различными лексическими эмфатизаторами. Независимо от позиции обособляемого элемента реприза всегда выделяет тему высказывания и создает тем самым второй фокус высказывания – эмфатический, который конкурирует в содержательном плане с новой ремой. Информативный и эмфатический акценты фразы не совпадают, что приводит, с одной стороны, к затруднению тема-рематического членения, с другой – к снижению экспрессивного воздействия эмфазы. По этой причине реприза в современном французском языке имеет ограниченное употребление, уступая место презентативу.

3. Инверсия (не отягченная дополнительными структурными модификаторами) либо меняет, либо не меняет тема-рематическое членение и во французском, и в русском языке, и служит таким образом не информативным, а экспрессивным средством выделения.

Экспрессивная тональность фразы при инверсии может достигать наивысшего уровня, когда та или иная выделительная конструкция становится уже определенной фигурой экспрессивного синтаксиса. Эмотивная, или экспрессивная функция высказывания перерастает в таких случаях, по мнению Р.О. Якобсона [Якобсон, 1975], в поэтическую функцию, которая сосредоточена уже на самом сообщении. Напомним, что поэтическая функция, равно как и само понятие поэтического языка, по Р.О. Якобсону – это не только язык поэзии, но и любой дискурс, предполагающий высокую степень выразительности. Коммуникативное членение высказывания при таком положении от-

ступает уже на второй план или становится вообще нерелевантным, поскольку коммуникативное выделение уступает место поэтическому приравниванию/уподоблению, создающему эквивалентность. Это происходит, например, в тех случаях, когда описанный нами выше прием инверсии перерастает в особый прием экспрессивного выделения – прием хиазма:

Quand la vérité n'est pas libre, la liberté n'est pas vraie.

Jacques Prévert

Если истина не свободна, свобода не истинна.

Жак Превер

Список литературы

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., стереотип. М., 2010.
- Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. 3-е изд., стереотип. М., 2006.
- Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским: Учебное пособие. 5-е изд., стереотип. М., 2008.
- Кузнецова И.Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. М., 2009.
- Халифман Э.А., Кузнецова И.Н., Козлова З.Н. Пособие по сопоставительному изучению грамматики французского и русского языков. М., 1981.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975.
- Avanzi. M. La dislocation à gauche en français parlé. Etude instrumentale // Le français moderne. 2011. № 2.
- Blasco-Dulbecco M. Les dislocations en français contemporain. Etude syntaxique. Paris, 1999.
- Combettes B. Les constructions détachées en français. Paris, 1998.
- Denis D., Sancier-Chateau A. Grammaire du français. Paris, 1994.
- Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi C., Marcellesi J-B., Mevel J-P. Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. Paris, 1994.
- Le Querler N. Dislocation et thématization en français // La thématization dans les langues. Bern, 1999.
- Mertens P. Quelques allers-retours entre la prosodie et son traitement automatique // Le français moderne. 2004. № 72 (1).
- Mertens P. Syntaxe, prosodie et structure informationnelle: une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours // Travaux de linguistique. 2008. № 56 (1).
- Palimpsestes. La mise en relief. La Garenne-Colombes. 1991. Vol. I–II. № 5.
- Riegel M., Pellat J-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris, 2009.

Сведения об авторах: Кузнецова Ирина Николаевна, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой французского языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ir.kuznetsova@mail.ru; Курбанова Камилла Искандеровна, канд. филол. наук, преподаватель кафедры французского языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kamilla.k@mail.ru

Л.Е. Макарова

**РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ
В РУССКИХ РИТОРИКАХ**

конца XVIII – начала XIX века

**(на материале трудов М.В. Ломоносова,
И.С. Рижского, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча)**

В статье рассматривается процесс формирования системы родов и видов словесности в русской риторической традиции периода становления филологии как единой системы знания (первая треть XIX в.) на материале руководств М.В. Ломоносова, И.С. Рижского, А.Ф. Мерзлякова и Н.И. Греча. Развитие классификации произведений словесности показывает, что с конца XVIII в. к 20-м годам XIX в. риторика от конструирования высказывания переходит к принципам понимания текста и все больше становится *теорией словесности*.

Ключевые слова: русская риторика, теория словесности, роды и виды словесности.

The article considers the establishment and elaboration of the system of the belles-lettres' ('slovesnost') kinds and types ('species and genera') within the Russian rhetorical tradition at the beginning of the XIX century as represented in the works of M. Lomonosov, I. Rizhsky, A. Merzlyakov and N. Gretch. The development of the belles-lettres' classification demonstrates that rhetoric becomes more the theory of belles-lettres than that of constructing a complete utterance.

Key words: Russian rhetoric, theory of the belles-lettres ('slovesnost'), belles-lettres' species and genera.

Начало XIX в. – переломный момент в становлении российской системы образования, в том числе гуманитарного. Формируется филология как единая система знания, в руководствах по риторике (и, позже, теории словесности) определяется и закрепляется ее предмет – система родов и видов словесности, подлежащих изучению и воспроизведению.

Классификация произведений словесности преследует две важные цели: определить жанровые стили и представить историю литературы в полном составе, преемственно. Разработка такой классификации принадлежит русским ученым-филологам; ни в какой другой европейской традиции она не достигала такой разветвленности и широты охвата материала. В данной статье мы хотели бы рассмотреть развитие понимания родов и видов словесности на материале нескольких наиболее влиятельных риторических руководств

того времени: М.В. Ломоносова, И.С. Рижского, А.М. Мерзлякова и Н.И. Греча.

Видовая и жанрово-стилистическая классификация произведений словесности по М.В. Ломоносову (как она представлена в руководствах по риторике [Ломоносов, 1952: 19–79; 89–378] и «Предисловии о пользе книг церковных» [Ломоносов, 1952: 585–592]), типична для риторик и письмовников эпохи Возрождения (Лоренцо Валлы, Петрарки и т. п.). В этих руководствах наибольшее внимание уделялось переписке, прежде всего деловой, отсюда популярность разного рода письмовников, и личной («письма о делах повседневных» Петрарки, инвективы как жанр личной переписки), а также показательным (эпидейктическим) речам, философским трактатам и вымышленным повествованиям («Декамерон» Боккаччо) и описательной истории. Стиховая речь отделялась от прозаической и была представлена высокими (ода, гимн, сонет, etc.), низкими (эпиграммы и т. п.) и промежуточными (средними) жанрами.

Для современной русской традиции теории словесности система филологических работ М.В. Ломоносова является исходной. В ней наблюдается двойная классификация произведений словесности: по формам речи (что характерно для общей риторики) и по стилям языка, или регистрам речи; в последней классификации учитывается специфическое для русской культуры соотношение русского и церковнославянского языков. В системе Ломоносова слово (речь), как высказывание, составленное по правилам искусства красноречия, может быть выражено прозой и «поэмой» (мерной, упорядоченной по количеству и расположению слогов речью)¹. Проза и поэзия («поэма») – два рода красноречия, делятся на виды:

Схема 1

		ПРОЗА				ПОЭМА			
ПУБЛИЧНОЕ СЛОВО (РЕЧЬ)		ПРИВАТНЫЕ РЕЧИ (в форме речи// письма)		ИСТО- РИЯ	УЧЕБ- НЫЕ КНИГИ	ГИМНЫ	ОДЫ	КОМЕДИИ	САТИРЫ и т. д.
ПРОПОВЕДЬ – похвальная – увещательная	ПАНЕ- ГИРИК	ПОЗДРАВ- ЛЕНИЕ	СОЖАЛЕ- НИЕ						
НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ	АКАД. РЕЧЬ	ПРОШЕ- НИЕ	БЛАГОДА- РЕНИЕ ²						

¹ Соотношение и границы поэзии и прозы, их изменение с начала по 40-е годы XIX в. подробно рассмотрел акад. В.В. Виноградов в работе «Поэтика и риторика» [Виноградов, 1980: 99–116, особенно 115–116].

² Эта классификация ораторских речей есть только в «Кратком руководстве к риторике» [Ломоносов, 1952: 19–79].

В классификации по регистрам речи из «Предисловия о пользе книг церковных» виды и жанры словесности распределены по трем основным стилям (ср. классическое «колесо Вергилия», когда каждому жанру соответствует свой стиль и набор фигур):

Схема 2

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ	ПОСРЕДСТВЕННЫЙ СТИЛЬ	НИЗКИЙ СТИЛЬ
героические ПОЭМЫ, ОДЫ	ПОЭЗИЯ: ТЕАТРАЛЬНЫЕ сочинения, стихотворные ДРУЖЕСКИЕ ПИСЬМА, САТИРЫ, ЭКЛОГИ, ЭЛЕГИИ	КОМЕДИИ, увеселительные ЭПИГРАММЫ, ПЕСНИ
прозаические РЕЧИ о ВАЖНЫХ математических	ПРОЗА: ОПИСАНИЯ «дел» достопамятных и учений благородных»	прозаические ДРУЖЕСКИЕ ПИСЬМА, ОПИСАНИЯ обыкновенных дел

Здесь появляются некоторые жанры, отсутствующие в предыдущей классификации: стихотворного и прозаического дружеского письма, героической поэмы, эпиграммы, песни, эклоги, элегии, других театральных сочинений помимо сатиры. Особо отметим послание (дружеское письмо) и элегию: благодаря сочинениям Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова в 1810–1820-е годы эти жанры стали господствующими в русской поэзии [Королева, 1962: 183–207]; у Ломоносова они уже осмыслены в рамках его теории трех стилей. В системе словесности Ломоносова видно преобладание *показательной речи/письма*³, важное место отведено истории и учебно-научной литературе (трактатам). Среди поэтических видов выделяются гимн, ода, сатира, комедия и др.

Продолжателем ломоносовской риторической традиции был профессор российской словесности и красноречия, устроитель и первый ректор Харьковского университета, член Императорской российской академии, доктор философии, логик⁴ И.С. Рижский. В течение 30 с лишним лет преподавательской деятельности он создал полный курс теории словесности: «Умсловие, или умственную философию», т. е. логику (СПб., 1790), «Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в С.-Петербургском горном училище» (СПб., 1796)⁵, «Введение в круг словесности» (Харьков, 1806) и «Науку стихотворства» (СПб., Академия наук, 1811). Его труды долгое время служили руководством при чтении лекций в Харьковском, Казанском и Московском университетах.

³ В опубликованном в то время «Кратком руководстве к красноречию» вся совокупность публичных речей заменена проповедью.

⁴ И.С. Рижский был автором одного из первых в России учебников по логике – «Умсловия, или умственной философии» (СПб., 1790).

⁵ Последующие издания: Харьков, 1805 г. (издание, переработанное); Москва и Харьков, 1809 и 1822 г. Мы пользовались изданием [Рижский, 1805: 5–394].

Рижский также выделяет два рода красноречия – прозаическое и стихотворное, различающиеся по целому ряду характеристик: области воздействия на читателя/слушателя (разум или воображение и сердце); содержанию («истина», т. е. новые знания, или «вымысел»), предмету (действительное, то, что есть в природе, или правдоподобное), типу речи («обыкновенной», близкой к «естественной», или «обработанной», приобретшей искусственную «сладкозвучность» – меру и т. п.), цели (убедить, восхитить, тронуть или нравиться). Но если у Ломоносова принцип разграничения прозы и поэзии формальный, то у Рижского помимо формального (см. выше о типе речи) появляется идущий от Аристотеля содержательный принцип [Аристотель, 1984: 655]: проза описывает то, что реально существует, есть или может быть в природе; поэзия отбирает «самое блестящее» и, дополняя вымыслами, создает *правдоподобный*, но вымышленный предмет.

Рижский еще не ставит задачи создать полную родо-видовую классификацию словесности; в прозе он выделяет два главных вида: «большую речь» («слово») и «историю».

Схема 3

ВИДЫ БОЛЬШОЙ РЕЧИ										
ЦЕРКОВНЫЕ		ГРАЖДАНСКИЕ				АКАДЕМИЧЕСКИЕ (ТОРЖЕСТВЕННЫЕ) (orations solemnes vel inaugurales)				
ПРОПОВЕДЬ	НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ	МНЕНИЯ (в правит. соборных)	ДОНЕСЕНИЯ	ПРЕДПИСАНИЯ	СНОШЕНИЯ и т. д.	на ОБЩЕСТВЕННЫЙ	АКАДЕМИЧЕСКИЙ	относящийся к ОРАТОРУ	к АУД. СЛУЧАЙ	РАССУЖДЕНИЯ (ДИССЕРТАЦИИ)

ПОХВАЛЬНЫЕ СЛОВА (ПАНЕГИРИКИ)

Панегирик или похвальное слово, как видно из схемы, как бы выносится за скобки: он может быть создан в любом виде речи. Исчезает деление на публичные и приватные речи, последние полностью уходят в письма; надгробная речь и проповедь объединяются под общим названием «церковные речи», детализируется состав академических речей (они делятся по случаю (поводу) произнесения – общественному, в ученом сообществе, заданному оратором или аудиторией; отдельный жанр составляют диссертации), и самое главное – у Рижского впервые появляются гражданские речи как вид словесности.

Начало XIX в. – эпоха формирования исторического сознания и метода научной истории: «... тенденция Просвещения интересоваться лишь настоящим и самым непосредственным прошлым была преодолена, и все прошлое стало считаться заслуживающим изучения и рассматриваться как единое целое» [Коллингвуд, 1980: 86]. Историческая проза выходит из тени описания и становится предметом риторики, чему во многом способствовала популярность и влияние исторических сочинений Н.М. Карамзина⁶. В системе Рижского история не только выделяется как вид словесности, но и подразделяется на разновидности:

Схема 4

ИСТОРИЯ				
ВСЕОБЩАЯ	ЧАСТНАЯ			ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ (MEMOIRES)
	1-го НАРОДА	1-го БЫТИЯ	1-го ЧЕЛОВЕКА (BIOGRAPHIE)	

Кроме того, среди композиционных форм словесности даются жанры писем; их классификация усложняется по сравнению с ломоносовской (хотя они по-прежнему не включаются в систему родов и видов словесности):

Схема 5

ПИСЬМА			
УЧЕННЫЕ	ВЫСОКИЕ	НИЗКИЕ (ПРИЯТЕЛЬСКИЕ)	ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ и т. п.

Письма высокие могут быть просительными, благодарственными или поздравительными; приятельские – одного или различного содержания на протяжении всего письма, а также упреждающими, либо ответственными. Отметим, что у Рижского уже появляются ученые письма.

Система видов поэтической словесности дана в «Науке стихотворства» [Рижский, 1811]. Стихи делятся на четыре вида: эпические, лирические, дидактические и драматические. При этом границы между видами нестрогие: «Показанные четыре рода стихотворений...

⁶ О соотношении понятий прозы и поэзии в связи с проблемой красноречия и изменением структуры образа автора см.: [Виноградов, 1980: 103–104].

не столько разнородны между собою, чтобы в одном из них не мог иметь места другой, третий и проч. и обратно; напротив сего каждый из них почти обыкновенно бывает употребляем для украшения другого» [Рижский, 1811: 68]. Рижский – один из немногих авторов, кто подошел и к поэтике как ритор: помимо того что он выделял в процессе воплощения поэтического замысла стихотворческие изобретение, расположение и выражение, он всю эпическую поэзию разделил на стихотворческие описания и повествования (отличающиеся от соответствующих риторических), каждое из которых может быть истинным или вымышленным. Классификация следует традиции латинских руководств: те же жанры надписи, включая эпитафию и даже кенотафию, эпиграммы, эпоса, басни, пастушеского стихотворения (эклоги, идиллии) и т. п. Вместе с тем автор, как и Ломоносов, знаком с традицией эпохи Возрождения; так, он добавляет новый вид пастушеского стихотворения, изобретенный в Италии⁷.

Схема 6

СТИХОТВОРЕНИЯ ЭПИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЧЕСКИЕ

ОПИСАНИЯ			ПОВЕСТВОВАНИЯ		
ИСТИННЫЕ	ВЫМЫШЛЕННЫЕ		ИСТИННЫЕ	ВЫМЫШЛЕННЫЕ	
НАДПИСИ, ЭПИТАФИИ (вкл. КЕНОТАФИИ)	ЭПИГРАММЫ		ЗАГАДКИ	ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА	БАСНЯ
			собственно эпическая поэма	комическая поэма	пародия
					ПАСТУШЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ: ЭКЛОГА и ИДИЛЛИЯ

Стихотворения лирические Рижский поделил на два больших класса: произведения для чтения (оды разных жанров) и произведения для пения. Оды бывают духовными (они же гимны, дифирамбы etc.), героическими, философскими или анакреонтическими. В свою очередь жанр духовных од (гимнов) представлен своими разновидностями (оды таинственные, народные и философские). Кантата может быть как самостоятельным произведением (кантата эпическая),

⁷ Вероятный автор «Верного пастыря» (Рижский не указывает его имени) Джамбатиста Гварини написал свое сочинение в 1580–1583 годах; «Арминта» Тассо была впервые представлена на публике в 1573 г.

так и частью оперы (кантата драматическая). В рамках жанра песни впервые видим романс. К лирической поэзии относятся также элегия и героида, но поскольку ни под одну из рубрик они, по-видимому, не подошли, Рижский оставил их вне классификации.

Схема 7

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИРИЧЕСКИЕ									
ДЛЯ ЧТЕНИЯ				ДЛЯ ПЕНИЯ					
ОДЫ:				КАНТАТА		ПЕСНЯ (chanson)		ОРАТОРИЯ	
ДУХОВНЫЕ	ГЕРОИЧЕСКИЕ	ФИЛОСОФСКИЕ	АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ	ДРАМАТИЧЕСКАЯ	ЭПИЧЕСКАЯ	РОМАНС	БАЛЛАД		
ДУХОВНЫЕ ОДЫ («ИМНЫ»)									
ТАИНСТВЕННЫЕ (mystiques ou religieux)	НАРОДНЫЕ	ФИЛОСОФСКИЕ							

Поучительный (дидактический) вид стихов включает пять жанров: стихотворения исторические (циклические), философские, поучительные (наставительные) в собственном смысле, стихотворческие письма и сатиру («важную» и «забавную»). Здесь видится более сильное, чем в классификации других видов словесности, влияние французских энциклопедистов и, шире, французской теории поэтических жанров.

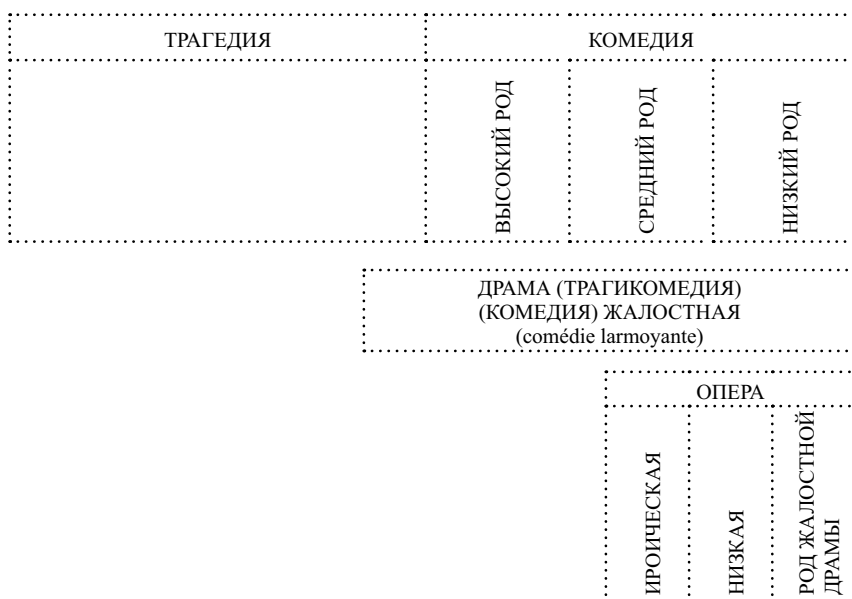
Схема 8

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ (la POÉSIE DIDACTIQUE)					
ИСТОРИЧЕСКИЕ (ЦИКЛИЧЕСКИЕ)	ФИЛОСОФСКИЕ	собственно ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ (НАСТАВИТЕЛЬНЫЕ) (didactiques)	СТИХОТВОРЧЕСКОЕ ПИСЬМО	САТИРА	
				ВАЖНАЯ	ЗАБАВНАЯ

Драматическая поэзия представлена двумя главными видами: трагедией и комедией. Наиболее разработана классификация комедийных жанров: по стилю (подбору персонажей, сюжету, языку) комедия делится на высокую, среднюю и низкую; высокая комедия довольно редка, низкая зачастую недостойна нашего внимания, поэтому самый распространенный жанр – средняя комедия, к которой принадлежат драма жалостная (трагикомедия) (*comédie larmoyante*) и опера, сочетающая драматическое и лирическое начала. Опера может быть героической, низкой и аналогом жалостной драмы.

Схема 9

СТИХОТВОРЕНИЯ ДРАМАТИЧЕСКИЕ

И в видах поэтической словесности мы видим развитие и большую подробность классификации. Появились новые эпические жанры: надписи, загадки, басня, идиллия, иносказательное пастушеское стихотворение и новый итальянский вид: комическая поэма и пародия. К лирическим жанрам добавились элегия, героида, кантата и оратория; разведены и описаны разновидности оды. Появились виды дидактической поэзии: историческое, философское и собственно поучительное стихотворения; сатира разделена на важную и забавную. У Ломоносова театральные произведения не классифицированы (выделена только комедия); у Рижского они даны и особенно подробно – комедия.

В 1809 г. вышло первое издание «Краткой риторики»⁸ профессора кафедры русского красноречия и поэзии Московского университета А.Ф. Мерзлякова, поэта, переводчика, одного из первых русских литературных критиков, учителя М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Д.В. Веневитинова, М.П. Погодина и мн. др.⁹

Речь, построенная по правилам искусства красноречия, придает мысли и чувству, выраженным в слове, порядок и связь. Язык же является собранием правил построения искусной речи. Эти правила находятся в ведении трех «особенных» (т. е. языковых) наук: логики (диалектики), обучающей думать, рассуждать и выводить заключения, т. е. правильно формировать мысль – содержание речи; грамматики, устанавливающей значение, употребление и связь слов и предложений для выражения мысли; и риторики, предлагающей правила последовательного и точного изложения и изящного расположения словесно оформленных мыслей в соответствии с видами прозаических сочинений.

У Мерзлякова мы видим иное разграничение прозы и поэзии. Красноречие как способность/искусство правильно, ясно и сообразно с целью выражать мысли и чувства, и риторика как его полная теория, связываются с прозаической речью¹⁰. Рядом с классической идеей тривиума (циклом из трех наук о языке) появляется другое представление – о науке словесности¹¹ (теории изящной словесности), разделяющейся на две части: риторику – правила прозаического искусства, действующего на разум и имеющего основной целью «поучение, объяснение, убеждение разума», и поэтику – правила стихотворного искусства, действующего также на воображение и чувства с целью нравиться, доставить удовольствие (по преимуществу) [Мерзляков, 1822: 61]¹². Проза и поэзия различаются не по форме или содержанию, а по главенствующей цели при том, что в каждой из них есть и вторая цель. Теория прозы фактически равняется уче-

⁸ В основании теоретических работ Мерзлякова, по свидетельству «Биографического словаря профессоров и преподавателей Московского университета» [Биографический словарь, 1855: 64], лежит книга И.И. Эшенбурга (I.I. Eschenburg) “Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften”. Berlin, 1-е изд. 1783; 5-е изд. 1836. Иоганн Иоахим Эшенбург (1743–1820) – немецкий историк литературы; его учебники и хрестоматии были весьма распространены в свое время.

⁹ Мы пользовались 4-м изданием [Мерзляков, 1828].

¹⁰ Хотя в «Кратком начертании теории изящной словесности» встречаются термины «стихотворное красноречие» и «прозаическое красноречие» [Мерзляков, 1822: 56], термин «красноречие» обозначает именно прозаическую речь, противопоставляясь «поэзии».

¹¹ Термин «науки словесные (изящные) (belle lettres)» встречается уже у Рижского [Рижский, 1806: 4–5].

¹² См. ниже: «поэт тем удобнее научает, тем более полезен, чем более умеет он нравиться; с другой стороны, чем нравственнее и поучительнее его сочинение, тем оно становится занимательнее и приятнее» [Мерзляков, 1822: 66–67].

нию о слоге: риторика состоит из двух разделов – всеобщей теории прозаических сочинений, где разбираются правила хорошего слога, и правил отдельных родов прозы.

Классификация видов и жанров прозаических сочинений выглядит по Мерзлякову следующим образом:

Схема 10

ПРОЗАИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ																
ПИСЬМА				РАЗГОВОРЫ		УЧЕБНЫЕ (ДОГМАТИЧЕСКИЕ) СОЧИНЕНИЯ		ИСТОРИЯ		РЕЧИ (собственно КРАСНОРЕЧИЕ)						
УВЕДОМЛЕНИЕ	ИЗЪЯВЛЕНИЕ	УЧТИВОСТЬ ПО ДОЛЖНОСТИ/ СВЯЗЯМ	ИСТОРИЧ. ИЗЫСКАНИЯ	УЧЕНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ	ДРАМАТИЧЕСКИЕ	ФИЛОСОФСКИЕ	ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ и ЖИВОПИСУЮЩИЕ	(УЧЕБНЫЕ) РАССУЖДЕНИЯ	УЧЕБНЫЕ КНИГИ/ СИСТЕМЫ	ИСТИННАЯ	ВЫМЫШЛЕННАЯ	ДУХОВНЫЕ	ПОЛИТИЧЕСКИЕ	СУДЕБНЫЕ	ПОХВАЛЬНЫЕ	АКАДЕМИЧЕСКИЕ

В классификации видов словесности появляются письма как самостоятельный и разработанный вид. Мерзляков выделяет шесть жанров письма: уведомление о каком-либо (памятном) случае или обстоятельстве; изъявление желаний или советов; письмо, выражающее учтивость, письмо по должности или родственным (дружеским) связям; письмо, содержащее исторические изыскания, и ученое рассуждение о науках или искусствах как письмо. Мы видим, во-первых, характерное внимание к истории (о чем см. выше), так что помимо отдельного вида словесности (история истинная/ вымышленная), к классификации добавляется специальный вид письма с историческими изысканиями; и, во-вторых, появление нового для наших риторик жанра – научного письма, родившегося в XVII–XVIII вв. во Франции (“Journal des Sçavans”). В качестве вспомогательных частей (по существу жанров) исторического повествования Мерзляков выделяет характеры (жизнеописание (биография)¹³), истинные или вымышленные; повествования вымышленные – роман, повесть, сказку; историю истинную. Так, в системе видов словесности появляется роман, который может быть трех разновидностей: важный, рыцарский и комический. Он занимает пограничное положение между прозой и поэзией.

¹³ Как часть какого-то исторического повествования – характер как самостоятельное произведение – жизнеописание (биография).

ИСТОРИЯ					
ИСТИННАЯ			ВЫМЫШЛЕННАЯ		
ХАРАКТЕРЫ (ЖИЗНЕОПИСАНИЕ/БИОГРАФИЯ)		ПОВЕСТВОВАНИЯ ВЫМЫШЛЕННЫЕ		ИСТОРИЯ ИСТИННАЯ (ПОДЛИННАЯ)	
от ПРИРОДЫ (ИСТИННЫЕ)	ВЫМЫШЛЕННЫЕ	РОМАН	ПОВЕСТЬ	СКАЗКА	
	ВАЖНЫЙ РОМАН	РЫЦАРСКИЙ РОМАН	КОМИЧЕСКИЙ РОМАН		

Если у Ломоносова учебная литература только появляется, а у Рижского ее вообще нет в классификации, то у Мерзлякова учебные (догматические) сочинения занимают важное место. Они делятся на рассуждения, предметом которых бывает какая-либо одна истина, и учебные книги (системы), представляющие многие истины в связи и порядке. Таким образом формируется система образования.

С XVII в. разговор (диалог) становится предметом жизни европейского общества и, следовательно, подлежит риторическому нормированию. С начала XIX в. и в русских риториках разговор (диалог) включается в систему видов словесности. У Мерзлякова мы видим три его разновидности: разговор драматический, предметом которого является действие; философский (т. е. научный; обращение к традиции сократического диалога), его предмет – истина; занимательный и живописующий, содержащий «прелести остроумия», картины природы, чрезвычайные характеры. Увеличивается доля научного текста в системе словесности: помимо истории и академической речи появляется научное письмо об исторических изысканиях, ученое рассуждение, научный разговор.

Наконец, Мерзляков вводит в классификацию видов словесности судебную и политическую риторiku, несмотря на то что в российской практике того времени политические и особенно судебные речи не были распространены.

Система видов поэтической словесности дана в первой части «Краткого начертания теории изящной словесности». Как и теория прозы, теория поэзии – это правила слога, общие и частные, относящиеся к каждому отдельному виду стихотворных сочинений. Их классификация проводится как бы в три этапа: сначала Мерзляков выделяет пять «форм стихотворного представления» в зависимости от предмета стихотворения и намерения поэта: это описательная поэзия; повествовательная (поэтический рассказ); драматическая; дидактическая (поучительная) и лирическая поэзия. Но данное разделение является принципиально нестрогим, поскольку границы

часто размываются, формы накладываются одна на другую, заимствуют друг у друга композиционно-выразительные средства. Кроме того, еще не существует никакого четкого основания для разделения поэзии на виды: до сих пор оно основывалось или на содержании, или на форме и зависело от произвола поэтов. Количество видов поэзии также неокончательно, «умножение их всегда было и будет позволено»; наконец, есть предметы, которые могут быть представлены не в одной форме, а некоторые и «во всех возможных видах» [Мерзляков, 1822: 66].

В конце концов Мерзляков делит поэзию на два больших разряда, в которые помещаются все формы, – эпическую (повествовательную) поэзию, где о действиях или предметах рассказывается автором (рассказчиком), и драматическую, где действие разворачивается на наших глазах. Эпическая поэзия включает 11 видов:

Схема 12

СТИХОТВОРЕНИЯ ЭПИЧЕСКИЕ (ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ)

СТИХОТВОРНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ (РАССКАЗ)	ПАСТУШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	ЭПИГРАММА и др. мелкие стихотворения	САТИРА	ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ (НРАВООУЧИТЕЛЬ- НЫЕ) (ДИДАКТИ- ЧЕСКИЕ)	РОМАН
ОПИСАТЕЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ	ПИИТИЧЕСКАЯ ЭПИСОЛА	ЭЛЕГИЯ	ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ	ПОЭМА (ЭПОПЕЯ):	
				ГЕРОИЧЕСКАЯ (ВАЖНАЯ)	КОМИЧЕСКАЯ
					РОМАНТИ- ЧЕСКАЯ (РЫЦАРСКАЯ)

Стихотворное повествование включает три жанра: эзопову басню (умственную, нравственную или смешанную), собственно стихотворный рассказ («пиитическое повествование» – важное, веселое и смешанное) и аллегорическое повествование (аллегию: историческую, философскую, ораторическую, пиитическую). Пастушеские стихотворения, как и в античной традиции, представлены в идиллиях, буколиках и эклогах. К эпиграмме примыкают мадригал, сонет, рондо, триолет, импромпту, логогриф, буриме, шарада и т. п.

Сатира может быть важной и веселой, прямой или косвенной; «особым родом» сатиры является пародия. Поучительные (дидактические) стихотворения делятся автором на два больших разряда: философский и ученый или художественный (искусственный; т. е.

наставление по какой-либо науке или искусству). Очень близок к поучительному описательный вид поэзии (поэтические описания; как вспомогательная часть или как самостоятельное произведение); а также поэтическая эпистола. Лирические стихотворения разделяются на два больших жанра: оду и песню. Первая включает гимн, героическую оду, дифирамб и философскую (поучительную) оду. Разновидности второй более многочисленны: песня духовная (божественная), народная, нравственная, страстная, беседная (застольная), романс и баллада. Эпопея (поэма героическая) бывает «важной» и комической (шуточной), романтическая эпопея занимает срединное положение между этими двумя жанрами. Такие же жанры у романа: важный, рыцарский, комический.

Драматическая поэзия включает четыре вида:

Схема 13

СТИХОТВОРНЫЙ (ПИИТИЧЕСКИЙ) РАЗГОВОР	ГЕРОИДА	КАНТАТА	ДРАМА		
			КОМЕДИЯ	ТРАГЕДИЯ	ОПЕРА

Поэтический разговор чаще всего бывает составной частью повествовательных или дидактических стихотворений; но может быть и отдельным жанром поэзии. Термином «героида», вслед за Овидием, Мерзляков обозначает драматическое письмо (своеобразную пару эпической эпистолы) – жанр, близкий к элегии или драматическому монологу. Кантата, своего рода музыкальное стихотворение, включает в себя ораторию. Драма традиционно представлена комедией, трагедией и оперой, важной (большой) и комической. Комедия делится на комедию характерную, интриги и трогательную (к сфере низкого комического относится фарс); трагедия делится на героическую и народную. Забавная (комическая) опера называется опереттой или оперой-буффо, к ней также относятся интермеццо, мелодрама, моно- и дуодрама. «Важная» опера бывает или «чудесной», или героической.

От Рижского к Мерзлякову классификация в особенности поэтических видов словесности становится более подробной, усложняется. В стихотворном повествовании появляется жанр стихотворного рассказа; в пастушеские стихотворения возвращается античный жанр буколики; добавляется множество мелких стихотворений (восемь разновидностей, и список не закрыт); уточняются виды сатиры; помимо героической и комической эпопеи появляется поэма романтическая

(рыцарская); в лирической поэзии все более дифференцируются виды песни (возможно, потому, что это излюбленный жанр Мерзлякова-поэта). Впервые в системе словесности появляется роман, и у Мерзлякова он дается дважды – в прозаических видах и в поэтических, чем подчеркивается его двойственная природа. Наконец, в драматических стихотворениях – новый жанр стихотворного разговора, героической и народной трагедии, чудесной оперы; новое и более дробное деление комедии и комической оперы (оперетты).

В 1819–1822 гг. выходит первое издание «Учебной книги российской словесности» известного педагога, журналиста, издателя, корреспондента Академии наук¹⁴ Н.И. Греча. Книга обладала большой популярностью и выдержала четыре издания; в нее также включался¹⁵ «Опыт краткой истории русской литературы» – первая попытка систематического описания такого рода [Греч, 1830].

Для Греча отправной точкой является цель, с которой человек использует дар слова: а) сообщить другим свои мысли; б) управлять их волей или действиями; в) действовать на их чувство и воображение. В первых двух случаях он использует язык прозы, в последнем – поэзии. Проза и поэзия различаются прежде всего предметом и содержанием: проза описывает предметы существующие, истинные и оперирует мыслями; поэзия прибавляет к реальности вымыслы и картины воображения, а к мыслям добавляет чувства. Поскольку цель прозаического произведения может быть двойкой, то Греч разделяет всю прозу на низшую, служащую только для сообщения другим наших мыслей, и высшую или язык красноречия, составляющий переход от собственно прозы к поэзии и употребляющий все средства, воздействующие на мысли, волю и воображение. Как и у Мерзлякова, риторика у Греча является теорией только прозы; правилами поэзии занимается «пиитика».

В каждом прозаическом сочинении он выделяет две стороны: предмет и форму; первым занимается учение о риторическом изобретении и расположении, второй – о слоге и декламации. В процессе изобретения автор руководствуется как предметом, так и целью сочинения: а) рассказать о происшествии (повествование); б) изобразить существующий предмет (описание); в) наставить в теоретической истине или внушить практическую (поучение); г) побудить к действию (убеждение). В соответствии с данными целями Греч выделяет четыре вида предметов: повествовательные, описательные, поучительные

¹⁴ Греч был удостоен этого звания за учебник «Пространная русская грамматика» (СПб., 1827; 2-е изд. 1830).

¹⁵ Отдельным изданием «Опыт» вышел в 1822 г.: *Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы*. СПб., 1822.

и убедительные. Учитывая предмет, цель и «другие отношения» (не только содержание, пишет автор, но и расположение и выражение) все прозаические сочинения объединяются в семь «классов» (видов). Итак, мы видим здесь совершенно новые принципы классификации – по характеру и способу построения текста и аргументации.

Схема 14

ПРОЗА						
ПИСЬМА	РАЗГОВОРЫ	ОПИСАНИЯ	ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ	ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ	УЧЕБНЫЕ СОЧИНЕНИЯ	РЕЧИ

Письма у Греча различаются по «предметам общежития» (собственно письма) и литературные, представляющие собой повествования, описания, рассуждения в форме писем (таким образом, область писем заметно расширилась). Автор разграничивает жанры разговора: драматический (к прозе относится только по слогу) и философический (в том числе сократический). Описания по предмету делятся на внешние и внутренние; кроме того, разграничены простые описания и изображения (путешествий и т. п.).

Как и у предыдущих авторов, особое внимание уделяется историческим сочинениям; это наиболее подробная и полная классификация: вся история разделяется на естественную (природы) и историю человеческого рода или отдельного человека; эта последняя – на философическую, прагматическую и летопись. Главные разновидности прагматической истории: жизнеописание (биография), история государств или народов (политическая или гражданская), всемирная, история просвещения, священная и история Церкви. Всемирная история может излагаться «синхронистически» (по временам) или «этнографически» (по народам). История просвещения включает истории наук, художеств, торговли и ремесел. Священная история (история религии) – церковно-библейскую и собственно церковную. Кроме того, к исторической прозе принадлежат надписи и целый ряд мелких жанров: политические ведомости, исторические таблицы, известия, ежедневные записки или журналы и т. п. К истории примыкают повествования вымышленные: романы, прозаические повести, сказки – произведения поэзии, которые пишутся в прозе (пограничные формы).

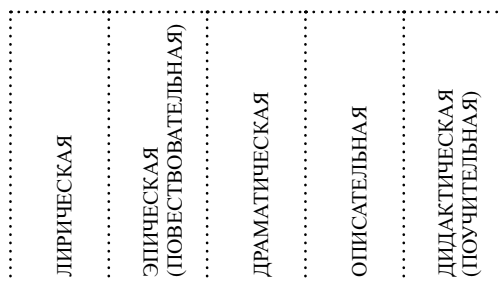
В системе Греча впервые появляются деловые бумаги как самостоятельный вид словесности. В отличие от прочих они разделяются

по слогу на высокий, средний и низкий разряды. Наиболее употребителен средний слог, к нему относятся договоры, ноты, узаконения, просьбы, сношения министров и судебные бумаги. Учебные сочинения представлены учебными книгами (руководствами и лекциями), рассуждениями и рецензиями. Речи делятся на два разряда: духовные и светские; речи светские в свою очередь на политические, похвальные (панегирики), приветствия, академические, учебные и судебные.

Поэзия отличается от прозы не только предметом и целью (см. выше), но и способом воздействия (языком): она передает мысли воображению «в картинах» (образах), облакает их в «одежду чувственную», действуя таким образом на чувство и воображение читателя. Как и в прозаическом сочинении, в поэтическом выделяются предмет и форма. Поэт изображает либо свои собственные чувства, либо вымыслы своего воображения. В первом случае рождается лирическая поэзия; во втором остальные четыре вида – поэзия повествовательная (эпическая), драматическая, описательная, дидактическая (поучительная).

Схема 15

ПОЭЗИЯ

К лирической поэзии относятся жанры оды, гимна, дифирамба, песни, лиро-эпического стихотворения, кантаты, элегии, послания; а также мелких лирических стихотворений: сонета, триолета, рондо, эпиграммы, мадригала, эпитафии, надписи. Эпическая поэзия делится на собственно эпическую и романическую. К первой принадлежат эпическая поэма (героическая, комическая или романтическая), стихотворная повесть, баллада и романс, ко второй – роман, прозаическая повесть, сказка (произведения поэтические в прозе; Греч включил их в обе классификации). Драматическая поэзия представлена трагедией, комедией (в том числе низкой), драмой и оперой (большой, малой, водевилем, мелодрамой). Описательная поэзия – описательной поэмой и идиллией. К дидактической поэзии принадлежат собственно

дидактическая поэма, гномическая поэзия, сатира, басня. Как видим, классификация поэтических видов словесности у Греча более традиционна; в отличие от прозаической, она почти не расширена (героида исчезла, как устаревший жанр, появилась лиро-эпика и гномическая поэзия), а в чем-то даже уступает по подробности: так, у Мерзлякова мы находим большее разнообразие драматической поэзии.

Рассмотренный материал, как представляется, показывает динамику содержания научных представлений о системе словесности. Возрастающая подробность и содержательность классификаций указывает на разработку все увеличивающегося в объеме материала и его тематическое развитие – усвоение новых видов и жанров (разговора, дружеского послания, ученого письма, деловой прозы и т. д.; элегии, дружеского стихотворного послания, новых жанров драмы, etc.) и систематизацию предмета «науки словесности». Изменяется граница между прозой и поэзией, появляется область смешанных, «полуриторических» или «полупоэтических» жанров (роман, повесть, сказка, анекдот), выделяется художественная проза.

Развитие классификации родов и видов словесности в русских риториках 1800–1830-х годов связано с формированием нового стиля речи и жизни в первой трети XIX в., что выразилось, в частности, в особом внимании к философской и исторической прозе. С конца XVIII в. к 20-м годам XIX в. риторика все больше становится *теорией словесности*: от конструирования высказывания (Ломоносов) она переходит к принципам понимания текста (Мерзляков, Греч).

В процессе становления системы филологического знания риторика постепенно разворачивается в сторону словесности, т. е. становится филологией. Однако если риторические виды (жанры) словесности организуются вокруг образа ратора, как «страстно чувствующего и благородно мыслящего» субъекта, который «пишет, как живет», то ядром художественного произведения становится образ автора, освобождающегося от «оков добродетели» [Виноградов, 1980: 103].

В дальнейшем образ автора вытесняет образ ратора, ассимилирует его; процесс нормализации словесности идет по пути пересмотра границ между поэзией и прозой и замены риторики как теории прозы поэтикой как теорией художественной литературы. Поэтому результатом развития системы родов и видов словесности становится, с одной стороны, разработка исторических и философских (научных) жанров, а с другой – появление жанров художественных (смешанных, пограничных). Система словесности эстетизируется, в то время как риторика стремится исследовать как художественные, так и нехудожественные формы литературы.

Список литературы

- Аристотель*. Поэтика. 1451b / Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея. Т. 2. М., 1855.
- Виноградов В.В.* Поэтика и риторика. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Греч Н.И.* Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением Кратких правил Риторики и Пиитики и Истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. Ч. 1–4. 2-е, испр., изд. СПб., в Типографии Императорского воспитательного дома, 1830.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. Ю.А. Асеева. М., 1980.
- Королева Н.В.* Тютчев и Пушкин // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 4. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л., 1962. URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/critics/im4-183-.htm>
- Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
- Ломоносов М.В.* Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
- Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
- Мерзляков А.Ф.* Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических, изд. для благородных воспитанников Московского университетского пансиона проф. А. Мерзляковым. 4-е изд. М., 1828.
- Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности: В 2 ч. Ч. 1: Пиитика. М., 1822.
- Рижский И.* Введение в круг словесности. Харьков, 1806.
- Рижский И.* Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в С.-Петербургском Горном Училище. Харьков, 1805.
- Рижский И.С.* Наука стихотворства. СПб., 1811.

Сведения об авторе: Макарова Любовь Евгеньевна, аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lmakarova@yandex.ru

М.С. Макеев

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗОВ СТИХОТВОРЕНИЯ
Н.А. НЕКРАСОВА «СОН» (1877):
НЕКРАСОВ И НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ФЕРМОР**

В работе объясняется генезис двух необычных элементов стихотворения Некрасова «Сон» (1877): экзотический способ самоубийства, которое намерен совершить лирический герой произведения, и появление ангела «света и покоя», пытающегося утешить поэта и предотвратить его самоубийство. В статье утверждается, что эти элементы текста вызваны воспоминаниями Некрасова о самоубийстве его приятеля Николая Фермора, покончившего с собой, бросившись с корабля в Балтийское море, а также некоторыми обстоятельствами, окружавшими это происшествие.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, Николай Фермор, самоубийство, стихотворение «Сон», ангел.

The main goal of this paper is to demonstrate the origin of the specific features of Nekrasov's poem "The Dream" (1877): 1) the exotic mode of suicide that the lyrical hero of this poem wants to commit, and 2) the appearance of the angel "of light and calmness" who tries to console him and prevent the poet from killing himself. The author argues that while composing his poem Nekrasov was haunted by remembrance of the suicide of his former friend Nikolai Fermor, who killed himself by jumping from the ship into the Baltic sea, and by some circumstances of that event.

Key words: N.A. Nekrasov, Nikolai Fermor, suicide, poem "The Dream", angel.

Стихотворение Некрасова «Сон» выглядит как чрезвычайно искреннее и одновременно «темное», отчасти риторичное. Медитация умирающего от тяжелой болезни поэта о том, не стоит ли прекратить самому непереносимые страдания, если смерть все равно неизбежна, или же все-таки тянуть их, надеясь на выздоровление, которое иначе как чудесным нельзя назвать, облечена здесь в необычно условную для Некрасова форму (во сне поэт стоит на утесе, собираясь броситься в море, внезапно появляется ангел, который уговаривает его не совершать самоубийство, дожидаться весны, которая вернет ему здоровье и пробудит его творческие силы). Почему избран столь экзотический и никак не обусловленный реальными жизненными обстоятельствами поэта способ самоубийства? Почему для выражения надежды избран ангел – образ, редкий именно в силу своей

«абстрактности», чуждой зрелой «реалистической» некрасовской поэзии? (Ангел как риторическая фигура или как изображение в церкви несколько раз встречается в «зрелых» некрасовских текстах; но именно как «персонаж» он до этого времени появлялся только в раннем сборнике «Мечты и звуки».)

Нам представляется, что ответы обобщенного характера, например, что здесь проявляется тенденция, характерная для позднего Некрасова в целом – тенденция «возвращения» к условным обобщенным поэтическим формам – не соответствуют действительности. И в этом стихотворении Некрасов остается верен реальности, жизненной конкретике. Дело в том, что образы стихотворения «Сон», выглядящие поэтическими общими местами, вызваны воспоминанием о конкретном человеке и конкретном событии: Николае Федоровиче Ферморе, покончившем с собой, бросившись в море с корабля, на котором он плыл в Германию, в июне 1843 года.

1.

Знакомство Фермора и Некрасова пришлось на 1838–1840 гг. Семья Ферморов в целом сыграла важную роль в судьбе Некрасова, только что приехавшего в Петербург завоевывать столицу. К главе семьи Ф.Ф. Фермору Некрасов имел рекомендательное письмо по приезду в Петербург. Его старший сын П.Ф. Фермор участвовал в распространении первой книги поэта в Инженерном училище, в котором он преподавал¹. Однако, видимо, наиболее близок Некрасову был именно Н.Ф. Фермор, служивший в Петербургской инженерной команде, писавший стихи и имевший знакомства среди профессиональных литераторов.

Предположительно именно сходство литературных устремлений стало основой для довольно тесных отношений между Некрасовым и Фермором. Оба так или иначе стремились к установлению связей с литературными кругами: если Фермор познакомил Некрасова с Н.А. Полевым в 1838 г. и ввел его в круг литераторов «Сына Отечества», дав ему возможность печататься в этом журнале², то, вероятно, в 1840 г. уже Некрасов мог составить протекцию своему приятелю в журнале Ф.А. Кони «Пантеон русского и всех европейских театров», где были напечатаны в течение этого года два стихотворения Фермора.

И Фермор, и Некрасов в начале знакомства представляли собой эпигонов романтизма, но, похоже, оба проделывали в чем-то сходную поэтическую эволюцию. Как Некрасов публиковал в 1840 г. стихотворения фельетонного характера, писал водевили с куплетами и

¹ См.: Бессонов Б.Л. Некрасов и Г.Ф. Бенецкий (предание и факты) // Некрасовский сборник. Т. X. Л., 1988. С. 48.

² Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. Т. I: 1821–1855. СПб., 2006. С. 30–31.

одновременно стихотворения в эпигонско-романтическом духе³, так и у Фермора мы видим, с одной стороны, стихотворение «Рыцари»⁴, опубликованное в № 7 «Пантеона» за 1840 г. (одновременно с введением Некрасова «Провинциальный подьячий опять в Петербурге. Беда неминуемая и радость могучая»), насыщенное разговорной лексикой и «низкими реалиями» («Во время наше, время франтов, / Промаринованных в духах, / Фигур в мазурке, фигурантов, / Высоких душ (на каблуках), / Глубоких чувств в сосуде мелком, / По моде стриженных голов, / Великих дум, блестящих мельком, / Полубород, полуусов; / С тех пор, как фраком облачились / Европы мудрые сыны, / Во время наше, истребились / Следы почтенной старины»). С другой стороны, он же в № 5 «Пантеона» за этот год печатает стихотворение «Я бы хотел!», которое выглядит уже совершенно пародийным по сгущенности в нем романтических штампов: лирический герой здесь выражает желания «в туман преобразиться, чтоб пленой своей тебя обвить», «могучей волною <...> на землю набежать, / В зыбучий дом унести тебя с собою / И там с тобой разгульно вековать», «или столпом ревущего волкана <...> подняться к небесам» (в том же номере напечатано «серьезное» стихотворение Некрасова «Офелия»).

Велся между ними и поэтический диалог, во всяком случае, в ранней поэзии Некрасова можно обнаружить интерес к стихам Фермора. Ему, в частности, в первой публикации было посвящено стихотворение Некрасова «Изгнанник» (1839), вошедшее затем (уже без посвящения) в книгу «Мечты и звуки» (1840). Б.Л. Бессонов выдвинул также аргументы в пользу того, что стихотворение Некрасова «На скользком море жизни бурной...» (1839?) обращено не к Марии Фермор, как традиционно считалось, а к Н.Ф. Фермору, которому на самом деле и принадлежал, по мнению исследователя, альбом, где оно записано. Содержание стихотворения позволяет исследователю видеть в нем поэтическую полемику со стихотворением Фермора «Черноморская ночь» (опубл. в № 2 журнала «Сын Отечества» за 1839 г.), «развивающим традиционную тему пловца и бури: ветер внезапно настигает челнок, плывущий по тихому вечернему морю («Но, как крылья чайки белой, / Парус в воздух полетел – / За кормою вал дебелий / Гнаться, робкий, не посмел»). Некрасовское стихотворение посвящено той же теме, но оно поэтизирует тишину: «На скользком море жизни бурной / Пусть ваша скромная ладья / Плышет по гладкости лазурной / До темной цели бытия / Без бурь, без горя, без ненастья...»⁵. Если сомнения в принадлежности альбома, в котором записан некрасовский автограф, Марии Фермор и в том, что именно

³ См. об этом в нашей книге: *Макеев М.С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель. М., 2009. Глава вторая.

⁴ У Бессонова в цит. соч. ошибочно названо «Рыцарь».

⁵ *Бессонов Б.Л.* Указ. соч. С. 49–50.

она является адресатом этого стихотворения, выглядят убедительно, то однозначная переадресация его Н.Ф. Фермору требует некоторых дополнительных пояснений.

Поскольку в данном случае мы имеем дело с текстом труднодоступным, никогда не перепечатававшимся (но при этом принадлежащим яркому оставившему след в памяти современников человеку и представляющим собой действительно лучшее его произведение), то позволим себе привести его целиком:

Черноморская ночь

(Н.М. Соковину)

Я взял в помощь и гальванизм, и свет и
эфир, чтобы прояснить себе сколько-нибудь
непонятное свечение, и все напрасно.

С. Куторга

Теплотою южной веет
Над поверхностью морской;
Бессветильное, темнеет
Небо, в тучах, надо мной.
Спит вода под дивным лоском;
С думой к ней склонился взор;
Перелетный отголоском
Воет ветер из-за гор;
Мерно, влагу рассекая,
Машет веслами челнок –
След змеистый зажигая,
Он несется одинок.

Вдруг из туч, порывом сильным,
Ветер бурный набежал,
С челноком моим бессильным
Черноморец заиграл;
Но как крылья чайки белой,
Парус в воздух полетел –
За кормою вал дебой
Гнаться, робкий, не посмел;
Волны, светлыми струями
Встав, как витязи, кругом
Преклонились головами
Под властительным рулем.
И надменности строптивой
Сына бедного земли,
Полны гордости кичливой
Дети моря не снесли:
Загорелись, закипели
С гневным ропотом оне,
Засверкали, полетели
Искры, брызги... все в огне!...
Мнится: звездная порфира
Бурей с неба сорвана –
Размерам земного мира
В украшение отдана.....

Кто такую бездну света
Морем *черным* смел назвать –
Стих великого поэта,
Бога на земле печать?
Полно жизненностью дикой,
Без живого существа,
Море мрачно и велико,
Как Библейские слова...
В обаянии непонятном,
Мне казалось, я прочел,
В море Грозном, необъятном,
Твой, природа, твой глагол...
Много в тех напевах шумных
Тайных мыслей я познал,
И речей глубокодумных
В блесках моря прочитал...

Буря смолкла – мрак рассеян:
Небо чисто и светло;
Воздух свежестью обвеян,
Зыбь на море развело.
Снова книгою закрытой
Для очей оно лежит;
В нем, как в хартии забытой,
Буквы стерлись – смысл молчит...
Только памяти скрижали
Всю тревогу ночи той
Унесли и удержали
Неизгладимой строкой.
И, в мечтаньях, как комета,
Преодо мною иногда,
Светом фосфорным одета,
Волн проходит череда.
И кипит ума отвага,
От чудесного огня...
Огнедышущая влага
Светит мыслью для меня!..

Н. Фермор

Как видим, стихотворение действительно содержит описание бури на море, однако по своему характеру оно тяготеет к романтизму не байронического, а скорее шеллинговского «натурфилософского» типа. На это указывает не столько само содержание его (которое, конечно, как у всякого эпигона, чуть более расплывчато и абстрактно, чем хотелось бы автору), сколько рамочные элементы, которые должны навести читателя на правильное восприятие его аллегорий. Так эпиграф взят Фермором из статьи профессора зоологии Санкт-Петербургского университета Степана Семеновича Куторги «Отрывки из путешествия в Крым 1833 года», опубликованной в «Журнале министерства народного просвещения» (1834, ч. 1, отд. VI, «Новости и смесь»), в первой его части «Путешествия». «Черноморская ночь»

выглядит как вариация на темы одного пассажира из этой статьи, который мы также приведем здесь целиком:

Лунные ночи в Севастополе останутся также неизгладимыми из моей памяти <...> Яркий свет подле черной тени! О сколько мыслей, сколько приятных мечтаний рождает он в душе моей! Я углубляюсь в тень, ищу чего-то в ней глазами; но они скоро утомляются пустотою, отсутствием всего; яркое привлекает их, и едва только они хотят заметить что-нибудь, на чем-нибудь остановиться, как вдруг ослепляются слишком ярким светом, и я получаю только понятие о *тьме* и *свете*. – Ничтожное понятие! – Оно более затемняет предмет, чем его проясняет. Не одно ли и то же – ничего не видеть в тени или быть ослеплену ярким светом? Странная ясность в бесконечной запутанности! – Неужели мы поняли вещь, ежели дали ей какое-нибудь название?

Всякую темную ночь я ходил к морю любоваться его так называемым фосфорическим светом, и всякий раз возвращался домой с чувством благоговения и сердечного удовольствия. – При каждом ударе весел моей лодки об воду лились с них огненные искры, и пылающая струя тянулась непрерывно за рулем ее. Я рассматривал воду в микроскоп и нашел, что маленькие раковидные животные и медузы суть причина сего свечения. – Каким же образом светятся они? – Сами по себе они темны; но, будучи выведены из спокойного состояния быстрым движением воды, издают свет. – Издавать свет и светиться, кажется, одно и то же? – Они фосфоресцируют. – А это что такое? Мгновенным и сильным движением силы сих животных приводится в полярное напряжение и они издают фосфорический свет. – Одно не яснее другого. – Я взял в помощь и гальванизм и свет и эфир, чтоб прояснить себе сколько-нибудь это непонятное свечение – и всё напрасно. – Чувство бессилия пред мощной Природой и глубокое благоговение пред ее таинственными законами вознаградили вполне мое любознание (с. 84–85).

Сходство и основной темы, и некоторых образов представляется очень значительным. Добавленный «от себя» Фермором в его стихотворении мотив бури, приоткрывающей тайны мироздания, поэтому имеет характер аллегории познания, а не жизненных тягот или страданий.

Как нам кажется, на первый план именно натурфилософский характер лирической медитации выводит и посвящение Н.М. Соковнину. Очевидно, Фермор имел в виду Николая Михайловича Соковнина, морского офицера, служившего в это время на Черноморском флоте. Мы не знаем ничего о знакомстве Фермора с ним, однако содержание стихотворения позволяет предположить, что объединяли их научные интересы, точнее, интересы к познанию мира в широком смысле (побудившие, очевидно, Фермора к чтению достаточно специальной, хотя одновременно «художественной» статьи Куторги): Соковнин уже в это время занимался пока еще дилетантскими на-

учными изысканиями (он, по его собственным воспоминаниям, в это время занимался наблюдениями над строением крыльев морских птиц), впоследствии приведшими его к тому, чтобы стать одним из пионеров воздухоплавания в России⁶.

Такого характера «На скользком море жизни бурной...» не имеет: образ бури в нем – традиционная романтическая аллегория событий на жизненном пути человека, так же как и выглядящая философской сентенция «До темной цели бытия» на самом деле, скорее всего, является перифрастическим обозначением смерти. Поэтому к ферморовскому тексту скорее ближе другое раннее стихотворение Некрасова – «Истинная мудрость» («Тебе поверил ли эфир / Свои божественные тайны, / Свою судьбу сказал ли мир?»⁷), о связи которого с Фермором и его поэзией никаких указаний не имеется⁸.

Видимо, сочувствие и интерес к творчеству Фермора дополнялись у Некрасова и ощущением психологической близости вместе с человеческим интересом и сочувствием к нему. Тот же Бессонов, указав первым на поэтический диалог Некрасова и Фермора, полагал, что их отношения основывались «не столько на литературном сотрудничестве, сколько на личной приязни»⁹ и что на Некрасова производила впечатление скорее личность Фермора, чем его творчество. К сожалению, едва ли не единственным источником, рисующим личность этого человека, является знаменитая повесть Н.С. Лескова «Инженеры бессребреники» (1887), в которой Фермор, наделенный кристальной честностью и негибаемым чувством долга, введен в галерею «праведников»¹⁰. Хорошо известно, что лесковские «документальные» произведения имеют характер в значительной степени апокрифический (этот «жанр» своего текста автор признает и в первоначальном предисловии к повести, так и называвшемся:

⁶ В брошюре «Воздушный корабль: очерк по воздухоплаванию» (СПб., 1866) Соковнин высказал ряд соображений, которые сыграли важную роль в дирижаблестроении. Впоследствии он стал одним из первых почетных членов Русского общества воздухоплавания. Был комендантом порта Феодосии (где в 2002 г. ему поставлен памятник). Закончил службу в ранге вице-адмирала.

⁷ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.; СПб., 1981–2000. Т. 1. Л., 1981. С. 209. Далее все цитаты из произведений Некрасова даются по этому по изданию с указанием в скобках номера тома и страницы.

⁸ Тем не менее наличия каких-то тонких переключек между «Черноморской ночью» и «На скользком море жизни бурной...» исключить нельзя. Их выявление затрудняется усредненно-романтическим, эпигонским характером некрасовского текста.

⁹ Бессонов. Указ. соч. С.49.

¹⁰ Считается, что он является прототипом главного героя романа Ф. Толстого «Болезни воли» (1859), однако извлечь из этого текста портретные черты Фермора не представляется возможным. Архив Ферморов, по сообщению того же Лескова, погиб. Характер, взгляды на жизнь Фермора описаны Лесковым, по его собственному утверждению, по рассказу П.Ф. Фермора, который скончался в 1888 году, через короткое время после публикации повести.

«Бытовые апокрифы»). Однако вряд ли стоит сомневаться, что приписываемая в повести Фермору склонность к хандре соответствует действительности. Тот же Бессонов полагает, что надо видеть в уже упоминавшемся стихотворении «На скользком море жизни бурной...» отклик именно на это: «Н.Ф.Фермор был подвержен приступам меланхолии (один из которых позднее стал причиной его самоубийства), и именно в обращении к нему (но не к жене Бенецкого) объяснимы и приведенные выше строки, и концовка стихотворения: «Пускай убийственная скука / От вас далеко улетит / И никогда печалей мука / Младого сердца не смутит»¹¹. Возможно, что и посвященное Фермору мрачное стихотворение «Изгнанник», лирический герой которого томится в действительности, куда он был вынужден спуститься после поэтического парения «в эфире», и ждет смерти как избавления от нее, содержит не только романтические штампы, но и отклик на душевное состояние адресата, созвучное собственному состоянию лирического героя¹².

Мы полагаем, что отношения между Некрасовым и Фермором, какими бы тесными они ни были, не могли продолжаться долго. Скорее всего, расхождение начинается уже в конце 1840 г., когда Некрасов окончательно встает на путь журнального работника, «пролетария», тем самым парадоксально подготавливая свое восхождение в литературные высоты, в то время как Фермор так и не преодолевает статуса «любителя». Уже во второй половине 1840 г. никаких сведений об их общении нет. Тем не менее Некрасов не полностью упустил из виду своего знакомого и, скорее всего, оперативно узнал о его конце, произведшем на поэта сильное и неизгладимое впечатление. Об этом ему мог сообщить не менее хорошо, чем Николай, знакомый Некрасову Павел Фермор (или, например, общий их друг М.А. Гамазов, закончивший Инженерное училище в 1830 г. одновременно с П.Ф. Фермором – Н.Ф. Фермор был выпущен из этого заведения в 1832 г.¹³). По-прежнему периодически преследовавшие его приступы хандры, доводящей до желания смерти¹⁴, и позднее

¹¹ Бессонов. Указ. соч. С. 50.

¹² Самое раннее сохранившееся письмо Некрасова (обращено к сестре, датируется 9 ноября 1840 г.) наполнено вполне «ферморским» чувством хандры и отчаяния. Ср. начало письма: «Вчера целый день мне было скучно. Вечером скука усилилась... Какая-то безотчетная грусть мучила меня. Я сам не понимал, что со мною делалось. Все занятия мои мне опротивели, все предположения показались мне жалкими» (XIV₁, 29).

¹³ Исторический очерк развития главного инженерного училища. 1819–1869. Составлено при Николаевской инженерной академии М. Максимовским. СПб., 1869. С. 80, 84.

¹⁴ Об этом см., например: Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 85.

вызывали у поэта ассоциации с Фермором. В 1856 г., собираясь плыть на корабле за границу для лечения, Некрасов писал Тургеневу (15–17 июня): «Виделся с доктором. Что мне делать? Я стал рабом этих господ. Я сказал ему, что беру билет на 21-е июля, а он мне – что я ранее 15 августа не должен прекращать приема пилюль и сыропу, которые-де приносят видимую пользу, т. е. не могу ехать ранее 15 августа. Кажется, должно так и сделать, хотя очень хотелось бы ехать с тобой. У меня припадки такой хандры бывают, что боюсь брошусь в море, коли один поеду да лихая минута застигнет. Этакая штука была с одним моим приятелем, который и болен-то был вроде моего. Его звали Фермором» (XIV₂, 18–19). В 1856 г. Некрасов не бросился в море, и в конечном счете болезнь, казавшаяся чуть ли не смертельной, отступила.

О Ферморе Некрасов вспоминал и в 1877 г., незадолго до смерти диктуя автобиографические заметки, то есть примерно в то время, когда и было написано стихотворение «Сон». Правда, описал поэт другое происшествие, связанное с ним: «... Приятель мой офицер Н.Ф. Фермор помогал мне в работе. Уезжая в Севастополь, он оставил мне кипу своих бумаг; я пользовался ими для моих повестей, но там был список отрывков из печатного. Думая, что это собственная заметка Фермора, я вклеил эти страницы в одну свою повесть» (XIII₂, 59). Это сообщение вызывает два вопроса: что за поездка имеется в виду и насколько достоверно свидетельство о переданных и использованных Некрасовым материалах из бумаг Фермора. В отношении первого вопроса авторы академического комментария к автобиографиям Некрасова пишут, что «о поездке Н.Ф. Фермора в Севастополь сведений не имеется», при этом осторожно допуская, что в стихотворении «Черноморская ночь» «отразились, возможно, личные впечатления», а также указывая на факт, косвенно связывающий Фермора с Севастополем: «В 1833–1835 гг. в Севастополе служил свойственник Н.Ф. Фермора Г.Ф. Бенецкий» (XIII₂, 468). Нам представляется, что детали, связанные с «Черноморской ночью», – посвящение офицеру Черноморского флота, служившему в Севастополе в то время, когда оно было написано, тот факт, что оно представляет собой вариацию на фрагмент из статьи Куторги, в котором описывается Черное море рядом с Севастополем, – как минимум, говорят о большом интересе Фермора к Крыму и Севастополю и усиливают степень вероятности его поездки в эти места (где он, возможно, и познакомился с Соковинным).

Если поездка Фермора в Севастополь имела место (не будучи отраженной в официальных документах – а нам известно, что даже и послужные списки не всегда дают исчерпывающей информации

об отлучках офицеров из воинских частей¹⁵), то мы решились бы заметить, что и факт передачи Фермором своих бумаг перед отъездом и использования каких-то материалов из них в своих произведениях не выглядит столь невероятным, как считают комментаторы Полного собрания сочинений Некрасова. Они утверждают: «По обстоятельствам жизни Некрасова и Н.Ф. Фермора использование бумаг последнего по случаю отъезда из Петербурга едва ли имело место. До середины августа 1841 г. Н.Ф. Фермор находился на службе <...> В том же году, в конце июля, Некрасов уехал на родину и вернулся в Петербург не ранее чем в декабре. В 1842 г. Н.Ф. Фермор находился по-прежнему в Петербурге» (XIII₂, 468)). Возможно, однако, что Некрасов, говоря «уходя в Севастополь», не имел в виду, что Фермор «уходил» надолго или тем более навсегда, и что он использовал его бумаги во время отсутствия их хозяина в Петербурге. Нам представляется вполне вероятной ситуация, при которой Фермор, отправляясь в поездку в Севастополь, оставляет Некрасову свои рукописи и наброски как близкому ему «собрату по перу» и эти бумаги остаются у Некрасова и после возвращения Фермора, например поскольку тот решает по каким-то причинам оставить литературную карьеру (после 7-го номера «Пантеона» нигде стихотворений этого автора мы не встречаем). И поэтому Некрасов вполне может использовать эти бумаги и при находящемся в Петербурге Ферморе. Во всяком случае, то, что Некрасов связывал в своих воспоминаниях Фермора с Севастополем, говорит, возможно, одновременно о забывчивости в деталях (путанице в том, ездил ли на самом деле в Севастополь Фермор, когда и какие отдавал ему бумаги) и одновременно о памятьливости в существенном (об интересе Фермора к этим местам).

Нам представляется, что воспоминание о полукурьезном случае с Фермором и его бумагами является своего рода побочным результатом того, что мысли о самоубийстве как, возможно, правильном выходе из того положения, в котором поэт находился в это время, снова вызвали в его памяти характер старинного приятеля и его конец. Как отражение этих размышлений и воспоминаний в первой части стихотворения «Сон», в которой выражено желание все-таки закончить страдания, отказавшись от иллюзорной надежды на выздоровление, и возникает экзотическая форма самоубийства, которую когда-то выбрал покойный «приятель». Броситься в море фактически означает «кончить, как Фермор».

¹⁵ См., например, нашу вступительную статью к послужному списку Г.С. Буткевича: Послужной список Генриха Станиславовича Буткевича. Публикация М.С. Макеева // Карабиха. Историко-литературный сборник. Вып. VIII. Ярославль, 2013. С. 158.

2.

Однако не только самоубийство в море как выражение отчаяния и безнадёжности, но и образ ангела как воплощения надежды на выздоровление и новую жизнь после него также вызван, по нашему предположению, тем, что в то время, когда Некрасов писал это стихотворение, он думал о судьбе Фермора и примерял его поступок к самому себе.

В уже упоминавшемся посвященном Фермору стихотворении «Изгнанник» лирическому герою, «после сладких сновидений» «очутившемуся на земле» и описывающему свое состояние в таких словах: «Оковы врезались глубоко, / А жизнь за муками пришла. / Печально было пробужденье, / Я молча слезы проливал» – слышится незримый голос «посланника провиденья». Среди других этот голос произносит следующие слова утешения:

Но ты железными цепями
Окуй волненье мрачных дум;
Не доверяй души сомненью,
За горе жизни не кляни,
Молись святому провиденью
И веру в господу храни.
Над ложем слез, как вестник славы,
Взойдет предсмертная заря,
И воспаришь ты величаво
В обитель горнего царя,
В свою небесную отчизну... (I, 197)

Маловероятно, что эти строки помнил Некрасов практически на смертном одре. (Хотя нельзя исключить и такой возможности: по свидетельству А.Я. Панаевой, «Некрасов мог прочесть наизусть любое из своих стихотворений, когда бы то ни было сочиненных»¹⁶. К тому же стихотворения «Изгнанник» и «Сон» схожи ритмически: оба написаны четырехстопным ямбом с сильной тенденцией к пиррихию на третьей стопе.) И мы ни в коем случае не хотим утверждать, что в «Сне» Некрасов сознательно отсылает к раннему «Изгнаннику» или развивает его мотивы. Однако воспоминание о своих отношениях с Фермором могло вызвать у Некрасова и прежние поэтические ассоциации, вызвать к жизни лирическую ситуацию страдальца, утешаемого сверхъестественным существом.

Образ утешающего и спасающего страдальца ангела, однако, связан не только с жизнью Фермора, но и с его самоубийством. В повести Лескова случайные спутники будущего самоубийцы в его последнем путешествии стремятся отвлечь героя от мрачных мыслей и смягчить участием его тяжелое душевное состояние:

¹⁶ Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1961. С. 86–87.

«... Все тотчас же наперерыв старались обнаружить к Николаю Фермору самую теплую, родственную заботливость. <...> Тайный советник Бек привел даже по-церковнославянски от Писания об ангелах, которым заповедано сохранить и взять человека на руках своих»¹⁷.

Но если в стихотворении «Изгнанник» адресат утешения воспринял его и обрел надежду («И ожил я душой, / И заглушили укоризну / Слова надежды золотой...»), то в реальной жизни увещевания оказались напрасными.

Мы полагаем, что именно эти слова Бека (возможно, в совокупности с еще более ранними ассоциациями, отразившимися в «Изгнаннике») и вызвали в обсуждаемом тексте загадочный образ. Однако прежде чем сопоставить ангелов из «Инженеров бессребренников» с некрасовским «Сном», необходимо заметить еще раз, что лесковское изложение обстоятельств смерти Фермора имеет такой же «апокрифический» характер, как и вся повесть. Соответственно не поддается проверке и эта интересующая нас деталь. Субъективно мы считаем рассказ Лескова очень правдоподобным, в том числе благодаря упоминанию Христиана Андреевича Бека, бывшего тайным советником и теоретически имевшего возможность совершить путешествие на корабле вместе с Фермором¹⁸. К тому же П.Ф. Фермор в то время, когда повесть была впервые опубликована, был еще жив. Соответственно если такая подробность не сочинена самим Лесковым, а действительно передана ему братом покойного, то ничего не помешало бы тому же П.Ф. Фермору сообщить ее в какой-то момент и Некрасову. Тем не менее нельзя не признать, что наши дальнейшие утверждения имеют характер гипотезы.

То, что «привел» Бек в назидание и утешение Фермору, есть одна из самых популярных христианских молитв, псалом 90-й, который имеет смысл в данном случае привести полностью:

Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»

¹⁷ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 8. С. 286.

¹⁸ В этой детали подкупает и заставляет верить в ее «непридуманность» отсутствие какой-либо связи между Фермором и Бекем, случайность этой встречи. Для объективности, однако, нельзя не указать и на то, что как будто бы пришедший из совсем другого мира персонаж мог быть помещен Лесковым в текст для создания параллели к образу Фермора. Дело в том, что Х.А. Бек (1770–1853) на гребне блестящей и заслуженной карьеры в марте 1811 г. был арестован и заключен в крепость по подозрению в сношениях с отправленным незадолго до этого в ссылку Сперанским. От несправедливости, совершившейся с ним, он едва не повредился в уме. После трех месяцев тюрьмы был реабилитирован, впоследствии стал тайным советником. См.: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 53–62.

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится: только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

Ибо ты сказал: «Господь – упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона.

«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его, долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое».

Сходство функций ангела в некрасовском стихотворении и в 90-м псалме очевидно. Бек призывает образ ангела, защищающего и спасающего «уповающего на Бога» человека, для того чтобы внушить Фермору уверенность в будущем, отвлечь от страшных мыслей. Так же и некрасовский ангел поет о возможности жизни, о том, что нынешние невзгоды будут преодолены, призывая отказаться от страшного намерения. Таким образом, ангел в стихотворении «Сон» приходит из воспоминания о смерти Фермора, а через него – из Ветхого Завета, 90-го псалма.

В раннем некрасовском стихотворении, посвященном Фермору, лирический герой легко верит таинственному вестнику Провиденья: «И ожил я душой, / И заглушили укоризну / Слова надежды золотой...» Реальный человек не поверил обещаниям и бросился в море. Нам кажется, что, подобно Фермору, лирический герой стихотворения «Сон» не верит обещаниям ангела. Сама форма сна указывает, видимо, именно на их иллюзорность, хотя и одновременно сладость (идея стихотворения в этом смысле напоминает – пусть это и сопряжение «далековатых» – мысль блоковского стихотворения «Девушка пела в церковном хоре...»). Тем не менее лирический герой Некрасова, очевидно, самоубийства не совершает. Причину этого и значение воздержания от прыжка в море, возможно, объясняет еще одна аллюзия, связанная с ангелом.

«Приведенные» Беком строки содержатся не только в Ветхом, но и в Новом Завете, где они звучат в эпизоде троекратного искушения Христа в Евангелии от Матфея (4, 6) («Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего») и в Евангелии от Луки (4, 9–11) («И повел Его в Иерусалим,

и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею»). Ответ Христа диаволу не ставит под сомнение способность и готовность ангелов спасать верных, уповающих на Бога, но предостерегает от «злоупотребления» божественным милосердием. Самоубийство, желание броситься в море предстает как искушение, поступок, который нельзя совершать независимо оттого, веришь ли в возможность выздороветь или нет.

Список литературы

Бессонов Б.Л. Некрасов и Г.Ф. Бенецкий (предание и факты) // Некрасовский сборник. Т. X. Л., 1988.

Исторический очерк развития главного инженерного училища. 1819–1869. Составлено при Николаевской инженерной академии М. Максимовским. СПб., 1869.

Лесков Н.С. Собр. соч. В: 11 т. Т. 8. М., 1958.

Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. Т. I: 1821–1855. СПб., 2006.

Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1961.

Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.; СПб., 1981–2000.

Сведения об авторе: *Макеев Михаил Сергеевич*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова: E-mail: makeev_ms@mail.ru

А.Г. Шешкен

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ ЮГОСЛАВЯН В РОССИИ (к 110-летию со дня рождения)

В статье рассматривается выдающийся вклад ученого и поэта И.Н. Голенищева-Кутузова в развитие русско-югославянских литературных связей XX в. В центре внимания его роль как составителя и переводчика «Антологии новой югославянской лирики» (Белград, 1933) и сборника «Поэты Югославии» (М., 1957). Подчеркнуто, что сборник «Поэты Югославии» сыграл особую роль в восстановлении культурных связей между странами, которые были нарушены из-за конфликта 1948–1953 гг., положил начало систематической публикации переводов поэзии югославян в нашей стране. Анализируются поэтические переводы самого И.Н. Голенищева-Кутузова.

Ключевые слова: И.Н. Голенищев-Кутузов, лирика, поэзия, перевод, литературные связи.

The article concerns an outstanding contribution of the scientist and poet Ilya Golenishev-Kutuzov to the development of Russian-Yugoslavian literary relations of the twentieth century. In the focus is his role as a composer and translator of “Anthology of the New Slavic Lyricism” (Belgrade, 1933) and a collection of “Poets of Yugoslavia” (Moscow, 1957). The research paper emphasizes that the book “Poets of Yugoslavia” played a special role in the restoration of cultural ties between the two countries which had been upset because of the conflict of 1948–1953 that marked the beginning of a systematic publication of translations of Yugoslavian poetry in our country. The article analyzes Ilya Golenishev-Kutuzov’s poetic translations.

Key words: Ilya Golenishev-Kutuzov, lyrics, poetry, translation, literary connections.

Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969) принадлежит к выдающимся представителям отечественной науки и культуры. Ученый, переводчик, поэт, он обладал поистине энциклопедическими знаниями, имел обширный круг научных и творческих интересов. Давно стали классическими его труды по европейскому Средневековью и Возрождению, по творчеству Данте и петраркизму, по истории романских литератур и вопросам сравнительного литературоведения¹.

¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971; Он же. Итальянское Возрождение и славянские литературы XIV–XVI веков. М., 1963; Он же. Средневековая латинская литература Италии. М., 1971; Он же. Романские литературы. М., 1975.

Огромный вклад внес И.Н. Голенищев-Кутузов в изучение, популяризацию и перевод литературы и фольклора югославян. Блестящий знаток, исследователь и переводчик авторов Дубровницкого Возрождения, сербской эпической народной поэзии, литературы других славянских народов², он был одним из тех, чьи труды в 1950–1960-е годы придали новый мощный импульс развитию отечественной славистики после ее фактического разгрома в период сталинских репрессий³, восстановлению и успешному развитию русско-югославянских литературных связей.

Личная судьба И.Н. Голенищева-Кутузова была тесно связана с южными славянами: Югославия стала его вторым отечеством. Рожденный в российской глубинке (в «саратовской глуши»⁴ – так он сам называл родные места), в родовитой семье, потомок М.И. Кутузова, он обладал редкой силой воли и твердостью характера, прожил яркую и насыщенную жизнь, полную тяжелых испытаний и резких поворотов. Отец Голенищева-Кутузова покинул Россию в составе белой армии в конце Гражданской войны. Вместе с семьей он в 1920 г. прибыл в столицу Югославии (в 1918–1929 – Королевство сербов, хорватов и словенцев, в 1929–1941 – Королевство Югославия) Белград. Это был первый крутой поворот в судьбе Ильи Николаевича, его юность и возмужание проходили вдали от родины, на Балканах.

Белград в 1920–1930-е годы был одним из значительных центров русского рассеяния⁵. Здесь действовали русская школа, богатая библиотека русской книги, многочисленные читальни и издательства, сложилась высокоинтеллектуальная русская культурная среда. И.Н. Голенищев-Кутузов учился в Первой русско-сербской гимназии

² Например: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Поэты Далмации эпохи Возрождения XV–XVI вв. М., 1959; *Он же.* Славянские литературы. М., 1973.

³ В 1930-е годы отечественная славистика была практически уничтожена. Самой яркой страницей этой расправы стало сфабрикованное ОГПУ в 1933–1934 гг. дело «Российской национальной партии», по которому было арестовано около 130 человек. Многие выдающиеся ученые были расстреляны или погибли в лагерях. См.: *Ашин Ф.Д., Алпатов Б.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

⁴ Цитата из стихотворения И.Н. Голенищева-Кутузова «Веер» (сб. «Память», 1935).

⁵ Русская диаспора в Югославии насчитывала по разным оценкам от 40 000 до 70 000 человек. Политическая и культурная активность русских беженцев была сосредоточена в столице королевства Белграде. Религиозным центром зарубежья был расположенный недалеко от Белграда город Сремски Карловцы, где действовала Русская Зарубежная православная церковь, возглавляемая митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким). См.: *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац. Београд, 1990; *Шешкен А.Г.* Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. М., 2003. С. 9–14.

(закончил в 1921 г.⁶), затем на философском факультете Белградского университета (1921–1925). В университете преподавали многие выдающиеся представители академических российских научных школ⁷. Среди учителей Голенищева-Кутузова был известный в европейской научной среде филолог Е.В. Аничков. И.Н. Голенищев-Кутузов стал одним из лучших его учеников. Он участвовал в «Белградском Пушкинском сборнике» (1937)⁸, изданном под редакцией Е.В. Аничкова к 100-летию гибели поэта, вместе с выдающимися представителями отечественной гуманитарной науки (С.Л. Франк, Н.С. Трубецкой и др.).

После окончания университета Илья Николаевич несколько лет преподавал в Черногории и Дубровнике. В те годы он начал глубоко интересоваться народной поэзией, слушал и записывал народных исполнителей⁹. В Дубровнике он увлекся творчеством Данте и начал переводить его поэму «Новая жизнь». Во время поездок в Италию состоялось знакомство Голенищева-Кутузова с Вячеславом Ивановым (1927), серьезно повлиявшим на его поэтическое творчество и научные интересы, на углубленное исследование европейской культуры позднего Средневековья и Возрождения. Он получил стипендию министерства просвещения Франции и поступил в аспирантуру Сорбонны (1929–1932), защитил докторскую диссертацию (1933) и вернулся на преподавательскую работу в Белградский университет. Перед молодым ученым раскрывались прекрасные возможности, росла его известность как литературного критика и поэта. В Париже вышел сборник его лирики «Память» (1935) с обстоятельным предисловием Вяч. Иванова. Однако все резко и неожиданно изменилось. За лояльность к советской России его обвинили в советской пропаганде и посадили в тюрьму.

Война принесла новые повороты судьбы: Голенищев-Кутузов, как и многие «сербские русские», вступил в антифашистское Сопротивление, был схвачен, стал узником концлагеря, а в 1944 г.

⁶ Гимназия была открыта русскими беженцами для своих детей в 1920 г. Издание, посвященное десятилетию гимназии, «Первая русско-сербская гимназия в Белграде, 1920–30 гг.» (Белград, 1930) содержит интересные документы и весьма полные сведения об учащихся. Имя И.Н. Голенищева-Кутузова названо в числе гимназистов первого выпуска. В этой же гимназии учился потомок Л.Н.Толстого ученый-славист академик Никита Ильич Толстой.

⁷ В период между двумя войнами в югославских университетах трудились примерно 120 российских профессоров, в Белградском университете работали более 70 российских преподавателей. См.: *Маленкович Т. Общество русских ученых в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 139.*

⁸ См.: *Голенищев-Кутузов И.Н. Роза в поэзии Пушкина // Белградский Пушкинский сборник / Под ред. Е.В. Аничкова. Белград, 1937.*

⁹ См.: *Голенищева-Кутузова И.В. Эпическое творчество народов Югославии в трудах И.Н. Голенищева-Кутузова // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 208–222.*

он вновь сражался в народно-освободительной армии Югославии. После победы над фашизмом, обратившись с просьбой о советском гражданстве, планировал преподавать в Московском университете (получил от декана проф. В.В. Виноградова приглашение работать на филологическом факультете). Однако конфликт между Югославией и СССР (1948–1953)¹⁰ трагически отозвался на судьбе Голенищева-Кутузова. Он был арестован по подозрению в шпионаже и осужден¹¹. Его возвращение на родину осуществилось только в 1955 г., когда Голенищев-Кутузов был уже в зрелом возрасте, сложившимся исследователем и поэтом, которому тем не менее предстояло в новой среде заслужить авторитет и признание.

Ученый такого масштаба, как И.Н. Голенищев-Кутузов, был просто необходим отечественной науке, которая в период «оттепели» стала стремительно развиваться, освобождаясь от упрощенно-социологического подхода к явлениям культуры и литературы и сосредотачиваясь на вопросах эстетической ценности и поэтики художественного текста. И.Н. Голенищев-Кутузов после приезда в Москву начал работать в ИМЛИ РАН и активно издавать научные труды, одновременно преподавая на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Его докторская диссертация «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков» (1960)¹² получила самые восторженные отзывы корифеев отечественной академической науки Д.С. Лихачева, В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева, Н.И. Конрада.

С первых лет жизни на родине Голенищев-Кутузов стал одним из самых авторитетных и активных популяризаторов литературы югославян, переводчиком, составителем, автором комментариев и предисловий к изданиям литературной классики. С его предисло-

¹⁰ Разрыв отношений между СССР и Югославией в 1948–1953 гг. вошел в историю как «время Информбюро». По инициативе Сталина орган Коминтерна Международное Информационное бюро коммунистических и рабочих партий приняло в июне 1948 г. резолюцию «О ситуации и положении в КПЮ», содержащую критику ее руководства. Внутри Югославии позиции коммунистов разделились: одни поддержали своего лидера И.Б. Тито, другие – одобрили резолюцию. Раскол в КПЮ сопровождался массовыми репрессиями. Противники Тито расстреливались или ссылались в лагеря, символом которых стал «Голый остров» – аналог советского ГУЛАГа и Колымы. Многие русские эмигранты тоже постарались во время репрессий. Отношения между странами были восстановлены после смерти Сталина, особую роль сыграл визит Н.С. Хрущева в Белград в 1955 г.

¹¹ О жизненном пути И.Н. Голенищева-Кутузова см.: *Голенищев-Кутузов И.В. Голенищев-Кутузов И.Н. // Писатели русского зарубежья (1918–1940). Справочник.* Ч. 3. М., 1995.

¹² Та диссертация, которую Голенищев-Кутузов защитил в Сорбонне в 1933 г., была признана как кандидатская. Он должен был подготовить и защищать новое фундаментальное исследование.

виями были изданы «Сказки народов Югославии» (1962) и роман выдающегося сербского мастера психологической прозы Б. Станковича «Дурная кровь» (1961). Илья Николаевич был специалистом с совершенным знанием языков, истории и современного состояния многонациональной культуры народов Югославии, человеком, обладающим незаурядным поэтическим дарованием и серьезным переводческим опытом. К деятельности Голенищева-Кутузова в полной мере относится высказывание Б. Эйхенбаума о том, что XX в. в русской литературе стал «веком переводов» и «все русские писатели стали вдруг переводчиками или редакторами переводов». Достаточно вспомнить В. Брюсова, А. Ахматову, М. Цветаеву, Б. Пастернака и многих других. После возвращения на родину свой поэтический дар Голенищев-Кутузов реализовывал главным образом как поэт-переводчик. Очевидно, сказалось пережитое, и собственная лира уже не звучала так, как прежде. В антологии «Поэты Далмации эпохи Возрождения XV–XVI вв.» (1959) он был составителем, переводчиком и автором комментариев.

Нелишним будет добавить, что XX в. стал и «веком антологий», временем ориентации на издания, представляющие широкую панорамную картину развития одной или нескольких национальных литератур. В антологиях участвовал и солидный круг переводчиков. Таким образом, собрания славянской поэзии (в данном случае речь именно о них) знакомили читателя с наиболее интересными стихотворцами, характерными мотивами, жанрами и особенностями и стимулировали интерес к ним отечественных поэтов. Происходило интенсивное кипение «фиалок в тигеле», если вспомнить известное образное определение переводческого процесса, принадлежащее В. Брюсову. В статье «Фиалки в тигеле» (1905) он писал: «Поэтов, при переводе стихов, увлекает чисто художественная задача: воссоздать на своем языке то, что их пленило на чужом, увлекает желание – “чужое вмиг почувствовать своим”, желание – завладеть этим чужим кровью»¹³.

Внимание русских литераторов к поэзии югославян было вызвано в первую очередь тем, что в XIX и особенно в XX в. эти литературы развивались весьма динамично, они начали стремительно обогащаться и стали важным фактором европейского и мирового художественного процесса. Лирика была традиционно одним из самых богато представленных родов словесности, с множеством славных поэтических имен. Это показала, в частности, изданная еще в Петербурге до революции антология С.В. Штейна «Славянские

¹³ Брюсов В.Я. Фиалки в тигеле // Брюсов В.Я. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 98.

поэты: Переводы и характеристики» (1908). Составитель включил в ее состав поэтов всех славянских народов, в том числе выдающихся сербских стихотворцев Й.Й. Змая, В. Илича, Й. Илича, Й. Дучича, крупнейшего словенского поэта XX в. О. Зупанчича и др. Большую популярность приобрели панорамные издания национальной поэзии. Авторитетный сербский критик и теоретик, профессор Белградского университета Б.Поповичем подготовил «Антологию новой сербской лирики» (1911). При составлении сборника он руководствовался самым строгим эстетическим критерием и, представляя оригинальную и богатую палитру национальной поэзии, во главу угла ставил художественные достоинства авторов и произведений. Подобные издания стали основой для составления последующих антологий, в том числе переводной поэзии.

До революции издания произведений югославянских писателей появлялись в России достаточно регулярно¹⁴, а славистика была интенсивно развивающейся научной областью. Затем ситуация в корне изменилась. В 1930-е годы советские идеологи усмотрели в славистике проявление крайней формы национализма, началась травля ученых, и перевод славянских авторов практически замер¹⁵. В это время культурой славянских народов активно интересовались русские поэты, оказавшиеся в эмиграции. Они имели возможность своими глазами увидеть и сердцем почувствовать мир славянства, лично познакомиться со многими представителями славянских литератур и их творчеством. Среди них М. Цветаева, которая жила в Праге и посвятила Чехии цикл стихов («Стихи к Чехии»), переводы К. Бальмонта и И. Северянина. Последний, вдохновленный красотою Адриатики, посвятил Югославии целый поэтический сборник («Адриатика», Нарва, 1932). Известны его переводы стихов сербского поэта Й. Дучича, передающих атмосферу культуры Дубровника эпохи Возрождения («Мадригал из Дубровника», «Инок из Дубровника»). Для живших в Югославии молодых русских поэтов (Л. Алексеева-Девель, Е. Таубер, А. Дураков, К. Тарановский и др.), эта страна и ее культура стали темой творчества и объектом переводческого интереса к классике и современным авторам.

Единственным панорамным и наиболее полным изданием современной поэзии Югославии на русском языке была вышедшая в

¹⁴ Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка (посл. четверть XIX – начало XX вв.). М., 1979.

¹⁵ Среди редких изданий переводов следует назвать издание сербской народной эпической поэзии «Сербский эпос» / Пер. Л. Берга, И. Тальковского и Н. Кравцова; ред., исследование и комментарии Н. Кравцова. М., 1933. Вскоре после издания книги, в 1934 г., Н. Кравцов был осужден по «Делу славистов» (см. сноску 3) и восемь лет провел в лагерях.

Белграде в 1933 г. «Антология новой югославянской лирики». Ее составителем и переводчиком был И.Н. Голенищев-Кутузов. Участвовали в ней со своими переводами также известная впоследствии поэтесса Екатерина Таубер и героически погибший во время войны поэт Алексей Дураков. Обложку оформил русский художник В.И. Жердинский, один из наиболее ярких деятелей русской культуры, живший в Белграде. Антология издана дореволюционным шрифтом (это было характерно для русского зарубежного книгоиздания) Союзом русских писателей и журналистов в Югославии¹⁶. С скромная книжечка объемом в шестьдесят страниц, представляла русскому читателю наиболее значительные фигуры сербской, хорватской и словенской литературы нового времени: Й. Дучича, М. Ракича, А. Уевича, О. Жупанчича, В. Назора, Д. Максимович. Переводчики И. Голенищев-Кутузов, Е. Таубер и А. Дураков, исходили из убеждения, что «перевод есть повторное творчество, требующее полного слияния чужого со своим»¹⁷. Их взгляды созвучны приведенному выше высказыванию В. Брюсова. Это неслучайно, если принимать во внимание важность символизма для поэтов русского зарубежья, в том числе для молодых авторов «русского Белграда».

Весьма показательны в этом отношении названия первых литературных кружков («Гамаюн», 1923) и поэтических сборников (сб. «Гамаюн – птица вещая», Белград, 1924). Они ясно указывают на избранные стихотворцами ориентиры: продолжение традиций национальной культуры, дореволюционного русского искусства слова, символизма и А. Блока, в произведениях которого они видели пророчество случившихся с Россией потрясений. Кружок «Литературная среда» (Белград, 1934)¹⁸ и сборник под таким же названием получили свое имя в знак уважения к весьма авторитетному в эмигрантской среде Вяч. Иванову, кружок которого «На башне» собирался в Петербурге по средам.

И.Н. Голенищев-Кутузов относился к литераторам, считавшим важнейшей задачей сохранение богатства национальной культуры

¹⁶ «Союз русских писателей и журналистов в Югославии» создан в 1925 г. Был авторитетной организацией, имел более 120 членов, поддерживал широкие связи с культурными объединениями русских изгнанников в других странах. Он поддерживал издание периодики и книг на русском языке. Был главным организатором Первого съезда русских писателей за границей (Белград, 1928).

¹⁷ Антология новой югославянской лирики. Белград, 1933. С. 5.

¹⁸ В кружке «Гамаюн» участвовал И.Н. Голенищев-Кутузов. Он был инициатором создания кружка «Литературная среда». «Среды», как правило, были многослюдны и проходили при участии университетских профессоров, преподавателей гимназии, режиссеров, журналистов, театральных деятелей, художников М.А. Погодина, Е.В. Аничкова, Р.В. Плетнева, Ю. Ракитина, А. Дуракова, Л. Алексеевой-Девель, И.Н. Голенищева-Кутузова и др.

и выразительности языка, особо культивировавшим утонченность стиля и изящество формы произведения. Его лирику взыскательный Г. Адамович назвал «безупречной по форме»¹⁹. И.Н. Голенищев-Кутузов абсолютно соответствовал типу писателя, сформировавшегося и широко представленному в эпоху символизма, писателя, чья поэзия тысячью нитей ассоциативно связана с традицией мировой культуры. Интеллектуальная насыщенность поэзии Голенищева-Кутузова («Сады Гесперид», «Подражание «Песни песней», «Архангел Меридиана» и др.) дополняется характерными для символизма приемами. Ей свойственны контрастность, игра света и тени, культ тайны, музыкальность, особый космический размах поэтического пространства, вобравшего «ледяную ночь», «Ясного Люцифера», «радугу планет», «музыкальный свет».

Естественно, что и в переводческой практике И.Н. Голенищев-Кутузов проявлял особый пиитет к поэтам, близким ему по духу, Й. Дучичу и М. Ракичу. «Дубровницкое вино» Й. Дучича он перевел, вступив в своеобразное соревнование с известным и авторитетным мастером слова И. Северяниным («Вино из Дубровника»). Стихотворение сербского поэта воспроизводит атмосферу ренессансной эпохи, с особым изяществом отражает культ природы и торжество земных радостей, искушению которых готовы поддаться опьяненные вином, музыкой и летним полднем, строгие дамы, моряки и монахи. Настроение создают характерные атрибуты: «брызги фонтана», «чаща лавров», «силуэт блудливого мраморного Пана», «новелла из «Декамерона» и «пение под мандолину». Неповторимое очарование города, сохранившего в своем облике черты прошлых эпох, присутствует в поэтическом мире и самого Голенищева-Кутузова, посвятившего Дубровнику отдельный «Адриатический цикл» (ст. «Пепел», «После грозы в Дубровнике», «Далматинская элегия» и др.). Цикл писался во второй половине 1920-х годов. Он отразил растущий интерес автора к истории и культуре Далмации эпохи Возрождения и увлеченности творчеством Данте. Это было незадолго до работы над переводами для «Антологии новой югославянской лирики». Постоянно меняющийся морской пейзаж, роскошная природа Средиземноморья, присутствие артефактов античной и ренессансной эпохи, древние церкви и каменные ступени, хранящие следы столетий, – неотъемлемая часть образа Дубровника в «поэзии мысли»²⁰ И.Н. Голенищева-Кутузова.

¹⁹ Г. Адамович, впрочем, критиковал ее оторванность от жизни. См.: *Чагин А.И.* Два крыла русской поэзии. Статья вторая // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 2–3. С. 92.

²⁰ *Гордзонио С.* Поэзия мысли. Предисловие // Голенищев-Кутузов И.Н.. Благодарю, за все благодарю: Собр. стихотв. Серия «Русская Италия». Пиза; Томск; М., 2004.

Одним из любимых поэтических жанров И.Н. Голенищева-Кутузова был сонет, он вступал в творческий диалог с выдающимися мастерами этой классической строгой и сложной поэтической формы (сонет «Петрарка»), в том числе через перевод. Например, перевод одного из лучших сонетов чрезвычайно популярного сербского поэта М. Ракича «Заброшенная церковь (На Косовом поле)». М. Ракич был близок Голенищеву-Кутузову музыкальностью звучания стиха и трактовкой мотива памяти, постоянным обращением к теме великого прошлого и национальной катастрофы, размышлениями о важности сохранения культурного наследия и силе искусства, неподвластного времени. И.Н. Голенищев-Кутузов считал цикл Ракича, посвященный битве на Косовом поле (1389), одним из высших достижений современной сербской поэзии. Стихотворение «Симонида (Фреска в монастыре Грачаница)» было навеяно поэту размышлениями о трагической истории сербского народа, во время посещения выдающегося памятника архитектуры XIV в. и прекрасной фреской, на которой изображена сербская королева Симонида («Наемник турок выколол кинжалом...»).

Отдельные переводы, выполненные Голенищевым-Кутузовым для «Антологии новой югославянской лирики», были опубликованы им повторно, спустя двадцать лет, на родине, в другой антологии – «Поэты Югославии» (Москва, 1957), где он снова выступил как составитель и переводчик («Эмина» А. Шантича, «Дубровницкое вино» Й. Дучича, «Заброшенная церковь» и «Симонида» М. Ракича и др.).

Во время работы над «Поэтами Югославии» сложилось сотрудничество Голенищева-Кутузова с выдающимся поэтом и переводчиком, одним из ярких представителей отечественной школы поэтического перевода, человеком широкого кругозора М. Зенкевичем. По счастливому совпадению Голенищев-Кутузов и Зенкевич оказались земляками, уроженцами Саратовской губернии.

Антология «Поэты Югославии» занимает особое место в истории перевода поэтического слова югославян в нашей стране. С 1955 г. началось восстановление культурного сотрудничества между СССР и Югославией, и перевод художественной литературы стал его важнейшей неотъемлемой частью, например: Р. Доманович «Повести и рассказы» (М., 1956), «Страдия» (М., 1957); роман Д. Чосича «Солнце далеко» (М., 1956). Небольшая по объему, антология была первой попыткой «ознакомить широкие круги советских читателей с современной югославской поэзией», она должна была представить литературы на всех языках народов Югославии, показать их во всем многообразии и богатстве. «Почти все произведения впервые появляются на русском языке и переводах наших поэтов», подчеркнуто в за-

метке «От издательства»²¹. В книге опубликована поэзия 44 сербских, черногорских, хорватских, боснийских, герцеговинских, словенских, македонских поэтов первой половины XX в. Многие из них вошли в литературу в послевоенное десятилетие, а целый ряд стихотворений был написан в 1950-е годы, что создавало представление о динамике литературного процесса. Среди переводчиков были известные поэты А. Сурков, Н. Тихонов, Д. Самойлов, Н. Глазков, А. Безыменский, М. Павлова и др.

Работа над антологией шла очень интенсивно. И.Н. Голенищев-Кутузов вернулся на родину в середине 1955 г., а в начале апреля 1957 г. сборник был уже сдан в производство. Всего за год был определен состав авторов и стихотворений, организован круг переводчиков, получены тексты, отредактированы переводы (М. Зенкевич). Были написаны комментарии и емкие биографические справки о поэтах, содержащие характеристику их творческой индивидуальности. Они не подписаны, но с высокой долей уверенности можно утверждать, что именно Голенищеву-Кутузову принадлежат «Заметки об авторах» и Примечания к сборнику. Они демонстрируют доскональное знание специфики литературного процесса Югославии и творчества его участников, со многими из которых он был знаком лично.

Составитель придерживался хронологического принципа композиции книги. Он, как и в белградской «Антологии», был сторонником актуальной тогда концепции единой югославской литературы как литературы многонациональной, создававшейся на языках народов страны. Поэтому сербские, хорватские, боснийские, словенские, македонские авторы не сгруппированы по принципу принадлежности к конкретной литературе, а даны все вместе в соответствии с временем рождения. Голенищев-Кутузов стремился раскрыть особенности их образного мышления, показать тематическое и жанровое богатство лирики в целом. Антология открывается стихотворениями поэтов второй половины XIX – начала XX в. С.С. Краньчевича, А. Шантича и В. Видрича. Они были выразителями борьбы южных славян за освобождение от иноземного угнетения, придерживались идеи единения славянских народов (С.С. Краньчевич «Славянская липа») и оказали важнейшее влияние на лирику XX в. Затем представлено творчество авторов, определивших многообразие поисков национального искусства слова в первые десятилетия XX в. и межвоенный период. Среди них Й. Дучич, которого «критика считала первым поэтом новейшей сербской литературы. Наиболее живое в поэзии Дучича –

²¹ Поэты Югославии / Сост. И. Голенищев-Кутузов; переводы под ред. М. Зенкевича. М., 1957. С. 5.

его ощущение природы»²². Владимир Назор, в течение полувека присутствовавший в хорватской литературе», представлен как поэт с непростой творческой эволюцией, «прошедший сложный путь от символизма, к реалистическому восприятию мира, хотя в последний период творчеству были свойственны многие приемы модернизма. Назор прекрасно знал античную и итальянскую литературы, увлекался французскими символистами, но в его творчестве сильнее всего отразилась народная стихия, сербско-хорватские песни, сказки и легенды, которые он с детства слышал на острове Браче в Далмации»²³. Подчеркивается, что от мифологических образов писатель перешел к поэтическим темам народной истории. Его уход в преклонном возрасте в партизаны «имел огромное моральное значение для народно-освободительного движения... Ему принадлежат потрясающие стихи о зверствах хорватских фашистов (усташей) над сербским населением Боснии»²⁴. В антологию включено стихотворение «Мать славянка». В оригинале это стихотворение называется «Православная мать» (иногда печатается под названием «Сербская мать»). Изменение названия в переводе понятно в свете мировоззренческих особенностей эпохи, не поддерживавшей религиозные чувства. Подчеркнут общий гуманистический, антивоенный пафос стихотворения, создающего обобщенный образ матери, оплакивающей своих детей. В комментариях к нему указывается, что «стихотворение это, написанное в форме стародалматинской «заплачки», Назор создал на освобожденной югославскими партизанами территории»²⁵.

Кратко и точно очерчена творческая эволюция О. Давичо и его место в литературном процессе страны. «В настоящее время Давичо стоит во главе воскресшего после войны крайнего модернистского направления в поэзии (надреализма. – *А. Ш.*), редактирует главный орган модернистов «Дело» (Белград). Давичо утверждает, что прогрессивному писателю «не обязательно быть реалистом». Между Давичо и его последователями, с одной стороны, и сторонниками реалистического направления, с другой, уже несколько лет ведется острая полемика на страницах журналов. Лучшая книга его стихов «Вишня за стеной» (Белград, 1950); в нее вошли произведения 1939–1945 гг. При всех своих модернистских увлечениях... Давичо один из самых одаренных поэтов современной югославской литературы»²⁶. Портретная зарисовка (отдавая дань критическому отношению со-

²² Поэты Югославии. С. 282.

²³ Там же. С. 283.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 299.

²⁶ Там же. С. 290–291.

ветской литературы и критики к нереалистическим течениям) все же характеризует его как яркую поэтическую индивидуальность.

О Кочо Рацине сказано, что это «первый македонский поэт нового времени... современная македонская литература начинается его книгой «Белые зори», вышедшей в 1939 г. в Загребе. На ранних его стихах отразилось влияние экспрессионизма, но сильнее в его творчестве влияние народной македонской песни»²⁷. Антология стала первым изданием, представляющим молодую македонскую литературу нашему читателю. В ней переведены также стихи С. Яневского, А. Шопов, Г. Ивановского, С. Ивановского.

В комментариях постоянно подчеркивается интерес югославянских поэтов к русской литературе, проявляющийся через их переводы. Про Р. Зоговича сказано, что «он лучший переводчик Маяковского в Югославии». В антологии помещено стихотворение тонкого лирика, поклонника и переводчика С. Есенина Д. Цесарича, посвященное русскому поэту («Памяти Сергея Есенина»). Сербская поэтесса Десанка Максимович «в значительной степени восприняла традиции русской литературы». Большим поклонником русской культуры был и Павел Голия, пронзительное стихотворение которого перевел Голенищев-Кутузов. Македонский поэт Ацо Шопов (перевел И. Крылова и Э. Багрицкого) «трудится над созданием стихотворных переводов, что имеет большое значение для молодой македонской литературы».

В комментариях постоянно подчеркивается, что высокий художественный результат современная поэзия достигает в первую очередь опорой на фольклорные традиции в сочетании с постоянными поисками и стремлением к обновлению и обогащению поэтического языка. Это обнаруживается в творчестве замечательной хорватской лирической поэтессы Весны Парун и крупнейшего хорватского писателя Мирослава Крлежи. Его «Баллады Петрушки Керемпуха» («Петрушка и висельники», «Кевенхиллер»), написанные на кайкавском диалекте Загреба, для антологии перевел сам Голенищев-Кутузов.

Составитель признавал, что главное внимание уделялось им отражению в сборнике темы героической борьбы югославян за свободу во время Второй мировой войны, выраженной с большой силой в стихах И.Г. Ковачича, Б. Чопича, Д. Максимович, В. Назора, М. Бора, А. Шопова, Г. Ивановского. Это отражало объективную картину, преимущественный интерес литературы послевоенного десятилетия (как в Югославии, так и в нашей стране) к теме войны с фашизмом и партизанского движения. Борьба с гитлеровцами воспринималась и нередко воспевалась как общая с русским народом битва с общим

²⁷ Там же. С. 290.

врагом (Р. Зогович «Победа под Москвой»; Костич «Здравица в Москве» и др.).

И.Н. Голенищев-Кутузов перевел для сборника самые выразительные стихи, объединенные идеей мученичества и жертвенности за свой народ: отрывок из поэмы И.Г. Ковачича «Яма» и «Кровавую сказку» Д. Максимович. Про поэму И.Г. Ковачича (убитого в 1943 г.) сказано, что «Яма – одно из самых известных произведений партизанской югославской литературы 1941–1945 гг.»²⁸, переведенное на несколько иностранных языков. Ее непокоренный герой, ослепленный и брошенный в братскую могилу живым, выбирается из ямы и встречает партизан. К стихотворению Д. Максимович «Кровавая сказка», кроме Голенищева-Кутузова, обращались и другие наши поэты (Б. Слуцкий). В переводе Голенищева-Кутузова выразителен мотив массовой мученической героической смерти целого класса детей, казненных гитлеровцами вместе с учителем в сербском городе Крагуевац. Это соответствует замыслу поэтессы и идет в русле национальной традиции сербской поэзии. Идея праведной смерти подчеркивается употреблением слов одного понятийного ряда «погибли смертью мучеников / школьники, дети», шли спокойно «на расстрел, навстречу мучителям», «в тот же миг вознеслись / К вечной обители».

Антивоенным пафосом проникнута «Эпитафия бойцу, павшему в то мгновенье, когда было подписано перемирие» Г. Витеза: «Весть летела быстрее птицы... / Но пришла слишком поздно. / Для тех, кто пал – всегда слишком поздно. / А если бы пришла лишь на полчаса раньше, он был бы / жив; / Следовало бы эту весть послать гораздо раньше –/ Прежде, чем мертвые стали падать». Это стихотворение, написанное верлибром, интересно с точки зрения расширения поэтической практики самого И.Н. Голенищева-Кутузова, отдававшего ранее предпочтение силлабо-тонической лирике. Он перевел также выдержанное в стилистике романтической поэзии стихотворение Бранко Чопича «Могила на ниве», посвященное героической смерти прекрасной юной партизанки Ягоды. В нем функционален ритм при общей опоре на народный стих.

Переводчик не утратил, однако, интереса к сонету, характерного для его собственного довоенного творчества. Для антологии он перевел сонеты Б. Водушека «Май» («Любезный мой шиповник, словно щит, / Поставил, и убежище дает / Влюбленным... / Пусть за спиною козни темноты – / нас стерегут шиповника кусты») и Г. Витеза «Зеркало Цетины» («Здесь все чудеснее и тише, / И чувствуешь дыханье трав...»). Стихотворение сербского поэта Б. Ковачевича «Мое племя»

²⁸ Поэты Югославии. С. 306.

состоит из двух частей, каждая из которых – сонет. Его патриотический пафос, прославление скромных («люди мы простые»), отважных воинов («Отцы мои и деды воевали / И многие на бранном поле пали»...) / С гайдуками народ мы защищали / ...Народ мой жив не хлебом – упованием / Придет война – молчит, но храбро бьется») был близок Голенищеву-Кутузову. Кроме того, для него важно было представить отечественному читателю произведение, отражающее традиционную любовь сербов к России, подчеркнуть, что братство по оружию во время войны с фашизмом имело глубокие корни: «Сухой, суровый Феодосий Мних / Он признает торжественно и строго/ Лишь Русь Святую да на небе бога».

Стихотворение «Маслина» В. Назора, написанное гекзаметром, наполненное ассоциациями с античной мифологией, с образом Афины Паллады, подарившей людям маслинное дерево и научившей делать маслинное масло («Выжала, милость даруя, / Пригоршню зрелых маслин на сухие и голые скалы»), воспекает гармонию мира и человека («Там, где венчают оливы отца моего виноградник, / Летом я сиживал часто, томлением зноя объятый»). Его перевод соотносится с собственной поэзией Голенищева-Кутузова, которой свойственна глубинная связь с мифологией и стремление отыскать равновесие между миром природы и личностью.

Эти и другие стихотворения показывают, что в процессе составления сборника «учитывалась не только тематическая направленность стихотворений и поэм, но выбирались произведения подлинно поэтические». При отборе авторов и стихов роль эстетического критерия ставилась на первое место, что оказалось продуктивным при оценке новейших явлений литературы.

В начале 1950-х годов во всех литературах Югославии произошли серьезные перемены, сказавшиеся в первую очередь в лирике, ее тематических предпочтениях и выборе изобразительных средств. Возникает и становится чрезвычайно популярной так называемая лирика мягкого и нежного звучания, погруженная в глубоко личные переживания и созерцание природы, противопоставленная по своему пафосу «громкой» победной лире послевоенных лет. По поводу поэзии в югославской критике шли ожесточенные споры, противники обвиняли ее в безыдейности и даже считали чуждой социалистическому искусству. Сегодня, когда споры остались в прошлом и имена поэтов В. Парун, С. Раичковича, А. Шопова и др. заняли заслуженное место в историях национальных литератур, мы не всегда можем в полной мере оценить твердость и даже мужество составителей антологии. Однако тогда публикация ряда программных для этой поэзии текстов, считавшихся чуть ли не враждебными соцреалистической эстетике,

было шагом не только принципиальным, но и смелым (С. Раичкович «Тишина», А. Шопов «В тишине» и др.). Сам И.Н. Голенищев-Кутузов перевел замечательное с тонким лирическим рисунком стихотворение В. Парун «Ноктюрн» («Куда, о мать, ушел наш гость полночный, / Что звуки нам принес уснувших гор...»). К середине 1950-х годов в поэзии югославян все заметнее становится увлечение сюрреализмом, и эти авторы тоже представлены в издании (О. Давичо и др.).

Сборник «Поэты Югославии» положил начало регулярному переводу лирики югославян в нашей стране. Составитель постарался представить самобытность многонациональной музыки многонациональной страны, наполненной чувством горячей любви к родному краю и жизнеутверждающей силой духа несломленного испытаниями народа. Патриотическая, пейзажная, философско-медитативная, любовная лирика, воплощенная в разных жанрах и разных системах стихосложения, давала представления о богатстве поэзии югославян.

В 2000-е годы в России была издана, наконец, собственная поэзия И.Н. Голенищева-Кутузова, а также его переводы, критика и переписка²⁹. Таким образом, творчество И.Н. Голенищева-Кутузова как поэта и переводчика пришло на родину в полном объеме.

Список литературы

Белградский Пушкинский сборник. Белград, 1937.

Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка (посл. четверть XIX – начало XX вв.). М., 1979.

Ешич М.Б. Сербская литература // История литератур западных и южных славян: В 3 т. Т. III: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). М., 2001. С. 549–595.

Ильина Г.Я. Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2 т. Т. 1: 1945–1960 гг. М., 1995. С. 317–406.

Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.

Бурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац. Београд, 1990.

Сведения об авторе: *Шешкен Алла Геннадьевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: asheshken@yandex.ru

²⁹ См.: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Благодарю, за все благодарю: Собр. стихотв. Серия «Русская Италия» / Предисловие Стефанино Гордзонио; *Он же.* От Рильке до Волошина: Журналистская и литературная критика эмигрантских лет. М., 2006; *Он же.* Трудись, огонь. Избранные переводы. Пиза; М., 2008. 304 с.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К.А. Герасимова

Н.С. ЛЕСКОВ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСРЕДНИК»

Статья посвящена мало изученному исследователями вопросу о сотрудничестве Н.С. Лескова с книгоиздательством «Посредник». На основе архивных материалов реконструируется один эпизод из истории этого сотрудничества.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, В.Г. Чертков, издательство «Посредник», литература для народа.

This research is devoted to the understudied issue of cooperation between N.S. Leskov and the “Posrednik” publishing house. The archival materials made it possible to reconstruct one episode from the history of this partnership.

Key words: N.S. Leskov, L.N. Tolstoy, V.G. Chertkov, the “Posrednik” publishing house, literature for the people.

80–90-е годы XIX в. – время, когда при сравнительном затишье в «большой» литературе начинается массовый выпуск литературы для детей и просто народа. Последняя в работах исследователей разных специальностей (этнографов, социологов, историков книги, историков литературы)¹ обозначается в основном как «литература для народа». Она включает издания разного типа: от безграмотных «изделий» лубочников до так называемой просветительской литературы интеллигентных издателей. Самым крупным и влиятельным предприятием интеллигенции по созданию и распространению литературы для народа стало книгоиздательство «Посредник», основанное в 1884 г. В.Г. Чертковым при содействии Л.Н. Толстого. Современница вспоминает: «В восьмидесятых годах, когда наше поколение училось азбуке, книжки “Посредника” приобретались каждой русской грамотной семьей, независимо от ее состояния и положения. Как себя помню, так помню и серенькие копеечные книжки: “Чем

¹ См., например: *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895; *Некрасова Е.С.* Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка, 1902; *Муратов М.В.* Книжное дело в России в XIX и XX вв. Очерк истории книгоиздательства и книготорговли. М.; Л., 1931; *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту. М., 2009; *Макеев М.С.* Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек») // Новое литературное обозрение. 2013. № 124.

люди живы”, “Бог правду видит”, “Как чертенок краюшку выкупал”, “Христос в гостях у мужика”, “Свечка” и “Греческий мудрец Сократ”. Их читали на кухне, в комнатах – за чайным столом, в детской. Это были семейные книжки, это были книжки для всех – всенародное чтение. С легкой руки “Посредника” стало издаваться разными интеллигентными кружками очень много так называемой народной и популярной литературы. Но из идейных издательств одному “Посреднику” удалось создать подлинную народную книжку, перенять у лубочных книжек особенную, приятную русскую внешность, лишенную скучной машинной аккуратности².

Деятельность книгоиздательства еще не изучена монографически. Для историка литературы особенный интерес представляют материалы, касающиеся сотрудничества с «Посредником» писателей первого ряда. Здесь, конечно, внимание исследователей привлекала чаще всего деятельность Толстого³, опубликована и откомментирована переписка Чехова с руководителями издательства⁴. Имена других писателей обычно лишь упоминаются. Так, в частности, не разработан вопрос о сотрудничестве с «Посредником» Лескова. В настоящей статье речь пойдет об одном эпизоде из истории этого сотрудничества.

Лесков на протяжении многих лет горячо сочувствовал делу «Посредника». Его рассказ «Христос в гостях у мужика» вместе с толстовскими рассказами был в числе самых первых изданий, вышедших в апреле 1885 г. Затем в «Посреднике» печатались и многократно переиздавались его переложения из Пролога. В 1887 г. вдохновленный примером Толстого Лесков разрешает «Посреднику» безвозмездно издавать всё пригодное для народа из его сочинений, «пока фирма “Посредник” существует в нынешнем направлении и руководити ее одушевлены нынешним духом»⁵. Но с 1889 г. ситуация меняется. В письмах Лескова к Черткову всё чаще встречаются упреки в медлительности издательства. Лескову хочется видеть свои произведения напечатанными в большом количестве экземпляров, пусть и с некоторыми уступками цензуре («под гарниром») и мнению руководителей «Посредника»; Лесков настойчиво повторяет: «Но я на все согласен с Вами, – лишь бы идеи милосердия проникали в народ»

² Покровская А.К. Детская литература в изданиях И.И. Горбунова-Посадова // 40 лет служения людям. М., 1925. С. 69–70.

³ См.: Ицук Г.Н. Л.Н. Толстой и начало «Посредника» // Учен. зап. Марийского Гос. пед. Ин-та им. Н.К. Крупской. Т. 21. Ист.-филол. ф-т. Йошкар-Ола, 1958; Лебедев В.К. Л.Н. Толстой и книгоиздательство «Посредник»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.

⁴ А.П. Чехов и издательство «Посредник» / Сост. Е.Д. Михайлова. М., 1992.

⁵ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 336.

(5 марта 1888)⁶; «Пожалуйста, мною не стесняйтесь и печатайте, как Вы можете, — лишь бы скорее и больше» (23 марта 1889)⁷; «... я не люблю откладывать то, что можно сейчас сделать (хорошего). У Вас же всё делается с ужасающей медленностью. Это мне беда видеть... Этак (по-моему) дело делать не следует, а, по-Вашему, так только и следует... Очевидно, не столкуемся» (9 апреля 1889)⁸. Раздражение Лескова растет, он пишет Черткову об упадке издательства, «того и пляжу, что оно совсем задерет ножки», «я с этим ни за что не хочу мириться»⁹. Что отвечал Чертков на эти упреки, мы не знаем: с января по июль 1889 г. в его архиве писем к Лескову нет. Но в «ужасающей медленности» виноват был, по всей видимости, не Чертков. В октябре 1888 г. он писал Толстому: «Вообще задержка в движении всего готовящегося к изданию материала исходит не от меня, а главным образом от типографии Сытина, которая, не особенно теперь нуждаясь в таких маленьких книжках, страшно медлит их печатанием. Кроме того, у Сытина такой беспорядок, что некоторые рукописи совсем затериваются, и мне приходится возобновлять их по запасным экземплярам, которые я, к счастью, постоянно сохраняю у себя. <...> Я в данном случае, избегая неприятностей с Сытиным, которого люблю и содействием которого дорожу, т.к. в нем вся механическая сила нашего дела, придерживаюсь системы кроткого терпения при неослабной настойчивости, так что не сомневаюсь в том, что в конце концов весь доставляемый мною им материал будет напечатан, хотя бы по прошествии целого года после получения мною от автора»¹⁰.

«Система кроткого терпения» Лескова явно не устраивала. К июлю 1889 г. дело доходит до заявления об отказе сотрудничать с «Посредником»: 9-го числа Лесков пишет уже не самому Черткову, а его помощнику П.И. Бирюкову, что более не будет давать согласие на издание своих сочинений бесплатно. Объясняет он это так: «Фирма “Посредник” уклонилась от своего первоначального пути в издательстве. Она теперь сама покупает книги у Сытина и на подбирающийся товар поднимает цены с 5 коп. на 50 коп. (за картины). Это поставляет меня в затруднение, и я не могу понять: кому я жертвую моим авторским гонораром... Выходит, что пожертвования эти идут в пользу разживающегося купца, который, без сравнения, меня сытее и богаче, а у меня есть кого покормить и одеть»¹¹.

⁶ Там же. С. 369.

⁷ Там же. С. 423.

⁸ Там же. С. 425.

⁹ Там же. С. 426.

¹⁰ Лебедев В.К. Из истории сотрудничества книгоиздательства «Посредник» и издательской фирмы «И.Д. Сытин и К» // Русская литература. 1969. № 2. С. 210.

¹¹ Там же. С. 432.

Таким образом, по мнению Лескова, дело «Посредника» превратилось в «эксплуатацию добрых чувств человека» «разживающимся купцом», а его руководители «сокрылись и стушевались». Лесков, конечно, знал, что письмо будет передано Бирюковым Черткову, но все-таки на этом не остановился. Он высказал упреки руководителям «Посредника» печатно, хотя и в более мягкой форме. 16 июля 1889 г. в «Новом времени» появилась рецензия Лескова на книгу «Эпиктет, римский мудрец, — его жизнь и учение», составленную Чертковым. О содержании брошюры, считает Лесков, говорить не нужно: «Превосходное нравственное учение Эпиктета не нуждается ни в разборе, ни в похвалах»¹². Писатель торопится высказать «доброжелательное замечание за нестерпимый и в досаждение приводящий вид издания». Недовольство вызывает в первую очередь брошюровка, «при которой листы не сшивают ниткою, а слепливают “на клеёк”». Конечно, для рыночников, по мнению Лескова, так издавать гораздо выгоднее, «потому что книжечка, “собранный на клеёк”, дешевле стоит и скорее растрепывается... Таковы, между прочим, и московские издания, печатаемые в типографии И.Д. Сытина, так издан теперь и Эпиктет. Это, может быть, представляет своего рода приятность для московского издателя г. Сытина, но это положительно дурно и достойно порицания».

Лесков делает вывод, что издательство «слишком плотно впало в руки Сытина», что «дело не развивается и не улучшается, а тускнеет и меркнет, принимая вид изданий, исходящих от фирмы Сытина, которая, может быть, хорошо умеет разбазаривать книгу (это очень важно), но отнюдь не обнаруживает ничего хорошего в старании издать народную книжку так, как ее следует издавать, чтобы она могла пожить в руках грамотной семьи».

Казалось бы, после письма к Бирюкову и приведенного выступления в печати Лесков должен был действительно прекратить сотрудничество с издательством. Между тем, рассказы писателя продолжают издаваться и переиздаваться в «Посреднике»¹³. Что заставило Лескова изменить решение, на каких условиях издательство продолжало распространять его сочинения? Здесь, как нам кажется, сыграло свою роль письмо Черткова к Лескову от 25 июля 1889. Это обширное неопубликованное письмо является ответом руководителя «Посредника» как на письмо Лескова к Бирюкову, так на статью пи-

¹² Лесков Н. С. Эпиктет, римский мудрец, — его жизнь и учение // Новое время. 16 (28) июля 1889. № 4805. Библиографические новости.

¹³ Например, рассказ «Христос в гостях у мужика», вышедший в числе первых книжек «Посредника» в апреле 1885 г., переиздавался при жизни Лескова в 1891, 1893 и 1894 гг.; в 1890 г. в «Посреднике» напечатан рассказ «Фигура», переизданы «Прекрасная Аза» и «Совестный Данила» и т. д.

сателя в «Новом времени» и гораздо больше напоминает подробный отчет, чем частное письмо¹⁴. Чертков терпеливо и по пунктам отвечает на все упреки Лескова. Прежде всего он стремится опровергнуть мнение писателя о том, что руководители «Посредника» «скрылись и стушевались»: «Напротив того, дело, начатое несколько лет тому назад мною и моими товарищами, продолжает действовать и развиваться под моим непосредственным руководством с тою только разницею, что теперь мы, воспользовавшись прошлым своим опытом, ведем его серьезнее, основательнее и правильнее, чем вначале. Все дело, все сношения по этому делу я веду письменно, причем адрес мой, выставленный в начале этого письма, сообщается кому угодно из моего петербургского склада».

Чертков говорит о готовности безотлагательно дать любому интересующемуся все необходимые справки по делу «Посредника» и просит Лескова «при всяких сомнениях» обращаться непосредственно к нему: «Решаюсь просить Вас об этом, ~~п~~отому[>]. ч.[<]то[>] уверен, что Вы сами не желаете содействовать поддержанию и усилению в публике разочарования и невыгодных для нас сведений, которые в настоящее время так распространены».

Далее Чертков разъясняет вопрос о степени зависимости «Посредника» от компании Сытина: «Фирма “Посредник” ни на йоту не уклонилась от своего первоначального пути в издательстве. Она всегда, с самого начала ^{<здесь и далее подчеркнуто Чертковым. — К.Г.>} покупала свои издания у Сытина, т. к. не участвует в расходах по этим изданиям. Разница только в том, что раньше счета Сытина писались на мое имя, а теперь они пишутся на имя Петербургского склада, т. к. заведено для него более правильное счетоводство, при котором он сам устраивает свои обороты вместо того, чтобы беспреставно черпать имевшееся, но более не имеющееся в моем личном распоряжении».

Чертков пытается доказать Лескову, что Сытин сочувствует делу «Посредника» не меньше, чем руководители издательства, причем демонстрирует это на деле и, следовательно, совсем не заслуживает резко недоброжелательных отзывов: «Фирма Сытина не только не забирает всё больше и больше в руки издания “Посредника”, но, напротив того, всё больше и больше берет на себя такие расходы по изданиям “Посредника”, которые раньше покрывались из кассы “Посредника”. Так, например, рисунки и гонорары, когда приходилось за них платить, платились “Посредником”, теперь же они производятся на счет фирмы Сытина, причем самые издания остались по-прежнему в полном и безусловном распоряжении “Посредника”.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 6–9.

Прежде, отдавая печатать книжку Сытину, подразумевалось, что мы одновременно с тем не предоставим никакому другому издателю права издать ту же книжку раньше распродажи у Сытина, теперь это условие формально уничтожено».

Особенно подробно отвечает Чертков Лескову на упреки, касающиеся формы изданий «Посредника»: «Если бы я предоставил фирме Сытина издавать наши книги, как она желала бы, то она издавала бы произведения известных авторов, как, например, Ваши, именно в более изящном виде, брошюрованными, на лучшей бумаге и в лучшей обложке, т. к. в таком виде книжки эти больше соответствовали бы вкусам интеллигентных покупателей и лучше расходились бы в книжных магазинах. Такого рода издания были бы гораздо выгоднее для фирмы Сытина. Вот с таких-то изданий он действительно наживался бы. И выходит, что если бы мы издавали Ваши рассказы так, как Вы рекомендуете в Вашей статье в “Новом времени”, то мы этим самым и дали бы возможность фирме Сытина воспользоваться для себя тем гонораром, от которого Вы отказались, между тем как печатая наши издания в таком виде, в каком они теперь печатаются, фирма Сытина получает самую ничтожную прибыль, а выгода от Вашей жертвы идет в пользу народа, который приобретает Ваши рассказы так дешево, как было бы невозможно, если бы Вы брали за них гонорар или если бы Сытин печатал их в лучшем виде. Итак, форма наших изданий исходит не от Сытина, а только от меня одного, ибо в этом отношении фирма Сытина только в точности исполняет мои мельчайшие указания».

Чертков отмечает, что Сытин в самом начале и несколько раз позднее предлагал ему печатать издания «Посредника» в лучшем виде и несколько поднять цену на них, но Чертков упорно отказывал ему в этом: «И только благодаря его деликатности и выраженному сочувствию моей цели улучшения в интересах народа самых дешевых лубочных изданий, он не настаивал на своем; между тем как мог настаивать, т. к. со стороны формы издания я был совершенно в его руках и мне пришлось бы уступить, если бы он того хотел, ибо завязать сношения с другим лубочным издателем совсем не так легко, как может казаться со стороны, в особенности когда хлопочешь о таких изданиях, которые не могут приносить большой прибыли».

Чертков не скрывает, что рассчитывал на улучшение формы изданий по мере улучшения содержания и в своем расчете не ошибся: «Получив хороший материал для издания, видя, что авторы жертвуют своим гонораром в пользу народа, Сытин стал со своей стороны от всей души бескорыстно содействовать этому делу: он выпускал издания “Посредника”, согласно моему требованию, по 1 р. 25 к. за

сотню (листовки), но печатал их на лучшей бумаге, обрезал края, завел хорошего корректора и т. п. Заметьте, что всё это он делал по своей собственной инициативе».

Возвращаясь к вопросу о брошюровке изданий, Чертков сообщает Лескову, что «за несколько дней до появления Вашей статьи об “Эпиктете”, я получил от Сытина письмо, в котором он сообщил мне, что на будущее время может теперь брошюровать те издания “Посредника”, которые посылаются в наш Петербургский склад, и главное, что за эту брошюровку не только ничего с нас не возьмется, но что он надеется отпускать нам наши издания еще дешевле прежнего... Я не сомневаюсь, что ему удалось заручиться согласием на это своих компаньонов главным образом благодаря тому, то Вы предоставили нам право безвозмездно издать Ваши две новые книжки – “Совестный Данила” и “Лев старца Герасима” – и тому, что за последнее время к нам вообще поступила целая серия безвозмездных произведений. Я не сомневаюсь в том, что в скором времени, благодаря постоянной прибыли к нам безвозмездных сотрудников, фирма Сытина найдет возможным брошюровать решительно все наши издания, не поднимая их цены».

Заключение письма Черткова ясно показывает цель столь подробного отчета: удержать писателя с громким именем в числе работающих безвозмездно сотрудников издательства. Конечно, он не может сказать об этом прямо, имея на руках заявление писателя об отказе от сотрудничества. Чертков только намекает, но в этом намеке Лескову, горячо сочувствующему делу «Посредника», нетрудно было разглядеть просьбу: «Вы делом очень нам помогли тем, что жертвовали безвозмездно Вашими произведениями на пользу народа, и хотя Вы на будущее время отказываете нам в такой поддержке и выражаете даже желание отстать от дела “Посредника”, но я Вам всегда останусь глубоко благодарным за ту помощь, которую Вы на самых первых порах оказали, и теперь недавно опять оказали тому делу, которому я отдаю те силы и умение, какими я располагаю и в которое, какие бы ни были мои промахи, я вкладываю свою душу».

На «отчет» Черткова Лесков ответил 31 июля 1889 г. (письмо не опубликовано¹⁵) таким образом: «Об изданиях не хочу отвечать Вам, п. ч. всё это мне не нравится и я с Вами не согласен. Надо самим издавать и печатать, как надо издавать народную книжку, а не Сытину за голенища пхать».

Но, думается, доводы Черткова, несмотря на приведенный выше резкий ответ, всё же подействовали на писателя. Лесков писал Черткову: «“Азу”, “Данилу” и прочее, что у Вас есть, пожалуйста,

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 19–20.

издавайте на прежних основаниях, но прошу присылать мне каждой книжки по 300 экземпляров на веленовой бумаге и сброшюрованных на нитку, а не на клей. У меня есть своя публика, которая хочет иметь мои брошюры и не желает брать серых растрепок сытинского мерзостного издательства».

Так Лесков изменил свое решение разорвать сотрудничество с «Посредником», и его произведения продолжали выходить в издательстве как при жизни, так и после смерти писателя.

Список литературы

- А.П. Чехов и издательство «Посредник» / Сост. Е.Д. Михайлова. М., 1992.
- Иицук Г.Н. Л.Н. Толстой и начало «Посредника» // Учен. зап. Марийского гос. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Т. 21. Ист.-филол. ф-т. Йошкар-Ола, 1958.
- Лебедев В.К. Из истории сотрудничества книгоиздательства «Посредник» и издательской фирмы «И.Д. Сытин и К» // Русская литература. 1969. № 2.
- Лебедев В.К. Л.Н. Толстой и книгоиздательство «Посредник»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
- Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т.11. М., 1958.
- Лесков Н.С. Эпиктет, римский мудрец, – его жизнь и учение // Новое время. 1889. № 4805. 16 (28) июля. Библиографические новости.
- Макеев М.С. Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек») // Новое литературное обозрение, 2013. № 124.
- Муратов М.В. Книжное дело в России в XIX и XX вв. Очерк истории книгоиздательства и книготорговли. М.; Л., 1931.
- Некрасова Е.С. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка, 1902.
- Покровская А.К. Детская литература в изданиях И.И. Горбунова-Посадова // 40 лет служения людям. М., 1925.
- Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895.
- Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. М., 2009.

Сведения об авторе: Герасимова Ксения Алексеевна, аспирант кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ksengerasim@mail.ru

А.И. Сафуанова

**ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ-ПРОТАГОНИСТОВ
В РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ
1930–1940-х годов (на материале пьес Е.Л. Шварца,
С.Я. Маршака и Т.Г. Габбе)**

Рассмотрены образы протагонистов в русской драматической сказке 1930–1940-х годов. Выстроена классификация протагонистов, опирающаяся на традиции сравнительно-типологического исследования фольклорной волшебной сказки, с учетом особенностей литературной сказки, обусловленных активным влиянием авторского начала на ее поэтику. Выявлено, что в построении характеров протагонистов в русской драматической сказке 1930–1940-х годов применялись также художественные средства, развитые в литературных сказках нового времени.

Ключевые слова: драматическая сказка, протагонист, советская драматургия, Е. Шварц, С. Маршак, Т. Габбе.

Figures of protagonists in the Russian fairytale drama of the 1930s–1940s are considered. The classification of protagonists based on the traditions of comparative typological study of fairy tales is constructed while taking into account features of literary fairy tales where the author's active influence on the poetics is present. It has been discovered that in the creation of characters of protagonists in the Russian fairytale drama of the 1930s – 40s, the artistic means developed in literary fairy tales of modern times were also used.

Key words: fairytale drama, protagonist, Soviet play-writing, E. Schwarz, S. Marshak, T. Gabbe.

Значение образа протагониста в драме современной эпохи трудно переоценить. Наряду с конфликтом характер главного героя служит одной из главных движущих сил развития драматического действия.

Как известно, «протагонистом у древних греков назывался актер, исполняющий главную роль. <...> В настоящее время протагонистами называют главных действующих лиц пьесы, которые находятся в центре действия и конфликтов»¹.

В настоящей работе мы рассмотрим типологию героев-протагонистов и средства создания образа главного героя в советской сказочной драматургии предвоенного и военного периода на примере наиболее успешных пьес, вошедших в классику отечественного теа-

¹ Пави П. Словарь театра. М., 1991. С. 265.

тра: Е.Л. Шварца «Голый король» (1934), «Снежная королева» (1938), «Тень» (1939), «Дракон» (1943); С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев» (1943, переработана в 1962); Т.Г. Габбе «Хрустальный башмачок» (1941), «Город Мастеров, или Сказка о двух горбунах» (1943).

Прежде всего отметим связь действующих лиц пьес с героями народной волшебной сказки, к которой восходит литературная и, в частности, драматическая сказка. Для анализа образов главных героев будем, в частности, использовать типологию, разработанную в трудах В.Я. Проппа и Е.М. Мелетинского.

Безусловно, поэтику литературной сказки, разновидностью которой является драматическая сказка, определяет авторская позиция. Именно авторское начало организует структуру литературной сказки. Поэтому применение сравнительно-типологических моделей В.Я. Проппа и Е.М. Мелетинского, созданных на основе изучения фольклорной сказки, применительно к литературной сказке XX в. может вызвать возражения. Однако генетическое и типологическое родство литературной сказки с народной представляется несомненным. По мнению ряда исследователей, литературная сказка, в том числе драматическая, отличается сильной «памятью жанра»² (термин М.М. Бахтина), которая в значительной степени проявляется в системе ее персонажей. Этим обусловлена традиция рассматривать поэтику драматической сказки XX в. с учетом опыта исследований фольклорной волшебной сказки, особенно в вопросах анализа системы героев. Так, с использованием структурных схем В.М. Проппа и Е.М. Мелетинского анализируют поэтику литературных сказок XX в. такие исследователи, как М.Н. Липовецкий³, Е.Ф. Гилева⁴, Г.Ф. Сейткалиева⁵. Например, в диссертации Е. Гилевой система персонажей драматических сказок 1970–2000-х годов рассмотрена в категориях модели Проппа. Ученых также интересует отдельный аспект развития и переосмысления фольклорных сказочных традиций в авторских сказках XIX и XX вв.⁶

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 142.

³ См.: Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х гг.). Свердловск, 1992.

⁴ См.: Гилева Е.Ф. Пути развития русской драматической сказки конца XX века (1970–2000 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.

⁵ См.: Сейткалиева Г.Х. Литературная сказка Е.Л. Шварца в аспекте сказочности и реализма: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2008.

⁶ См., например: Леонова Т.Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке (Поэтическая система жанра в историческом развитии): Дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 1982; Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959; Екимова Т.А. Поэтика русской драматической сказки 30–40-х годов XX века в свете современной теории литературного фольклоризма: Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1995.

С учетом вышесказанного нам представляется, что структурно-типологическая модель, разработанная Проппом, а также типология протагонистов народной волшебной сказки, созданная Мелетинским, продуктивны не только применительно к фольклорной сказке, но и к литературной, в частности, драматической сказке XX в., использующей художественные открытия современной литературы и театра.

Мелетинский в книге «Герой волшебной сказки. Происхождение образа» выделяет два типа главных героев сказки: тип «эпического героя»⁷ и тип «социально обездоленного»⁸: «низкого, не подающего надежд»⁹ героя и «гонимой падчерицы»¹⁰.

Так, Караколь из «Города Мастеров» Т. Габбе, Генрих из «Голого короля» Е. Шварца являются «социально обездоленными» («низкими») героями. К типу «социально обездоленного героя» («гонимой падчерицы») относятся также Падчерица из «Двенадцати месяцев» Маршака и Золушка из «Хрустального башмачка» Т. Габбе. Однако в пьесах эти традиционные сказочные типы переосмыслены: «падчерицы» Маршака и Габбе, в отличие от своих сказочных «прототипов», не только обладают умом, добротой и красотой, но также активны, решительны и способны (в определенной степени) противостоять Мачехе; «низкого героя», горбатого метельщика Караколя, и до его чудесного преобразования любит весь город и красавица Вероника.

Переосмысление традиционного характера можно объяснить не только особенностями творчества авторов, но и такими общелитературными тенденциями эпохи, как изображение целеустремленного, решительного героя, преобразующего окружающую действительность, и сочувственное изображение народной среды (горожане любят Караколя, так как они чутки к доброте и справедливости). Также необходимо помнить о том, что драма в общепринятом, традиционном понимании невозможна без активного, волевого героя: «Волевое начало так или иначе доминирует в психологии действующих лиц драмы и спектакля»¹¹.

Тип «эпического героя» также не представлен в изучаемых сказках в чистом виде. Отдельные черты его можно обнаружить в характере странствующего рыцаря Ланцелота из пьесы «Дракон». Однако «профессиональный герой»¹² Ланцелот наделен не присущей сказочным героям рефлексией; его образ отличается углубленным

⁷ Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958. С. 213.

⁸ Там же. С.14.

⁹ Там же. С.213.

¹⁰ Там же. С.161.

¹¹ Хализев В.Е. Драма как род литературы. М., 1986. С. 114.

¹² Шварц Е.Л. Дракон // Шварц Е.Л. Пьесы: В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 140.

психологизмом. Характер героя показан в развитии, в преодолении не только внешнего, но и внутреннего, психологического конфликта.

Эти качества роднят его с Ученым из «Тени». Образ Ученого создан в духе устоявшейся литературной традиции, восходит к романтическим сказкам Г.-Х. Андерсена и А. Шамиссо и не имеет явных связей с народной волшебной сказкой. Герой предстает перед нами не как готовый, а как становящийся характер.

Герой¹³ (как правило, в единственном числе), выполняющий определенные функции, такие как «отправка на поиски, реакция на требования дарителя, свадьба»¹⁴, занимает центральное место в схеме исследования народных волшебных сказок, разработанной Проппом в работе «Морфология волшебной сказки». Предлагаем уточнить и развить его классификацию, учитывая особенности построения характера в литературной и, в частности, драматической сказке.

Пропп выделяет два типа протагонистов: «искатель», «согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица»¹⁵ и «пострадавший герой»¹⁶, изгнанный или похищенный вредителем в завязке. К последнему типу относятся Падчерица из драматической сказки «Двенадцать месяцев» и Золушка из пьесы «Хрустальный башмачок».

Прежде всего обращает на себя внимание большая активность и решительность героинь Габбе и Маршака по сравнению с героинями исходных сюжетов.

Так, Золушка смела, остроумна и может в определенной степени противостоять Мачехе и сестрам, не смущается в присутствии Принца. Больше всего она боится обидеть Тетушку Мелюзину: «Ах, я ничего не боюсь! Боюсь только одного: как бы она не подумала, что я такая же, как вы!»¹⁷.

Развитие действия в пьесе Габбе происходит не только благодаря вмешательству чудесных сил, которые олицетворяет Фея Мелюзина, но и благодаря личным качествам самой главной героини, ее доброте, смелости и находчивости.

Героиня драматической сказки Маршака также достаточно активна и решительна, в отличие от падчерицы народной волшебной сказки, которая, по словам Мелетинского, «прежде всего – жертва»¹⁸.

¹³ См.: Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 1969. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 72.

¹⁵ Там же. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Габбе Т.Г. Хрустальный башмачок // Габбе Т.Г. Город Мастеров. Пьесы-сказки. М., 1961. С. 109.

¹⁸ Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958. С. 187.

Падчерица в пьесе способна в определенной степени сопротивляться Мачехе и Сестре, она не покоряется уговорам и угрозам Королевы.

Пьеса выдержана в стиле народной сказки. Этим обусловлены и средства создания образа главной героини. При отсутствии автохарактеристик и анализа самой Падчерицей своих чувств, основными средствами создания ее характера являются ее поступки и отношение к ней других героев. Так, в описательных репликах двенадцати месяцев формируется традиционный образ сказочной «красной девицы» (например: «Да, хороша девушка!.. Лучшей хозяйки нигде не найдешь»¹⁹).

Тип «искателя» воплощается в пьесах по-разному. В соответствии с особенностями «героев-искателей» в пьесах, введем обозначения разновидностей этого типа.

Так, свинопас Генрих – это «искатель невесты»: он отправляется в соседнее королевство за Принцессой. В финале герой не только добивается личного счастья, женившись на своей возлюбленной, но и восстанавливает справедливость (свергает глупого и деспотичного Короля). Образ Генриха лишен глубокой психологической разработки, у него нет сомнений и рефлексии. Смелый и находчивый герой находится в несомненном родстве не только с героями произведений Г.-Х. Андерсена, на сюжетной основе которых была написана пьеса, но и с персонажами народных сказок.

Герда – «искатель пропавшего близкого человека»: она идет в страну Снежной королевы на поиски Кея. По ходу действия героиня не только спасает Кея, но и познает новые стороны своего характера: после перенесенных испытаний она становится храброй – в том числе и потому, что должна спасти друга: «Я столько за это время перевидала, что вовсе и не пугаюсь вас, а только сама тоже начинаю сердиться»²⁰.

В сюжетном плане между Ланцелотом и Караколем есть большое сходство: Ланцелот освобождает от Дракона Эльзу и горожан, а Караколь спасает свою возлюбленную Веронику от свадьбы с ненавистным Наместником и поднимает ремесленников на восстание против захватчика. Однако, несмотря на сюжетное сходство, в образах героев есть глубокие различия. Ланцелот – чужой в освобождаемом им городе. Большинство горожан не верят в его победу, а после нее с легкостью покоряются новым диктаторам – Бургомистру и Генриху. А метельщика Караколя все знают и любят в его родном Городе

¹⁹ Маршак С.Я. Двенадцать месяцев // Маршак С.Я. Сочинения в четырех томах. М., 1957. Т. 2. С. 398.

²⁰ Шварц Е.Л. Снежная королева // Шварц Е.Л. Пьесы: В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 381.

Мастеров, благодаря ему горожане остаются внутренне свободными и решаются бороться против захватчиков.

Различно и построение образов героев. Образ Караколя неотделим от традиций народной волшебной сказки: он весел и очень честен, а также необыкновенно ловок и находчив. Его чудесное воскресение и преобразование (избавление от горба) в финале пьесы изображено в традициях народной сказки: в соответствии с предсказанием тетушки Тафаро чудо происходит благодаря волшебному мечу Гильома.

Образ Ланцелота отмечен глубокой психологической разработкой и внутренними конфликтами. Среди разнообразных средств создания образа важное место занимает речь героя, его автохарактеристики и монологи, в которых он выражает свои мысли и переживания, в то время как речь Караколя не имеет задачи раскрыть его психологическое состояние.

Характер Ланцелота меняется по ходу действия: герой становится жестче, но не теряет веры в людей. Важны аллюзии к образу Дон Кихота: оружие, выданное Ланцелоту на городском совете (медный подносик, назначенный щитом, и тазик от цирюльника, который «назначили исполняющим обязанности шлема»²¹).

Проанализировав сходства и различия в характерах Ланцелота и Караколя, предложим назвать Караколя «искателем-бунтарем», а Ланцелота – «искателем-странствующим освободителем».

Герой пьесы «Тень» Ученый, на наш взгляд, относится к типу «искателя нового». Он приезжает в волшебную страну, «в область удивительного и сверхъестественного»²², в поисках знаний, для того чтобы понять, «как сделать всех людей счастливыми»²³.

Образ Ученого невозможно рассматривать вне связи с героями сказки Г.-Х. Андерсена «Тень» и повести А. Шамиссо «Удивительная история Петра Шлемиля». Однако Ученый Шварца не детерминирован этими героями. Например, когда Доктор говорит ему о «монографиях» Шамиссо и Андерсена, Ученый останавливает его со словами: «Не будем вспоминать о том, что там говорится. У меня все кончится иначе»²⁴. Действительно, пьесу отличает относительно счастливый конец. В отличие от «прототипических» героев Ученый Шварца полон решимости бороться с Тенью, он идет на смерть и побеждает. В пьесе «Тень» характер протагониста показан в много-сторонних связях с окружающей его действительностью и другими

²¹ Шварц Е.Л. Дракон // Шварц Е.Л. Пьесы: В 2 т. Т. 2. М., 2008. С. 152.

²² Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. М., 1997. С. 21.

²³ Шварц Е.Л. Тень // Шварц Е.Л. Пьесы: В 2 т. Т. 2. М., 2008. С. 32.

²⁴ Там же. С. 53.

героями. Являясь выразителем авторских идей, Ученый наделен очень яркой и поэтической манерой речи.

Характеры Ланцелота и Ученого развиваются от безусловного оптимизма и веры в людей к пониманию того, что исправить людей и достичь всеобщего счастья можно только путем долгого и упорного труда.

Коротко остановимся на художественных средствах воплощения образов главных героев.

В построении образов протагонистов мы видим два подхода: традиционный, которым пользовались все авторы рассматриваемых пьес, и новаторский, который в существенной степени использовал только Шварц.

К традиционным средствам можно отнести описания главных героев в их собственных монологах и в репликах других действующих лиц, взаимодействующих с ними, а также поступки и решения протагонистов в различных ситуациях. Шварц, который и в композиции своих произведений часто задействовал внутренние (в том числе и внутриличностные) конфликты, широко использовал речь героев, как монологическую, так и диалогическую, передающую борьбу, которая происходит в душах героев.

В. Волькенштейн считает, что «есть два вида драматической характеристики. Первый: характер может быть весьма цельным, но проявиться для читателя и зрителя, раскрыться постепенно; так обычно и ведут характеристику драматурги-психологи; другой, противоположный прием, мы находим в *commedia dell'arte*, где действующие лица отличаются не только цельностью, но и, так сказать, готовостью характеров, и во многих героических драмах...»²⁵.

На примере рассматриваемых пьес мы находим оба вида этих характеристик. Так, в пьесах Т. Габбе и, отчасти, Маршака, характеры главных героев, будучи ближе к образам народной волшебной сказки, представляются более или менее заданными с самого начала действия. К примеру, характер Караколя лишен внутренних конфликтов. Также и Падчерица из «Двенадцати месяцев» предстает традиционной, словно из народной сказки, героиней. Характеры протагонистов зрелых пьес Шварца («Тень» и «Дракон»), будучи цельными, раскрываются все же постепенно. Как отмечено выше, его герои переживают внутренние конфликты, которых практически лишены протагонисты пьес, написанных в традиционном ключе.

Таким образом, в построении характеров протагонистов в русской драматической сказке 1930–1940-х годов приемы, восходящие

²⁵ Волькенштейн В.М. Драматургия. М., 1969. С. 111.

к поэтике мифа и волшебной сказки, сочетались с приемами, присущими литературе Нового времени, а также с художественными средствами, развитыми в литературных сказках предшествовавших эпох. В наибольшей степени достижения современной литературы, с ее глубоким психологизмом и сложными конфликтами, использовал в своих драматических сказках Шварц.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
Волькенштейн В.М. Драматургия. М., 1969.
Габбе Т.Г. Хрустальный башмачок. Город Мастеров // Габбе Т.Г. Город Мастеров. Пьесы-сказки. М., 1961.
Гилева Е.Ф. Пути развития русской драматической сказки конца XX века (1970–2000 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
Екимова Т.А. Поэтика русской драматической сказки 30–40-х годов XX века в свете современной теории литературного фольклоризма: Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1995.
Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. М., 1997.
Леонова Т.Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке (Поэтическая система жанра в историческом развитии): Дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 1982.
Литовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х гг.). Свердловск, 1992.
Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959.
Маршак С.Я. Двенадцать месяцев // Маршак С.Я. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1957.
Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
Пави П. Словарь театра. М., 1991.
Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 1969.
Сейткалиева Г.Х. Литературная сказка Е.Л. Шварца в аспекте сказочности и реализма: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2008.
Хализев В.Е. Драма как род литературы. М., 1986.
Шварц Е.Л. Голый король. Снежная королева. Тень. Дракон // Шварц Е.Л. Пьесы: В 2 т. Т. 1, 2. М., 2008.

Сведения об авторе: Сафуанова Альфия Ильдаровна, аспирант кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: alfia_safuanova@mail.ru

О.С. Октябрьская

РОЛЬ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ РЕБЕНКА В РОМАНЕ ВАЛЕНТИНЫ ОСЕЕВОЙ «ДИНКА»

В статье говорится о коррекции понятия «семья» в романе В. Осеевой «Динка», в котором сохранено традиционное распределение семейных ролей, показано большое воспитательное значение семьи для становления характера ребенка, но перераспределены привычные функции и расширяется сама семья. Выявляется роль такой семьи в формировании личности детей.

Ключевые слова: В. Осеева, детская литература, семья, отцовское начало, материнское начало, ребенок в семье.

The article refers to the modification of the concept “family” in the novel “Dinka” by V. Oseyeva. In this novel the traditional division of family roles is preserved, great educational importance of the family for the development of the child’s character is shown, but familiar functions are redistributed and the family itself is extended. We can distinguish the role of a family in shaping the personality of children.

Key words: V. Oseyeva, children’s literature, family, father’s role, mother’s role, the child in the family.

Классическая семья и ее роль в XX в. начинают постепенно изменяться. Традиции семьи, ее состав, роль основных ее членов всё больше и больше размываются. Если в повести Л.Н. Толстого «Детство» [Толстой, 1987] явлены привычные для XIX в. взаимоотношения между членами дружной семьи, то уже в одноименной повести М. Горького [Горький, 2013] зафиксирован распад семейных связей и новый тип отношений в семье (отец – дочь, бабушка – внук, братья – сестра, бабушка – дед и т. д.). Еще больше усугубили положение семьи в обществе революционные перемены и события Гражданской войны. Родственные связи оказались разрушенными и больше не являлись прочной цементирующей основой взаимоотношений людей. Например, в произведениях М. Шолохова зафиксированы страшные последствия разрыва родственных связей («Родинка» [Шолохов, 2013], «Тихий Дон» [Шолохов, 2013] и др.). Тесный и уютный семейный круг оказался разорванным. На смену родственным связям приходят дружеские, общественные, классовые. Изменилось место действия и система образов даже в произведениях для маленького адресата. Так, К.И. Чуковский [Чуковский, 1995] выводит своих героев из тесного семейного мира и замкнутой детской комнаты на улицы Петрограда,

в Таврический сад, а то и на просторы экзотической Африки («Крокодил», «Бармалей», «Айболит»). Семья уже не в силах удерживать ребенка в своих объятиях, ни маленького, ни большого. Как только «папочка и мамочка уснули вечером», «Танечка и Ванечка – в Африку бегом» [Чуковский, 1995: 44]. Примерно то же происходит и с героями повестей П. Бляхина «Красные дьяволята» [Бляхин, 2004] и А.П. Гайдара «Школа» [Гайдар, 2010]. Они тоже бегут из семьи, но уже за революционной романтикой. Особый статус обретает герой-беспризорник, абсолютно свободный от семейных уз.

Однако уже во второй половине 1920-х годов бунтарство, лихачество, непокорность постепенно теряют романтический ореол и уступают место трудному, подчас драматическому процессу перековки личности. Герои постепенно начинают возвращаться к нравственным ценностям прежних лет. Пусть не семья, а какой-то новый коллектив становится для ребенка родным. Это та ячейка, которая воспитывает и защищает его от негативного воздействия мира. Семейные ценности в той или иной форме возрождают свою актуальность и начинают прочно укореняться в жизни и литературе. Своеобразной семьей оказывается для бывших беспризорников колония («Педагогическая поэма» А.С. Макаренко [Макаренко, 1981]). К семье, к ее воссоединению стремятся герои А.П. Гайдара («Голубая чашка», «Чук и Гек», «Судьба барабанщика») [Гайдар, 2010]. И даже «мысль семейная», миф о стране-семье актуализируется в обществе в целом.

Роль семьи, семейных ценностей и традиций в воспитании подрастающего поколения усиливается после окончания Великой Отечественной войны (Л. Воронкова «Девочка из города» [Воронкова, 2010], А. Бруштейн «Дорога уходит в даль» [Бруштейн, 2007] и т. д.). Этой же проблеме в 1950–1960-е годы посвятила свою дилогию о Динке Валентина Осеева.

В центре внимания романа «Динка» [Осеева, 2007] – жизнь семьи революционера-железнодорожника Арсеньева. Идеологическая составляющая в этом произведении велика, но главной всё же остается «мысль семейная». Тем более что многое Осеева берет из собственного детства, делая свою семью прототипом семьи Арсеньевых. Тревожные времена, предреволюционная ситуация, грозные и трагические события Первой мировой войны даны знаковым, но всё-таки фоном. Изображение этих событий воспроизводит социально-исторический колорит эпохи между 1908 и 1916 гг. в Российской империи. Правда, главным остается для Осеевой изображение семьи Арсеньевых, взаимоотношение ее членов. Произведение четко делится на две части. Первая часть по сути показывает разрушение большой и дружной семьи. Вынужденный отъезд отца за границу, арест и ссылка Кости, отъезд Кати вслед за Костей, замужество Лины значительно уменьшают семью, но не уничтожают ее, остается

костяк семьи – мать и три дочери. Вторая часть рассказывает о постепенном возрождении семьи, которое начинается с усыновления Леньки-Бублика и заканчивается возвращением отца.

Несмотря на тревожную обстановку вокруг, атмосфера в семье Арсеньевых весьма теплая и доброжелательная. К ним тянутся самые разные люди, а многие входят в эту семью на правах ее членов (Кулеша, Лина, Никич и многие другие). Даже когда семья редет, внутренние связи между ее членами остаются крепкими и прочными. Так, Никич хранит дорогой ему снимок молодого Александра Арсеньева, мать трепетно относится к платью, в котором она так нравилась мужу. Алина и Мышка вспоминают об отце-защитнике в трудную минуту. Катя регулярно пишет письма брату из сибирской ссылки.

Семью Арсеньевых трудно назвать традиционной классической семьей. Тревожное время и внешние обстоятельства вносят существенные коррективы и в саму жизнь семьи, и в воспитательный процесс. Номинально главой семьи оказывается Марина, мать троих дочерей, отец вынужденно отсутствует. Революционер-подпольщик скрывается за границей, чтобы остаться на свободе. Однако отцовское начало в воспитании девочек и в семье в целом присутствует достаточно полно. Осеева как бы перераспределяет единую роль отца между разными персонажами романа, демонстрируя при этом известную целостность сохраняющейся семьи.

Александр Арсеньев оказывается идеальным воплощением образа отца. Он заботится о семье, очень любит жену и дочерей, помогает своим близким, правда издалека. Вместе с тем это та грозная сила, которая способна защитить и семью, и друзей и даже спасти их в трудную минуту. Сам отец появляется лишь на несколько мгновений – в поезде, в домике под Киевом, возникает в воспоминаниях друзей и домочадцев. Поэтому его участие в воспитании детей косвенное и опосредованное. Это, скорее, отец – мечта, отец – идеал, который пока недостижим. Непосредственное воспитание девочек перераспределено между другими персонажами, выполняющими по сути отцовские функции.

Ближе всего эта роль родному дяде сестер, старшему брату их мамы и Кати, – дяде Лёке. Эта роль очень органична для него: в свое время он спас от злой мачехи младших сестер и до сих пор является для них непререкаемым авторитетом. К его опыту и советам прибегает вся женская «половина» семьи. Однако он тоже появляется в ней нечасто. Это обусловлено объективными причинами: службой, наличием собственной семьи. Участие дяди в воспитании племянниц весомо, но оно разовое. Он помогает решить важные вопросы, успокоить расшалившуюся Динку. Порой слово дяди Лёки оказывается единственной возможностью урезонить эту шалунью и непоседу.

Дяде Лёке отведена роль нравственного воспитателя и защитника. В любой момент он готов прийти на помощь сестрам, успокоить и развлечь их и племянниц. Его редкие, кратковременные появления в семье Арсеньевых всегда вызывают яркие эмоции у родственников. Это человек-праздник, оттого и воздействует на детей больше эмоционально, чем рассудочно.

Отчасти отцовские заботы о девочках берет на себя старший соратник отца по подпольной работе – Никич. Если отец и дядя воздействуют в основном на душу девочек, их характер, то Никич заботится о другом. Сам мастеровой, Никич больше всего боится, чтобы дочери Александра Арсеньева не выросли белоручками. Конечно, его попытки обучить девочек столярному и плотницкому мастерству не совсем удачны, но он преподносит им главный урок жизни – быть нужными людям, находить выход даже в безнадежной ситуации, верить в себя и быть верными данному слову. Этот герой приземлен и укрупнен. Автор не скрывает его недостатков: пропивает рубашку, страдает от похмелья и т. д. Но даже эти поступки оказываются у Осеевой важной воспитательной составляющей. Писатель не оправдывает пьянства героя, но учит девочек состраданию, уважению к старости, умению прощать слабости пожилого человека, который много страдал и много трудился. Осеева не может унижить авторитет отца, поэтому Никич по типу характера напоминает, скорее, деда, старенького, ворчливого, капризного и сумасбродного; но писательница сохраняет мужское воспитательное начало в этом характере.

Говоря об отцовском начале в воспитании ребенка, нельзя не упомянуть Гордея Лукича, отчима Ленки Бублика. В этом образе сконцентрированы все негативные качества человека: жестокость, самодурство, алчность, злоба. Этот персонаж эпизодический, но фигура довольно яркая и внушительная. В романе зафиксированы две сцены с его участием в «воспитании» – избивание Ленки и ожидание его возвращения для жестокой расправы. Эти сцены напряженные и достаточно драматичные. Участие Гордея Лукича в воспитании минимальное, но воздействие на ребенка – достаточно активное. Как Марина и Катя с ужасом вспоминают свою мачеху, так и Ленка надолго сохраняет в памяти образ отчима, которого можно назвать антиидеалом.

Мужское воспитание в семье Арсеньевых связано и с образом Ленки, которого можно с полным правом назвать старшим братом девочек. Ленка – сирота, рано оставшийся без родительской опеки, вынужден с детства добывать себе хлеб. Он независим и самостоятелен, но он еще ребенок, тянущийся к семье, теплу, дому. Мечтает Ленка именно о доме, большой и дружной семье: «– Куплю и дом! – с гордой уверенностью говорит Ленка. – Светлый дом на тысячу

окон! Соберу сирот, настановлю им всяких кушаньев вдоволь...» [Осеева, 2007: 264].

Это выливается у Ленки в желание заботиться о Динке-Макаке, баловать ее и поучать. Он нарочито строг с девочкой, хотя и очень любит ее как брат. Отсутствие семьи, желание быть нужным кому-то, нерастраченный потенциал любви приводят его к семье Арсеньевых, где он занимает вакантное место старшего брата. Однако новый образ жизни существенно меняет тип поведения Ленки. Независимый и свободный человек, принимающий самостоятельные решения, становится одним из членов дружной семьи. Он должен подчиняться иным законам, учитывать интересы других членов семьи, стать частью хорошо отлаженного механизма. Тоньше и острее всего эти перемены в Ленке чувствует Динка. Она инстинктивно понимает суть перемен в своем друге, и не всегда ее это радует. Эгоцентризм по натуре, Динка сразу ощущает потерю «собственности». Если раньше всё внимание Ленки было сконцентрировано исключительно на ней, то приход мальчика в семью перераспределяет это внимание на всех ее членов. Он прежде всего помогает матери, заботится уже обо всех сестрах, но самая главная перемена происходит с ним самим – Ленка-друг становится Леонидом-сыном и старшим братом, готовым взять на себя большой груз обязанностей, но и отвечать уровню семьи – культурному, духовному и нравственному.

Существенные изменения претерпевает и материнское начало, и его самореализация в семье Арсеньевых. Это начало тоже неоднородно и неоднозначно. Традиционная целостность материнского начала дает трещины и фактически распадается на несколько составляющих. Прежде всего это извечная материнская забота об уюте и комфорте семьи. Вот такой хозяйственной хлопотуньей, ухаживающей за каждым членом семьи, оказывается домработница Лина. Она заботится о еде, чистоте, спокойствии семьи. Именно Лина создает в ней уют и надежный тыл для всех членов семьи. В доме, где хозяйничает Лина, всегда пахнет свежестью, чистотой и пирогами. Пусть денег катастрофически не хватает – Лина умудряется вкусно и сытно накормить всю семью и даже гостей. Лина не просто кухарка и полумойка, она полноправный член семьи Арсеньевых. С ее участием решаются основные проблемы семьи, она на равных с Мариной и Катей воспитывает девочек. Не раз упоминается о том, что именно она, Лина, выходила и вырастила Динку. Может быть, поэтому Динка существенно отличается от сестер – она своенравна, свободолюбива, по-народному мудра, у нее очень развита интуиция.

Основная составляющая характера Лины – жалость и сострадание к окружающим. Она привечает малышку Марьяшку, у нее спасается Динка от строгости Кати. Особенно остро ощущается потребность Лины и органичность ее для семьи Арсеньевых, когда она выходит

замуж и создает собственную семью, хотя связей с Арсеньевыми не теряет. Но дом сразу оказывается холодным, неуютным, пустым: каша подгорает, посуда остается немытой, стол не выскоблен. Таким образом, после ухода Лины гармония и порядок семьи нарушаются, а Катя и Марина ищут путей восстановления гармонии и стабильности семьи. Лина даже своим уходом воспитывает и девочек, и взрослых. Все понимают, каким должен быть дом, как уютно и тепло должно быть там. И все стараются хоть немного приблизиться к этим уюту и гармонии, какие с легкостью удавалось создавать Лине. Однако образ красавицы-простушки несколько снижен – ее речь неправильна, сама она слишком простодушна, наивна и непосредственна. Она серьезно избаловала Динку своей жалостью. Всё же вполне можно говорить о воплощении в образе Лины типа заботливой няни.

Отчасти материнские воспитательные функции выполняет для девочек и тетя Катя. Ей тоже свойственны любовь и жалость к сестре и племянницам, но эти чувства она тщательно маскирует, боясь показаться слабой и нерешительной. На первый план выходят строгость и жесткость. Она не может и не хочет понять Динку. Ее действительно тяжело с младшей племянницей-непоседой, готовой в любой момент к непредсказуемым поступкам и действиям. Своеволие и свободолюбие Динки входят в противоречие с гипертрофированным чувством ответственности за детей у Кати. Она не в состоянии уследить за Динкой, что порождает в ней раздражительность и злость. Методы воздействия Кати на Динку достаточно суровы: тетка не разрешает Мышке утешать младшую сестренку, жестко разговаривает с Динкой, но самое главное – не пускает ее гулять.

Динка не может согласиться с ограничением ее свободы и нарушает запреты Кати. Возникает замкнутый круг, разомкнуть который может только Марина, понимающая мотивы поведения и поступков и дочери, и сестры. Самостоятельно Катя не может смягчиться и вернуться к своей племяннице. И только меняющиеся обстоятельства (уход Лины) сближают Катю с племянницей и способны смягчить нрав тети. А окончательно меняют характер Кати и стиль ее поведения собственное замужество и рождение сына. Строгая наставница, кем была Катя для племянниц, превратилась в заботливую жену и мать. Но Катя сохранит твердую волю и силу духа, необходимые ей для того, чтобы быть главой и опорой семьи. Таким образом, в собственной семье Катя сопрягает материнское и отцовское начала и оказывается надежной опорой для близких людей.

Такой же прочной опорой для своей семьи оказывается мама девочек и сестра Кати – Марина. Она фактически в одиночку содержит достаточно большую семью – себя, трех дочерей, сестру, домработницу и друга семьи – Никича. Это тот стержень, который не только скрепляет семью, но и разрешает всевозможные проблемы

и вопросы, возникающие у ее домочадцев. Ее отличают мудрость и широта души. Именно Марина не только прощает слабость Никича, но и воспитывает дочерей и младшую сестру в уважении к возрасту и былым заслугам этого человека, учит прощать слабости и умеет видеть в человеке главное – доброту, трудолюбие, порядочность.

Марина Арсеньева воспитывает младших собственным примером, порой используя авторитет отца. Но поскольку он практически не появляется на страницах романа, ей, женщине-матери, приходится брать на себя самую сложную функцию – совмещать в себе и материнское начало, и отцовское. Она главный добытчик в семье и главный организатор семейного быта. Марина пытается вникнуть во все трудности взросления девочек и по возможности старается их разрешить. Она не сторонница жесткого наказания, как Катя, или всепрощения, как Лина, ее задача – воспитать дочерей достойными людьми, высоконравственными, совестливыми, ответственными за свои дела и поступки, полезными обществу. Марина создает также доброжелательную и теплую атмосферу в семье, объединяет вокруг нее самых разных людей. Так, она становится нежной и любящей матерью для Ленки, радушной хозяйкой дома, надежным товарищем для Кости, Кулеши и др.

Таким образом, В. Осеева расширяет понятие семья до широкого круга родственников, единомышленников и друзей. Писательница сохраняет традиционное распределение ролей в семье: отец – мать – ребенок. Но она перераспределяет привычные функции с учетом новых обстоятельств и условий жизни. В целом явлено гармоничное сообщество близких людей, где царят любовь, взаимопонимание и взаимовыручка. Эти качества не только скрепляют семью, но и воспитывают важные для человека нравственные качества, формируют и закаляют характер.

Список литературы

- Бляхин П. Красные дьяволята. М., 2004.
Бруштейн А. Дорога уходит в даль. М., 2007.
Воронкова Л. Девочка из города. М., 2010.
Гайдар А. Восемь лучших произведений в одной книге. М., 2010.
Горький М. Детство. М., 2013.
Макаренко А. Педагогическая поэма. М., 1981.
Осеева В. Динка. М., 2007.
Толстой Л. Детство. Отрочество. Юность. М., 1987.
Чуковский К. Стихи и сказки. От двух до пяти. М., 1995.
Шолохов М. Донские рассказы. Судьба человека. М., 2013.
Шолохов М. Тихий Дон. М., 2013.

Сведения об авторе: *Октябрьская Ольга Святославовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: svyatolga@yandex.ru

К.Р. Андрейчук

СИМВОЛЫ В НОВЕЛЛЕ ПЕРА ЛАГЕРКВИСТА «ВЕЧНАЯ УЛЫБКА»

В статье анализируется роль символов в художественном мире новеллы Пера Лагерквиста «Вечная улыбка», а также раскрываются источники этих символов. Кроме того, рассматривается структура символов и особенности их организации в тексте новеллы. Этот анализ помогает точнее узнать, на какие тексты опирался Пер Лагерквист в своем творчестве, описать поэтику и жанровые особенности анализируемого произведения, а также глубже понять его философию.

Ключевые слова: шведская литература, Пер Лагерквист, символ.

In this article the author analyzes the role of symbols in the fictional world of Pär Lagerkvist's novel "The Eternal Smile" and reveals the sources of these symbols. The author describes the structure of symbols and the disposition of symbols in the text as well. This analysis helps to learn more about the sources of Lagerkvist's prose, to describe the poetics and genre of the text and to understand the philosophy of "The Eternal Smile".

Key words: Swedish literature, Pär Lagerkvist, symbol.

В философской новелле «Вечная улыбка» (*Det eviga leendet*, 1920) впервые в полной мере проявляет себя уникальный художественный мир Пера Лагерквиста. Одним из основных инструментов отображения философской проблематики на художественном уровне, инструментом связи содержания и формы является для Лагерквиста символ.

Использование символов в «Вечной улыбке» связано, на наш взгляд, со спецификой самой новеллы, в частности с ее жанровыми особенностями и хронотопом, определяемым уже в первой фразе новеллы: "Det var en gång några döda, de satt samman någonstans i mörkret, var visste de inte, kanske ingenstans, de satt och pratade för att få evigheten till att gå" (с. 9)¹ (обратим внимание также на традиционно сказочный зачин "det var en gång"). Хронотоп выстраивается по большей части из времени и места, называемых «где-то», «когда-то», «нигде», «в темноте», «в вечности», и лишь время от времени выходит из него в земное пространство и время. Это происходит в

¹ Здесь и далее новелла "Det eviga leendet" цит. по: *Lagerkvist P. Det eviga leendet. Illustrerad med trästick av Sven Ljunberg. Stck.: Bonnier, 1969.*

основном, когда персонажи новеллы рассказывают о своих земных судьбах. Символы появляются именно в этих рассказах – как проекция «вечного», как выражение или предчувствие того невыразимого, что есть в вечности, единственный способ рассказать об ускользающей тайне вечности².

Поход к Богу, предпринимаемый отчаявшимися найти истину людьми из вечности, по художественному изображению напоминает рассказы о земной жизни: и то и другое конкретизирует хронотоп «вечность». Таким парадоксальным образом труженик, рубящий дрова (так представлен в новелле Бог) тоже становится символом. По мнению Вальтера Густафсона, Бог в «Вечной улыбке» – «символ счастливой, доброй, простой, повседневной жизни, полной больших возможностей»³, однако нам этот символ представляется немного по-другому, о чем пойдет речь ниже. На первый взгляд кажется нелогичным, что символом становится Бог, когда традиционно, наоборот, божественное выражается через символы. Однако здесь в позиции «знак» стоит скорее Бог персонифицированный, Бог, создаваемый человеком (в том числе образ Бога, созданный Лагерквистом-писателем), Бог – человеческая идея, воплощение человеческой тоски по Богу: неслучайно то, что говорит бог, не становится для мертвецов откровением, они подходят к финальной идее в собственных повествованиях⁴.

Когда люди, наконец, находят Бога, они видят, что это старик, пилящий дрова. Этот образ (в качестве образа человека) появляется и в других произведениях Лагерквиста (в романе “Gäst hos verklighet” («В мире гость»)) подчеркивается важности занятия этого человека: все бы замерзли, если бы не он; в пьесе “Himlens hemlighet” («Тайна небес») – это один из многих героев, каждый из которых занят чем-то своим). Во-первых, мотив плотничества – аллюзия на занятие Иосифа-Плотника. Во-вторых, пилить дрова в вечности – это труд, имеющий, на первый взгляд, мало смысла для вечности – так же, как и труд человека. Таким образом, занятие Бога в любом случае – символ человеческого, человека, стоящего как бы на месте Бога. И бог подтверждает свою простоту: “Jag är enkel man” (с. 74). Человеческое в Боге начинают видеть и люди: “De förstod att han var som de, bara djupare och mer” (с. 79).

По мнению исследователя Кая Хенмарка, «бог <в новелле “Вечная улыбка”> – просто хороший и достойный человек, суровый

² Ср. с пониманием символа П.А. Флоренским: «... окно к другой сущности, не данной непосредственно». *Флоренский П. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях.* М., 1993. С. 302.

³ *Gustafson W. Pär Lagerkvist and His Symbols //Books Abroad.* Vol. 26. 1952. No. 1. P. 21.

⁴ *Henmark K. Främlingen Lagerkvist. Stck.: Rabén & Sjögren, 1966. S. 24.*

труженик из лесов Смоланда и как раз поэтому он вызывает у людей уважение. Поэтому замолкают люди, поэтому они почтительно склоняются перед его стариковской мудростью, его доброй волей и его удивительной непритязательностью»⁵. Хенмарк считает, что Бог в этой новелле – «символ человеческой веры, сам такой же бессильный, как человек, и лишенный тайной мудрости»⁶.

Возникает вопрос: почему тогда Бог у Лагерквиста «глубже и больше» людей (*“djupare och mer”*, с. 79)? У Хенмарка дальше читаем: «люди разъединены, бог един»⁷. И действительно, темы разобщенности людей и неполноты индивидуального человеческого опыта волновали Лагерквиста: в 1922 г. (через два года после написания «Вечной улыбки») он писал в своем дневнике: «Я никогда не смогу простить жизни ее неполноты»⁸. От неполноты одной жизни страдают и герои «Вечной улыбки». Бог «Вечной улыбки» – это Бог, появившийся из человеческой тоски по Богу, из отчаянного крика распрятого героя, в котором слилась тоска всех людей по Богу, весь их страх перед жизнью: *“Då ropade jag till honom allt levandes ångest över att leva, allt levandes längtan hem till det som är”* (с. 58). Попав в вечность, этот герой не находит никакого Бога-отца, как не находят его и другие люди. Но, отправившись на поиски боги, они его отчасти создают, своими рядами упорядочив жизнь, казавшуюся до того хаосом.

Тем не менее Бог в новелле – это не только выдуманный Бог, не только Бог-герой художественного произведения, но и отчасти бог мифологический, так как он вступает во взаимодействие с людьми, обладает человеческими свойствами и даже эмоциями, как античные и скандинавские боги (хотя не испытывает к людям зависти), а также, тоже отчасти, Бог христианский.

Единственный ответ Бога на вопрос, зачем он создал жизнь: *“Jag har bara menat att ni alldrig skulle behöva nöja er med intet”* (с. 78). От его слов и от всего его облика постепенно проходит растерянность людей, которые и сами начинают постепенно понимать смысл этого ответа: нигде нет пустоты, “ничего”, и это – то, чему можно радоваться даже в вечности. Об этом говорит один из мертвецов: *“Narrar och dårar skulle säga att vi byggde på tomma intet. Vi människor skulle bara bygga och tro. Och grunden skulle vila orubblig på det varpå vi byggt. Ty det finns inget intet”* (с. 82). И люди радуются: *“Vi är lyckliga såsom en man är lycklig när han är sysselsatt med att leva sitt liv”* (с. 83).

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 23–24.

⁷ *Henmark K. Främlingen Lagerkvist. Stck.: Rabén & Sjögren. С. 24.*

⁸ *Lagerkvist P. Antecknat. Ur efterlämnade dagböcker och anteckningar. Urval och redigering av Elin Lagerkvist. Stck.: Bonnier, 1977. S. 46.*

Таким образом, нам кажется, что образ Бога в «Вечной улыбке» действительно можно толковать как символ, значение которого в общих чертах можно определить так: индивидуальность, ставшая всеобъемлющей; полнота жизни, завершенность и совершенность человеческой повседневности, которой человек, однако, достичь не может иначе, кроме как в Боге – «таком же, как люди, только глубже и больше».

Подтверждает идею о том, что Бог в «Вечной улыбке» является лишь символом и не главенствует в художественном мире лагерквистовской вечности и то, что заглавный образ – «вечная улыбка» – связан с образом Бога не напрямую. Об улыбке Бога в новелле ничего не сказано – зато есть множество человеческих улыбок, постепенно складывающихся в одну вечную улыбку. Русский перевод названия – «Улыбка вечности» (пер. В.П. Мамоновой, 1989) – неточен. В новелле ни Бог, ни вечность сами по себе не улыбаются, улыбаются только люди. Вечная улыбка складывается из многих улыбок, так же как человеческий океан, описанный в новелле, складывается из множества людей так же, как жизнь, по Лагерквисту, складывается из множества мелочей, которые сами по себе не важны, но важны все вместе. Эта мысль выражена одним из мертвецов, который говорит о том, что жизни не нужен никто и ничто по отдельности, а только всё вместе: “Det <livet> vill träden, det vill mänskorna, det vill blommorna där de doftar marken; men inte en av dem. Livet har ingen kärlek till dig träd, livet hat ingen kärlek till dig mänska, till dig blomma, till dig väggande gräs, utom då det menat just dig” (с. 56). То, что эта мысль важна для Лагерквиста, подтверждает запись в его дневнике, сделанная после чтения Вильгельма Экелунда: «Я не думаю, что жизнь значительна и важна в том смысле, что каждый день значителен и важен и что к каждому дню нужно относиться бережно, воспринимать его как ценность. Я думаю, что, напротив, такое чувство может привести к узости и бедности души человека, в то время как сам человек будет казаться себе духовно богатым и по-настоящему живущим, потому что будет путать душевное богатство с усилиями, который тратит, чтобы ежечасно чувствовать себя душевно богатым»⁹. Эта запись сделана в 1921 г., т.е. уже после написания «Вечной улыбки», но Лагерквист читал Экелунда и раньше, что подтверждается его письмами 1919 г., в которых он пишет о своем желании встретиться с Экелундом¹⁰. Поэтому кажется возможным отнести к «Вечной улыбке» мнение И. Шёйер, считающей вероятным, что мотив паломничества у Лагерквиста связан со сходным мотивом в стихотворных сборниках Вильгельма Экелунда. В «Вечной улыбке» мотив паломничества,

⁹ Lagerkvist P. Antecknat. S. 44.

¹⁰ Schöier I. Som i Aftonland. Studier kring temata, motiv och metod i Pär Lagerkvists sista diktsamling. Stck.: GOTAB, 1981. S. 29.

поисков Бога людьми, приобретающий очень важное символическое значение в более поздних произведениях, в частности, в трилогии о Товии, тоже присутствует, но является скорее одним из многих указателей на христианский план символики новеллы.

Возвращаясь к символу улыбки, следует сказать, что это – центральный символ новеллы, он организует повествование, является лейтмотивом. Значение заглавного символа – «вечной улыбки» – раскрывается в конце новеллы, в отрывке, когда несчастный человек внезапно улыбается, видя играющего со щенком ребенка и его маму. Казалось бы, этот эпизод прост и незамысловат, однако цель этого эпизода – раскрыть заглавный символ новеллы. Человек улыбается не своему счастью, а чужому, что говорит о вечной связи всего живого. Именно такие улыбки складываются в улыбку вечную.

Улыбаются в новелле люди и до этого эпизода – в те моменты, когда соприкасаются с вечностью, явленной в повседневности, и принимают себя как часть жизни. Так, Джудитта (женщина, которой суждено было умереть родами, из-за того что «жизни в ней стало слишком много» (с. 53), улыбается, когда принимает решение родить ребенка – зная, что это будет стоить ей жизни. Связь улыбки и этого решения подчеркнута даже на уровне игры слов: созвучии шведских глагольных форм «улыбнулась» и «легла» (“låg och log”, с. 54). Улыбка Джудитты символизирует отречение от собственного «я» во имя торжества жизни в дионисийском смысле слова – торжества плодородия и сменяющих друг друга жизненных сил.

Такая трактовка улыбки Джудитты подтверждается и другим символом в этом эпизоде: рассказчик сообщает, что год прихода Джудитты в его дом принес ему вина больше, чем обычно, и дальше говорит о виноградных лозах (с. 55). Здесь объединяются два источника символа «вино, виноград, виноградная лоза»: символ плодородия и жизни в дионисийском смысле из античной мифологии и христианский символ крови и страданий Христа. Таким образом, подтверждается важная для всей новеллы идея связи жизни и смерти, родов, передачи жизни – и ее конца.

О постоянном обновлении жизни, возможном лишь благодаря смерти отдельных живых существ, напоминает и улыбка воина, умирающего на поля боя. Улыбается он, увидев смертельную рану на груди своего убийцы. Однако это не злобная радость мести, этой улыбкой герой как бы говорит, что понял: умирают многие, но жизнь продолжается. Ведь улыбка сменяет зависть к убийце, который, кажется умирающему, еще скачет навстречу чудесной жизни, которая ему уже не суждена. Она не суждена никому не из них – но вместе с тем продолжается.

Постоянно ухмыляется (именно «ухмыляется», гораздо реже «улыбается») явно связанная с потусторонним миром мельничиха,

похожая на великаншу-людоедку. Эпизод «Вечной улыбки», рассказывающий о всаднике, захватившем на мельницу и оставшемся там до конца жизни, хотелось бы проанализировать отдельно, так как он хорошо демонстрирует связь между философской проблематикой новеллы и используемыми символами. Очевидно, этот эпизод имеет корни в традициях сказки и мифа, что во многом определяет символику. Сам образ мельничихи, как и образ старухи-пророчицы из эпизода о Джудитте (обе они сторожат границу между миром людей и потусторонним миром) напоминает о сказочных (в том числе скандинавских) представлениях о женщинах-знахарках или колдуньях, живущих вдали от людей (ср. образ Сивиллы в одноименном романе).

Сначала может показаться, что мельница – как раз та вечность, награда за земную жизнь, которую ищут герои. Однако ряд символов доказывает обратное. Так, в скандинавских сказаниях мельница – сказочное пространство, место обитания сверхъестественных существ, в том числе мельничного духа. Сакрализации мельничного пространства есть рациональное объяснение: во-первых, от мельницы зависело пропитание, а следовательно, и жизнь людей, а во-вторых, как пишет Е.С. Рачинская, «днем времени не хватало, поэтому приходилось работать и ночью. Ночная темнота, шум воды и трущихся жерновов создавали особую атмосферу. Мельник легко мог задремать, и в его полусонном сознании рождались рассказы об удивительных событиях на мельнице»¹¹. На то, что мельница уподобляется входу в потусторонний мир, в новелле указывают и такие маркеры, как телеги и старые повозки. Мельничиха может быть сопоставлена с женой мельничного духа или троллихой-колдуньей. Мельничиха непрерывно потчует своего гостя: по В.Я. Проппу, «приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших»¹². Кушанья, предлагаемые мельничихой, удивительно изобильны: и действительно, «мельничный дух <...> не страдает от нищеты: как и у скрытого народца, у него много золота и серебра»¹³. Правда, мельничный дух обыкновенно наоборот требует угощения за право пользования мельницей¹⁴. Но мельничиха не только угощает заезжего всадника, но и сама постоянно поглощает невероятное количество еды, что сближает ее с троллями (ср. с норвежской сказкой «Как Аскеладд с троллем наперегонки ели»¹⁵: «Ну, теперь давай по-

¹¹ Мельничный дух // В стране троллей. Кто есть кто в норвежском фольклоре / Под ред. Е.С. Рачинской. М., 2008. С. 111.

¹² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002. С. 49.

¹³ Мельничный дух // В стране троллей. Кто есть кто в норвежском фольклоре. С. 111.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Как Аскеладд с троллем наперегонки ели // Волшебные сказки Норвегии / Сост. Е. Рачинская. М., 2011. С. 139–142.

глядим, кто кого переест, – предложил Аскеладд. – Давай! – согласился тролль. Он был уверен, что уж в этом-то ему равных нет»¹⁶). Описания кушаний мельничихи и гротескной полноты ее тела подводят читателя к мысли о том, что вечность мельницы – мнимая; оставшись на мельнице, герой выбрал жизнь «раблезианского» типа, торжество плоти над духом.

Вечность без Бога для Лагерквиста – «дурная бесконечность». Ухмылка мельничихи – насмешка над тщетностью человеческого стремления к вечному, в отличие «вечной улыбки» – высшей формы утверждения жизни, нищезанского «вечного возвращения», совмещающего жизнеутверждающее и трагическое начала.

Мельница, мельничный жернов – важный христианский символ, символ мученичества, часто используемый в христианском символическом живописном искусстве. Кроме того, мельничный жернов в христианстве – зачастую орудие и символ божественного возмездия (например, у Иоанна Богослова в Апокалипсисе: «И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город...» (Откр. 18:21)). В мельничном жернове гибнет и герой эпизода, прожив неизвестное время в сытости и довольстве с мельничихой. Что это – наказание или мученичество? На наш взгляд, одна трактовка не противоречит другой: герой наказан за жизнь, цели которой он, по его собственному признанию, не обнаружил, и в то же время он, как все герои Лагерквиста стал мучеником, одаренным жизнью, но не одаренным смыслом.

События, произошедшие на мельнице, и последовавшая за ними смерть героя на мельнице является примером того, как новелла «Вечная улыбка» вбирает черты литературной сказки. Как и в литературной сказке, в этом эпизоде «волшебство получает двойную мотивировку: детскую, непосредственную, когда чудесное существует потому, что в него просто верят, и усложненную, символически-иносказательную»¹⁷. Смерть на водяной мельнице (в силу опасности работы) была событием нередким, что отразилось в скандинавских поверьях и сказках: «Ходили слухи, что мельник мог принести в жертву и человека. Подобные представления порождали страх перед мельником, а порой и открытые претензии к нему в случае гибели у мельницы людей или животных. Погибший таким образом доставался, по поверьям, нечистой силе»¹⁸.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

¹⁸ Мельничный дух // В стране троллей. Кто есть кто в норвежском фольклоре. С. 117.

Мельник вынужден вечно смазывать мельничное колесо, потому что иначе, по логике сказки и мифа, остановится мир: колесо – символ времени, мира в движении (в данном случае колесо может быть не только мифологическим, но и ницшеанским символом: «вечно вращается колесо бытия»)¹⁹. Ницшеанская трактовка представляется возможной в связи с тем, что персонажи новеллы склонны к виталистическим идеям, они приходят к пониманию Жизни как всех жизней, вместе взятых. Ницшеанская трактовка приводит нас к следующей логической связи: река (поток линейного времени) крутит мельничное колесо (время циклическое) на мельнице (пространстве вечности). Вечность для Лагерквиста – не просто повторение идей древних о циклическом возвращении, а ницшеанское «вечное возвращение».

Эта идея «вечного возвращения» представлялась Ницше безжалостной – и в то же время облагораживающей и одухотворяющей каждую минуту.

Несомненно, в этой двойственности – источник двойственности символа «вечная улыбка», одновременно умиротворяющего и пугающего (второе значение будет доминировать в таких романах, как «Сивилла» и «Святая земля», где символ будет воплощен в образе страшной улыбки древнего бога). Подводя итог размышлениям о символе «улыбка», можно попробовать грубо определить его значение в этой новелле так: жизнь в своей непрерывности, единение всего живого, необходимость смириться с конечностью индивидуальной жизни, умиротворение и спокойствие, вызванные таким принятием жизни – и в то же время зависть к «вечному», а также страх перед ним, ужас «вечного возвращения».

«Вечное» имеет в новелле разные трактовки. «Вечность» – не только то темное место, в котором сидят мертвецы, или «дурная бесконечность» мельничного пространства. Важно, что когда люди идут к Богу, они не переносятся в иной мир (как было бы в традиционной сказке при походе героя к сверхъестественному существу): Бог находится в том же пространстве, что и они. Здесь принципиален не только отход от традиционной сказки, но и отмежевание от традиционного символа – христианского или античного: «Если для Платона <как, в принципе, и для христианства – прим. К. А.> все в земном мире есть несовершенный отпечаток вечных идей, эйдосов, то у символиста «вечность» выступает продолжением земного и даже смертного начала»²⁰. Слово «вечный» в произведении означает также «вновь и вновь повторяющийся в конечном». «Вечность» может быть жизнеутверждающим проявлением постоянного возрождения (ср. все

¹⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 158.

²⁰ Толмачев В.М. Типология символизма // Толмачев В.М., Косиков Г.К., Зиновьева А.Ю. и др. Зарубежная литература конца XIX – начала XX века. М., 2003. С. 112.

эпизоды, связанные с детьми, деторождением: рассказ о Джудитте, своей смертью подарившей жизнь своему ребенку; речь ребенка-«спасителя»; рассказ о человеке, улыбнувшемся при взгляде на мать и играющего ребенка, и, наконец, один из ключевых эпизодов, когда все дети подходят к Богу-плотнику). Образ ребенка является в новелле символом возрождения жизни, реализации жизни вечной в жизни конечной.

Образ мельницы (об использовании которого в «сказочном» эпизоде было сказано ранее) появляется еще раз всего через несколько страниц новеллы. И, словно подтверждая, что «вечность» мельницы из прошлого эпизода кажущаяся, ненастоящая, здесь построенные детьми на ручье мельницы недолговечны, рассказчик видит лишь камни, на которых он ребенком построил свою мельницу. Теперь новые дети строят новую мельницу в другом месте. Было много воды – но это и хорошо: взошла рожь, думает рассказчик. Вода, еще один символ – символ уходящего времени, приносит благо, обновляя жизнь, – но и не дает человеку возвести свою вечность. Вода, время меняются и сами: “Jag sade, fört var det bättre ström längre upp. De sade, nu är det värre här” (с. 50).

В этом эпизоде мы видим противопоставление символа «вода» символу «камень». Камни, положенные человеком, лежат на месте, хотя течение воды изменилось, т.е. человек все же может оставить что-то после себя в ускользящем времени. Однако символ камня имеет, как и многие другие символы, двойственное значение: это не только символ создаваемого человеком, но и – вместе с другими «природными» символами (лес, деревья) – символ части жизни, не индивидуальной, не только человеческой, жизни как «вечного возвращения». Неслучайно «камни» сразу после эпизода с игрушечной мельницей на реке упоминаются в таком «природном» синонимическом ряду: “De fick många barn. Han gick med dem i skogen, han lärde dem alla träden, och havet och moln och stenar”. Двойственность символа «камень» доказывает и то, что из камней построен дом (“ett litet hus av sten och jord, olikt våra”, с. 52), принадлежащий старухе-пророчице, живущей на границе человеческого и вечного: “Då är du inte en mänska? Nej, sade den gamla, jag håller vakt över mänskorna”. Эпизод со старухой-пророчицей – еще один сказочный эпизод в новелле.

Говоря о природных символах, следует отметить, что «дерево», «цветок» в единственном числе символизируют преходящее, сиюминутное и противопоставляются «лесу» (как символу природы в целом) и «морю» (как символу «земной вечности») соответственно. Противопоставление «цветок» – «море» подчеркнуто в новелле два раз. В первом случае один из героев говорит о величии и вечности моря – и тленности цветка. Цветок не играет роли в жизни героя

сам по себе, но всё же является частью его жизни – поэтому даже перед смертью герой думает, что цветок надо бы полить. Но в то же время цветок является частью жизни вообще – и поэтому неслучайно, что цветок переживает героя. Символ цветка двойствен – это и хрупкое временное создание, и часть жизни, маленькая, но от этого не менее важная. Во втором случае противопоставление цветка и моря оказывается еще в большей степени не противопоставлением, а сопоставлением: «спаситель людей», чувствовавший себя «гостем на земле», рассказывает: “Stod jag vid havet var dess doft så svag som en blommas” (с. 57). Всё на земле – и море, казалось бы, вечное, и цветок, такой хрупкий, одинаково мало значат для не чувствующего жизни героя.

Еще один важный символический мотив, возникающий в «Вечной улыбке» и находящий отражение во многих других произведениях Лагерквиста («Карлик», «Палач», «Варавва») – «физическое уродство». Помимо уже упомянутой раблезианской гротескной полноты мельничихи, в новелле есть уродства противоположного типа: уродливые не из-за излишества, а из-за недостатка. Таких в творчестве Лагерквиста гораздо больше, чем подобных мельничихе «карнавальных героев». А.С. Полушкин называет лагерквистских уродов такого типа обладателями «ущербного тела в ущербном мире»²¹. Так, в самом начале новеллы мы видим не желающего принимать жизнь, осуждающего живых мертвеца. Он худ, желчен и истощен. Не случайно автор подчеркивает его внешность, выделяя первое процитированное предложение практически в отдельный абзац: истощенность, уродство по контрасту с улыбкой – символом принятия жизни – символизирует ненависть к жизни, к установившемуся порядку вещей. Худой мертвец осуждает в живых как раз то, что, как оказывается в конце новеллы, задумывал для людей бог, – радость самой жизни, отсутствие пустоты: “Nej, <...> de levande är för själv-goda. De inbillar sig att det är på dem alt beror. <...> När de kommer ut ur husen om morgarna och glada över en ny dag skyndar de bort i den kyliga luften, skickar de varandra hemliga blickar som för att säga: du och jag vi är levande, du och jag vi lever” (с. 9–10). Мертвец считает настоящими живыми не тех, кто ходит по земле, а тех, кто ее уже покинул, потому что только они видят и помнят не суету, а только моменты слез или счастья, потому что именно мертвецам, по его мнению, знакома настоящая тоска. Неслучайно этот мертвец выступает первым, его речь мы читаем в самом начале новеллы – а в конце новеллы слышим противоположные речи.

²¹ Полушкин А.С. Мотив уродства/увечья как катализатор агрессии мира по отношению к человеку в шведском романе-антимифе 50–60-х годов XX в. С. 217–223 // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2005. С. 221.

Неподалеку от этого и других мертвецов, но немного в стороне от всех сидят человек без большого пальца и человек с черным пятнышком на ноге среднего пальца. Свою «особость» эти двое чувствуют сейчас, после смерти, как чувствовали и при жизни. Эти люди терзаются тем, что остаются непонятыми. Они радуются, что встретились, но понять друг друга все равно не могут. В таком контексте физический недостаток становится, с одной стороны, символом индивидуальности, а с другой – разобщенности людей, напрямую связанной с этой индивидуальностью. Этот символ, воплощающий одиночество души в пятнышко на ноге, – трагически ироничен.

Другой символ разьединенности людей, замкнутости каждого человека в кругу себя самого – замок. Мертвец, при жизни делавший замки с хитрыми секретами, каждый раз разными, рассказывает: “... jag hatade mänskorna, jag stängde dem inne var för sig” (с. 17). Хитрый секрет замка так же, как пятнышко на ноге или другое «уродство», является символом человеческой индивидуальности – и человеческой разобщенности. Слесарь по замкам попал в собственную ловушку: на старости лет, впервые полюбив, он захотел умереть у ног любимой, но не смог подобрать ключа к замку на ее двери. Потом он захотел умереть рядом с хоть каким-нибудь человеком, пусть не любимым, но и это не удалось: ни один ключ не подошел ни к одной двери. После смерти слесаря по замкам никто не обратил внимания на ключи, никому не интересны оказались чужие души.

Символы ключа и замка – явно фрейдистские, однако Лагерквист использует их в значении, довольно далеком от того, которое придавал им З. Фрейд. Как справедливо пишет Вальтер Густафсон, Лагерквист – «убежденный противник <...> всего, что хоть чуть-чуть отдает психоанализом»²². Тем не менее некоторая общность все-таки есть: в обоих случаях символы связаны с отношениями между людьми. Возможно, Лагерквист неосознанно воспринял популярные идеи того времени, однако трактовал их по-своему: у него ключ – скорее символ понимания души другого человека, а замок – душевной замкнутости, нежеланию открывать кому-либо свою душу.

То, что в новелле Лагерквиста физические недостатки сохраняются у людей, попавших в вечность, – не только следование христианской традиции, но и провозглашение глубокой связи между внешним и внутренним, созвучное всему символическому строю новеллы.

Однако во второй части новеллы, когда люди, наконец, находят Бога, значение символа «физический недостаток» трансформируется. Когда мертвецы собираются в «людской океан» и разбиваются на группы – «лавочников Петерсонов», «людей с черным пятнышком на ноге», «людей без большого пальца» и т. д., физические недо-

²² Gustafson W. Pär Lagerkvist and His Symbols // Books Abroad. 1952. Vol. 26. No. 1. P. 20–23.

статки уже не могут указывать на индивидуальность и отделенность от других. Теперь такие группки – иллюстрация многообразия жизни и одновременно «заменимости» всех ее частей.

На многообразие и «вечность» жизни указывает и сравнение людских толп, отправившихся на поиски Бога, с океаном, морем. Автор практически прямым текстом говорит, что море у него символизирует подобие вечности: мертвец, рассказывающий о своей жизни, проведенной у моря, говорит, что «море» – земная вечность: “Havet, det är det enda stora därnere. Det är därnere evigheten” (с. 12).

Сначала люди, увидевшие себя и других как единое целое, исполняются радости и благодарности, но потом оказываются растеряны и подавлены. Людской океан прекрасен в своей упорядоченности, но в нем нет места человеческой индивидуальности, нет места одиночеству. Море – вечность, отнимающая индивидуальность, поглощающая все индивидуальные черты людей, которые сливаются в огромный людской океан. Вечность – жизнь неиндивидуальная, поэтому непрерывная, поэтому и трагичная для одного человека. Поэтому и отправляются толпы мертвецов на поиски Бога в вечности – Бога как личности, хоть и всеобъемлющей.

Новелла «Вечная улыбка» очень похожа на экспрессионистские произведения. Образ Христа в раннем творчестве Лагерквиста (новеллах «Вечная улыбка», 1920 и «Юхан-Спаситель», 1924) окрашен в цвета экспрессии и отчаяния. Любопытно, что образ Иисуса появляется в новелле «Вечная улыбка» не в сцене диалога с богом, а в маленьком отрывке в начале новеллы – как один из многих человеческих голосов, рассказывающих о своей земной судьбе.

Иисус в «Вечной улыбке» не назван по имени (как и многие библейские герои в поздних романах Лагерквиста), что, возможно, связано с тем, что Лагерквисту интересен Иисус не как явление уникальное, а как олицетворение всеобщего экзистенциального опыта, который в Библии принимает конкретные зримые формы²³. Для этого героя в жизни ценны только страдания и смерть, «освобождающие» людей от радости жизни: “Jag var människornas frälsare, mitt liv var att förkunna för människorna lidandet och döden, befriande dem från livets glädje” (с. 57). Деревья, горы, море, земля, ветер – всё, что символизирует у Лагерквиста полноту жизни, – было чуждо безымянному спасителю.

Герой уверен в том, что его отец – бог, и вызывает к нему на кресте. В этом крике (ср. тональность эпизода с картинами Эдварда Мунка «Крик» и Поля Гогена «Желтый Христос») – весь человеческий страх (тот же “ångest”) перед жизнью, тоска всего живого по тому, что есть

²³ Klint S. Den expressionistiska Jesusgestalten i P. Lagerkvists tidiga produktion // Speglingar: Svensk 1900 –tallslitteratur i möte med biblisk tradition / Red. S. Klint, K. Syreeni. Skellefteå, 2001. S. 59.

на самом деле. Однако попав в вечность, герой не находит никакого бога-отца, он оказывается таким же человеком, как и все остальные персонажи. Чтобы подчеркнуть утраченность ореола божественности вокруг образа Христа, Лагерквист вводит еще двух персонажей, чьи истории начинаются со слов “Jag var människornas frälsare” («Я был спасителем человечества»).

В образах трех героев, называющих себя Спасителями, как и во всей новелле, чрезвычайно заметно влияние Фридриха Ницше. Неслучайно один из «спасителей», подающих голос в царстве мертвых, – ребенок: Ницше описывает образ Христа как психологический тип, представляющий собой смесь сублимации, болезни и инфантилизм. Это мнение разделяется шведским исследователем С. Клинтом, так же считающим, что художественный мир Лагерквиста похож на художественный мир русского романа (населенного, в представлении Ницше, отбросами общества и сумасшедшими)²⁴.

Земную жизнь безымянный герой, чья история более всех похожа на историю Христа, воспринимает как иллюзию, наваждение, пока не убеждается в том, что царство небесное не менее иллюзорно. Его судьба, возможно, самая трагическая из судеб всех других персонажей – и в то же время ровно настолько же трагическая, как судьба любого человека в экзистенциалистско-экспрессионистской логике. Однако не все образы новеллы построены на экспрессионистских началах: отрицающему жизнь спасителю противопоставлены героиносители лагерквистовской «веры в жизнь», “livstro”: такие, как тот несчастный человек, который смог порадоваться за счастливых мать и играющего ребенка и улыбнуться им «вечной улыбкой». Поэтому, учитывая довольно не исключительно трагичный настрой финала новеллы, можно сказать, что начиная с «Вечной улыбки» Лагерквист постепенно отходит от экспрессионизма своих ранних пьес и лирики.

Подводя итог анализу символов в новелле “Det eviga leendet”, нужно обратить внимание на разнообразие их происхождения и использования. В новелле есть символы христианского, мифологического, сказочного, ницшеанского и индивидуально-авторского происхождения, причем зачастую в одном символе разные истоки объединяются, трансформируясь под влиянием философских взглядов Лагерквиста. Тем не менее большая часть символов новеллы – изначально христианские, но сильно видоизмененные писателем. Использование христианских символов несет у Лагерквиста конкретные цели. Одна из этих целей – сопоставление страданий Христа и человека (эта тема развивается во многих произведениях писателя,

²⁴ Klint S. Den expressionistiska Jesusgestalten i P. Lagerkvists tidiga produktion S. 64.

в особенности в романе «Варавва» и в трилогии «Смерть Агасфера» – «Пилигрим в море» – «Святая земля»). В «Вечной улыбке» такую роль играет, например, символ «виноградная лоза, вино» в эпизоде о Джудитте, а также символ «плотничество», наталкивающий на сопоставление лагерквистовского Бога и человека. Во-вторых, использование символов, взятых из христианства и античной мифологии, подчеркивает «вселенскую» значимость проблематики произведения. Изменение христианских символов еще более расширяет образность: благодаря тому, что на христианские символы «бог», «вечность», «жизнь» накладываются мифологические и ницшеанские смыслы, эти символы начинают воплощать совокупное человеческое – в то же время, безусловно, авторское – представление о Боге, вечности, жизни. Кроме того, изменение христианских символов выражает дух сомнения, столь свойственный Лагерквисту и всему двадцатому веку.

Список литературы

- В стране троллей. Кто есть кто в норвежском фольклоре / Под ред. Е.С. Рачинской. М., 2008.
- Волшебные сказки Норвегии / Сост. Е. Рачинская. М., 2011.
- Зарубежная литература конца XIX – начала XX века / Под ред. В.М. Толмачёва. М., 2003.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1996.
- Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): Автореф. дисс. д-ра филол. наук. М., 2001.
- Полушкин А.С. Мотив уродства / увечья как катализатор агрессии мира по отношению к человеку в шведском романе-антимифе 50–60-х годов XX в. // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. М.В. Загидуллиной. Челябинск: гос. ун-т, 2005. С. 217–223.
- Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.
- Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.
- Gustafson W. Pär Lagerkvist and His Symbols // Books Abroad. 1952. Vol. 26. No. 1. P. 20–24.
- Henmark K. Främlingen Lagerkvist. Stck.: Rabén & Sjögren, 1966.
- Klint S. Den expressionistiska Jesusgestalten i P. Lagerkvists tidiga produktion // Speglingar: Svensk 1900-tallslitteratur i möte med biblisk tradition / Red. av S. Klint, K. Syreeni. Skellefteå, 2001. S. 50–71.
- Lagerkvist P. Antecknat. Ur efterlämnade dagböcker och anteckningar. Urval och redigering av Elin Lagerkvist. Stck.: Bonnier, 1977.
- Lagerkvist P. Det eviga leendet. Illustrerad med trästick av Sven Ljunberg. Stck.: Bonnier, 1969.
- Schöier I. Som i Aftonland. Studier kring temata, motiv och metod i Pär Lagerkvists sista diktsamling. Stck.: GOTAB, 1981.

Сведения об авторе: Андрейчук Ксения Руслановна, аспирант кафедры истории зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: enantiosemia@yandex.ru

Е.И. Курсакова

**ТЕЧЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ МОДЕРНЫ
В КОНТЕКСТЕ СЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ
30–40-х годов XX века**

В статье рассматривается литературное течение Католической Модерны в контексте словацкой поэзии 1930–1940-х годов. На примере творчества Р. Дилонга и Я. Силана показаны истоки данного движения, его философская основа, а также вскрыт процесс возрождения в поэзии христианских традиций (темы, мотивы, символика духовной поэзии).

Ключевые слова: христианские традиции, литературный контекст, зарубежные влияния, высокий стиль, религиозный мистицизм, эволюция.

The article considers the Slovak literary movement ‘Catholic Modernity’ in the context of the 1930s – 1940s Slovak poetry. The examples of the work of R. Dilong and J. Silan are used to show the origins of this movement, its philosophical basis and to prove the revival of the ancient Christian traditions (themes, motifs, symbols of spiritual poetry).

Key words: Christian tradition, literary context, foreign influence, high style, religious mysticism, evolution.

1930–1940-е годы – это, пожалуй, один из самых сложных и самых ярких периодов в истории словацкой литературы, развитие которой было предопределено сложившейся в стране и в мире социально-политической ситуацией. Происходящие драматические события (активизировавшийся фашизм, образование Словацкой Республики, ориентированной на Германию (1939–1945), Вторая мировая война) вызвали в писателях ощущение надвигающейся национальной катастрофы, что в свою очередь явилось мобилизующим фактором для подъема их творческой активности. Наряду с представителями старшей генерации поэтов, которые опирались на традиции реализма XIX – начала XX века (Янко Есенский) и Словацкой Модерны¹, значительно возрастает активность молодых авторов, принадлежащих к разным литературным течениям и школам: к неосимволизму (Эмиль Болеслав Лукач), витализму (Ян Смерек), социальной (Ладислав Новомеский) и пролетарской поэзии (Ян

¹ Литературное течение 1900–1918-х годов, объединившее традиции европейского символизма и импрессионизма, ключевые фигуры: Иван Краско, Иван Галл, Владимир Рой (примеч. – К. Е.).

Поничан), сюрреализму (Рудольф Фабри, Стефан Жари, Владимир Райсел). На рубеже 1930–1940-х годов преобладающими становятся авангардистские течения, из пестрого многообразия которых доминируют надреализм и «религиозно-мистический спиритуализм» (группа поэтов Католической Модерны).

Таким образом, плюрализм становится определяющей чертой литературного процесса тех лет. В эпоху «открытых в Европу окон» (Л. Новомеский) в словацкую поэзию проникают инородные веяния, главным образом – это импульсы экспериментальной литературы (поэтизм, футуризм, конструктивизм, сюрреализм и даже дадаизм). Внешне полярные поэтические группировки и течения на самом деле имеют много общего. Так, например, сюрреалистические (надреалистические) и символистские приемы используют как поэты социальной направленности, так и религиозной, однако цели воздействия на читателя они преследуют совершенно разные. В отличие, например, от надреалистов интерес католиков к символизму имел аффирмативный характер. Объединяющим фактором было лишь то, что оба литературных течения обращались к приемам французского сюрреализма (интерес к подсознательному, реализованный через введение в текст снов, всякого рода фантазий) и чешского поэтизма (восприятие стихотворения как «игры воображения», возросшая роль образности, метафоры). Однако «иррационализм надреализма восходит к подсознательному, в то время как иррационализм Католической Модерны имеет трансцендентные корни»². Иными словами, он обращен к такому знанию, которое «переступает за границы человеческого разума и является недоступным теоретическому познанию» (по Канту – «априорному знанию», «Критика чистого разума»³), становясь исключительно предметом веры: всё то, что выходит за пределы возможного опыта, например, Бог, бессмертие души.

Именно во время возросшего интереса к эксперименту появляется группа поэтов-католиков, впоследствии получившая название словацкая Католическая Модерна (термин заимствован словацкими исследователями по аналогии с течением чешской Католической Модерны). Как литературное течение Католическая Модерна в Словакии сформировалось в самом начале 30-х годов XX в. Дебют поэтов состоялся в «Альманахе 3 литературного поколения» (“*Almanach 3 literárnej generácie*”, 1930). Но сами авторы своим первым серьез-

² Hamada M. *Poézia slovenskej katolíckej moderny*. Knížnica slovenskej literatúry. Bratislava, 2008.

³ От лат. *transcendens* – переступающий, превосходящий, выходящий за пределы. Трансцендентное и трансцендентальное. Онлайн словарь философских терминов. URL: <http://www.philosophi-terms.ru/word/Трансцендентное%20и%20трансцендентальное>

ным появлением в литературе считают выход «Антологии молодой словацкой поэзии» (“*Antológia mladej slovenskej poézie*”, 1933). С 1932 г. поэты-католики начали активную издательскую деятельность (журналы «Поступ», 1934–1935, «Прамень», 1936–1937), однако движение осталось локальным литературным явлением, связанным с традиционными центрами католицизма в Словакии (Трнава, Спишска Капитула, Братислава, Ружомберок, Банска Быстрица).

К представителям словацкой Католической Модерны исследователи словацкой литературы относят Рудольфа Дилонга, Павла Гашпаровича Глбину, Яна Гаранту, Янко Силана, Карла Стрменя, Святослава Вайгла, Горазда Звоницкого и др. Условно поэтическое творчество Католической Модерны можно разделить на два периода: до 1945 (развитие поэзии на национальной почве, в словацком литературном контексте) и после 1945 г., когда многие представители этого движения эмигрировали за пределы страны по политическим мотивам.

Само название «Католическая Модерна» несет в себе двойной смысл: с одной стороны, оно указывает на религиозную ориентацию авторов, а с другой – на литературные традиции модернизма начала XX в. (ср.: Словацкая Модерна). Словацкий литературовед П. Земанова⁴ выделяет три литературных источника, оказавших прямое влияние на формирование творчества поэтов Католической Модерны. Прежде всего – это литературные традиции ближайших соседей – чешских поэтов-католиков, писавших в рамках чешской Католической Модерны 1920–1930-х годов (Йозеф Флориан, Ярослав Дурих, Станислав Заградничек, Якуб Демл). Вместе с тем образцом для подражания послужила французская католически ориентированная литература (Верлен, Клодель, Бремон, Маритен). Национальным источником вдохновения явилась поэзия символистов предшествующей генерации, и в первую очередь – их поэтическое наследие религиозного содержания. Сюда относятся стихи главного представителя Словацкой Модерны Ивана Краско («рыдания нагой души»⁵) и неосимволистские опыты священнослужителя Э.Б. Лукача.

Условно движение Католической Модерны подразделяют на две «волны». Первую «волну» представляют католические духовные лица (Р. Дилонг, П.Г. Глбина, Я. Гаранта). Ко второй «волне» помимо священников (Я. Силан, С. Вайгл) относят и светских авторов (Я. Окаль, Э. Веснин). Поэты, представлявшие это течение, заявили о себе в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В целом большинству

⁴ *Zemanová P.* Formovanie slovenskej katolíckej moderny ako problém. In *Slovenská literatúra*. 1992. 39. 3. S 229–240.

⁵ *Krasko I.* Nox et solitudo. Verše. Bratislava, 1985.

авторов-католиков было присуще чувство национальной самобытности, более того – предвидение особого пути словацкого народа. По этой причине многие из них выступали против революционных призывов.

Католических авторов вдохновляли темы, напрямую связанные с церковными традициями (важные вехи из церковного календаря, образ Девы Марии, отношения человека с Богом-Отцом, страсти Иисуса Христа), но нередко они открывали читателю свои интимные переживания (поиск путей к спасению души, страх смерти, жажда духовной любви). К темам из повседневной жизни они обращались намного реже. Основной целью своего творчества поэты-католики провозгласили восстановление утраченной в XX столетии связи человека с Богом, воплощение в жизнь принципов христианского гуманизма. В творчестве большинства представителей этого течения можно вычленить две полярные тенденции: первая – сродни ранним средневековым представлениям (мир как юдоль греха и страдания), вторая тенденция – прославление мира Божьего как чуда Творения в духе св. Франциска Ассизского. Вместе с тем поэзия Католической Модерны не ограничивается осмыслением отношения человека к Богу. В поисках утраченных нравственных ценностей особенно актуально в ней звучит тема исторической борьбы народа за независимость, национальной и социальной свободы, что связано с историческими условиями того времени.

«Природа словацкой Католической Модерны, – как отмечает словацкий исследователь течения Дагмар Мария Аноца, – это вечная конфронтация спиритуального⁶ с сенсориальным⁷»⁸. Философские истоки течения корнями восходят к французской католической «чистой поэзии» (*la poésie pure*) поэзии. В словацкую культуру эти идеи проникли через перевод Глбиной книги французского аббата Анри Бремона «Молитва и поэзия» (1926), который утверждает в ней ключевую для католической поэзии мысль: «... молитва есть чистая поэзия, и поэтому чистая поэзия должна быть молитвой»⁹. Таким образом, поэзии отводится особое место в общении с Творцом: «через внешнюю гармонию стиха наша душа познает святой дух»¹⁰.

⁶ От лат. *spiritualis* – духовный, *spiritus* – душа, дух, спиритуализм – религиозно-философское течение, в основе которого – вера в реальность посмертной жизни и возможность общения с духами умерших (примеч. – К. Е.).

⁷ От лат. чувствительный, ощущающий (примеч. – К. Е.).

⁸ *Dagmar Mária Anoca. Katolícka moderna, Rudolf Dilong a recepcia jeho veršov v Rumunsku. Rovnobežné zrkadlá. 2006. XI/1.*

⁹ *Яковлев Е.Г. Эстетически-эмоциональная антитеза. URL: <http://www.studzona.com/referats/view/37444>*

¹⁰ Там же.

Одним из первых словацких поэтов-католиков заявил о себе Рудольф Дилонг (1905–1986), опубликовавший поэтический сборник «Будущие люди» / «Budúci ľudia» (1931), за которым сразу последовали книги «Торжество на лугах» / «Slávne na holiach» (1932), «Дышите, горные поселки!» / «Dýchajte, lazy!», «Годы под солнцем» / «Roky pod slnkom» (обе вышли в 1933 г.). Дилонга по праву считают одним из самых талантливых представителей первой волны. В своих ранних поэтических сборниках он как преемник традиций национально ориентированной поэзии обратился к актуальным проблемам жизни народа, власти, связи поколений, поиска корней. Отличительной особенностью творческого метода Дилонга является органичное сочетание элементов разных поэтических течений: рурализма, надреализма, чешского поэтизма и даже неосимволизма.

Так, например, в дебютных книгах поэт с руралистским воодушевлением воспеваает красоту словацких земель, такие достоинства словацкого народа, как трудолюбие и религиозность. В стиле святого Франциска Ассизского Дилонг делится с читателем своим по-детски радостным отношением к миру: «Здесь я родился... Поэтому, свою землю, деревню, горы, леса, отечество люблю я» («Я мальчик из-под Татр») // «Tu som sa zrodil... A preto svoju zem, dedinu, horu, ľúčinu, otčinu milujem» («Chlapec som spod Tatier»¹¹). С особой любовью он пишет о родной земле: «Мы словаки сердцем, сыновья этой земли, / на Родине нам жить и умирать (Наш дом)» («Sme slovenských srdc, deti tejto zeme, v tej rodnej zemi žijeme i mrieme»¹², «Náš domov»).

Однако 1934-й становится переломным для поэта: меняется сам эмоциональный настрой его лирики. Из светлого деревенского мальчика («францисканский тип» католической поэзии) лирический герой Дилонга превращается в человека серьезного, одинокого, неприкаянного в подлунном мире. Сам поэт в своей автобиографии признается: «Тогда я возлюбил одиночество, которое давало мне совершенно особенное напряжение и всегда будоражило меня. Я убегал в мир одиночества, потому что не любил мир людей...»¹³

Настоящим событием в словацкой литературе становится выход в свет двух поэтических сборников Дилонга «Звезды и печаль» («Hviezdy a smútok», 1934) и «Елена носит лилию» («Helena nosí ľaliu», 1935). В обеих книгах наблюдается прием смешивания реального с воображаемым, действительности со сном, автор смело соеди-

¹¹ Pašteka J. Pravda a legenda o Rudolfe Dilongovi // Dilong Rudolf: Hviezdy a smútok. Literárne dielo I. Bratislava, 2002. S. 9.

¹² Ibid. S. 8.

¹³ Ibid. S. 7.

няет контрастные образы; лирическая композиция многих стихотворений не подчиняется общепринятым законам причины-следствия. Неудивительно, что эти сборники вызвали резонанс в кругу критиков, поскольку такой поэзии в Словакии еще не было. Словацкий исследователь Й. Паштека указывает на особенную интимную ноту, звучавшую в книгах, настроение внутренней грусти, местами – религиозный мистицизм¹⁴. В сборниках этого периода ведущими становятся темы поиска истинного пути, странничества, внутреннего беспокойства. Так, например, в стихотворении «Драма в самом начале» мы читаем: *«На земле нет места/ печаль свою излить, /может, моя дорога пьяная/ приведет меня на небеса?»* (*«Na zemi neni miesta / svoj smútok vyplakať, /opilá moja cesta /do neba vedie snád?»*), *«Drama na počiatku»*¹⁵). Во многих произведениях нередко отсутствуют временные координаты (маркеры линейного времени), благодаря чему они напоминают медитативную песню: *«О душа, ты лицезришь/ всё открытое пространство, / так поднимись же по ступеням Млечного Пути, /берущего в тебе начало», стих. «Я служу Богу»* (*«Ó duša, celý priestor nahý/ ty presahuješ očima, id' po stupajach mliečnej dráhy, / ktorá sa v tebe počína», «Bohu slúžim»*¹⁶). Довольно часто Дилонг обращается к высокому стилю. Для поэта-творца стихотворение – это средство с помощью которого можно абстрагироваться от реального мира, убежав в воображаемую «страну Красоты»: *«Ах, последуем дальше, все равно, куда: дорогой-пасекой/...В рай, в рай... / сердце безумно и наполнено бунтарским духом», стих. «П.Г. Глубине»* (*«Ach, poďme ďalej, jedno: cestou-pasekou, /... Do raja, do raja, /srdce je šialené a plné vzburou», «P.G. Hlbinovi»*)¹⁷

После 1945 г. Дилонг покидает родную страну из политических соображений. Однако за рубежом поэт продолжает много работать, за всю свою жизнь он издает более 100 книг, причем помимо стихотворных сборников поэт пишет драмы и романы. Во многом именно благодаря Дилонгу течение Католической Модерны продолжает развиваться за границей, в то время как в самой Словакии после прихода в 1948 г. к власти коммунистов, все творческие попытки поэтов-католиков пресекаются.

Одной из самых ярких страниц в истории всей второй волны, а, по мнению некоторых исследователей, и всей Католической Модерны,

¹⁴ Ibid. S. 12.

¹⁵ Dilon R. Hviezdy a smútok. Zlatý fond denníka SME 1986 [cit. 16. 10. 2014]. URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/278/Dilong_Hviezdy-a-smutok

¹⁶ Dilon R. Ja svätý František. Zlatý fond denníka SME 2007 [cit. 16. 10. 2014]. URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/268/Dilong_Ja-svaty-Frantisek

¹⁷ Dilon R. Hviezdy a smútok. Zlatý fond denníka SME 1986 [cit. 16. 10. 2014]. URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/278/Dilong_Hviezdy-a-smutok

было творчество Янко Силана (1914–1984). Свои первые поэтические опыты Силан опубликовал во второй половине 1930-х годов, но по-настоящему заявил о себе как о «поэте духовно-религиозной направленности»¹⁸ лишь в 40-е годы. Лирический герой дебютного сборника «Сычи» («Kuvici», 1936) – тонко чувствующая натура раннего романтика. В своих стихах, вошедших в этот сборник, поэт опирается на традиции Словацкой Модерны и на опыт зарубежного модернизма (особенно его вдохновляло творчество Р. Рильке). В отличие от своего предшественника Р. Дилонга Силан в 1930-е годы представляет «клоделевский тип» лирики (мир как средоточие тоски и страдания, мотив безысходности, вера в спасение через искупление грехов). Но вскоре поэт отходит от сумеречных переживаний в сторону «францисканских откровений» (мир как Божье чудо). В последующих книгах лирика Силана все больше напоминает личный дневник богослова. Автор со смирением принимает страдание, в котором видит путь к спасению. Многие исследователи отмечают сенсуалистичность его лирики (сб. «Лестница в небо» / «Rebrik do neba», 1939). А в системе лирических образов, мотивов и даже в эвфонии стиха часто угадывается стилизация под духовную песню (сб. «Пока не буду дома» / «Kym nebudem doma», 1943): *«Ты поле необъятное, а я пшеница ...пусть сначала меня Твои ангелы свяжут в снопы и сложат в форме креста», «Страх» («Tys' pole nedozierne, ja som pšenica...prv než ma Tvoji anjeli raz zviažu v snopy a poskladajú v kríž», «Bázeň»)*

Движущей силой поэзии Силана, восприятия и осмысления им мира была любовь, но речь идет не только о любви человека к Богу, но и ко всему Божьему творению: *«И эта земля? Ах, она всегда такая спокойная, горы терпеливые. Словно она кого-то ждет, кого-то ждет со страстью», стих. «Ожидание» («A táto zem? Ach, vždy je taká pokojná, hory trpezlivé. Isteže takto ešte čaká, kohosi čaká náruživé», «Čakanie»)* По мнению словацкого литературоведа Я. Замбора, в творчестве поэта функционально соединились элементы земного и небесного, а в центре его интересов оказалось не что иное, как душа человеческая. В 1981 г. поэт Карол Стрмень назвал Силана «святым словацкой поэзии». Его также нередко называют самым католическим поэтом Словакии. Это не случайно. Безмолвие монаха, тихое смирение, покорность суровой судьбе и одновременно всеобъемлющая любовь и духовная чистота – вот основополагающие принципы поэта-католика. Даже грусть в его стихах приобретает особый смысл:

¹⁸ Dejiny slovenskej literatúry II. Imrich Sedlák a kol.. Matica Slovenská. Martin, 2009. S. 155.

эта светлая печаль с надеждой на Божью милость: *«Милость Божья снизошла на нас свыше / и еще снизойдет / мы ребята из волшебной страны / ждем своего спасения», стих. «Зимнее воскресенье» («Milosťou Boh nás ovial z výše / a ešte znova oveje, / sme chlapci z pohádkovej ríše, / čakáme svoje spasenie», «Zimná nedeľa»).*

Излюбленной строфической формой поэта был сонет, встречающийся наиболее часто в сборниках до 1948 (*«Песни из Яворины» / «Piesne z Jvoriny», 1943; «Песни из Ждиара» / «Piesne z Ždiaru», 1947*). Лирику Силана можно охарактеризовать емким авторским оксюмором – «голос тишины». Тихая мелодия самой природы, кроткая молитва слепого монаха¹⁹, голос мечущейся между светом и тьмой души – такая поэзия лучше всего отражает христианский принцип превращения страдания во внутреннее свечение. В сборниках 40-х годов мотив внутреннего сияния души становится ведущим (*«Песни из Яворины»*). Поэт актуализирует тему борьбы души с тьмой внутри себя, возвращаясь тем самым к настроениям из дебютной книги *«Сычи»*. В военный период (1939–1945) поэт-священник выполняет свою главную миссию – распространять свет в сердцах людей, ожесточенных извращенными ценностями войны: *«Я свечу, ибо я священник, // и я для мира чудовище, // я здесь мешаю, таково время, // так пусть меня отодвинут в угол, // но я буду испускать свет вновь, // но я грозно освещу вас»*²⁰.

После 1948 г. Силан, как и большинство католиков, не публиковался, возобновив творческую деятельность только в середине 60-х годов.

Остальные поэты, примыкавшие к Католической Модерне, дебютировали в разное время в период с 1932 по 1948 г. (Павол Гашпарович Глбина, 1908–1977, Ян Гаранта, 1909–1983). Некоторые из них, едва успев издать первый сборник, исчезали с поэтической арены, другие отказывались от религиозной лирики в пользу надреализма или авангардной поэзии. После окончания войны в подавляющем большинстве представители Католической Модерны покинули страну (Г. Звоницкий, 1913–1995, К. Стрмень, 1921–1994 и др.). Само же течение трансформировалось окончательно: его представители обратились к более «реальным», жизненным вопросам (пацифизм, разоблачение фашизма, воспевание движения сопротивления, прославление подвигов Красной Армии и др.). Всё это сблизило поэтов-католиков с поэзией левого толка.

¹⁹ Мотив слепоты проходит через все творчество Силана (сказывается личная мотивация): поэт от природы обладал слабым зрением.

²⁰ *Замбор Я.* Литература 1920–1950. Поэзия. Янко Силан (пер. Н. Шведовой) // Словацкая литература. 20 век. М., 2003. С. 285.

Список литературы

- Бердяев Н.* Католический модернизм и кризис современного сознания // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии 1907–1909 гг. СПб., 1910.
- Мень А.* Модернизм католический и библистика // Библиологический словарь. Словарь оп. в трех томах фондом Менья.
- Dagmar Mária Anoca.* Katolícka moderna, Rudolf Dilong a recepcia jeho veršov v Rumunsku. Rovnobežné zrkadlá. 2006. XI/1.
- Dejiny slovenskej literatúry II.* Imrich Sedlák a kol. Matica Slovenská. Martin, 2009.
- Dilong R.* Hviezdy a smútok. Zlatý fond denníka SME 1986 [cit. 16. 10. 2014]. URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/278/Dilong_Hviezdy-a-smutok
- Hamada M.* Poézia slovenskej Katolíckej Moderny. Knižnica slovenskej literatúry. Bratislava, 2008.
- Pašteka J.* Pravda a legenda o Rudolfe Dilongovi // Dilong Rudolf: Hviezdy a smútok. Literárne dielo I. Bratislava, 2002.
- Prihodová E.* Kontexty a inšpirácie katolíckej moderny. Ružomberok, 2011.
- Putna M.C.* Česká katolícká literatúra v evropskom kontextu 1948–1918. Torst, 1998.
- Zemanová P.* Formovanie slovenskej katolíckej moderny ako problem // Slovenská literatúra. 1992. 39. 3.

Сведения об авторе: *Курсакова Екатерина Игоревна*, аспирант кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: sorciere21@yandex.ru

Ли Чжухонг

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТАТИСТИКА И КОЛЛОСТРУКЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

В данной статье на корпусном материале русского языка и с использованием статистических методов Грамматики конструкций анализируется частотность употребления форм аналитического будущего в зависимости от морфемной структуры глагола. К форме аналитического будущего времени тяготеют непроизводные глаголы НСВ, в то время как вторичные имперфективы от нее «отталкиваются».

Ключевые слова: аналитическая форма будущего времени, вторичные имперфективы, грамматика конструкций, коллострукционный анализ.

In this article, the frequency of use of the analytical form of the future tense, depending on the morphemic structure of the verb, is analyzed on the basis of corpus materials of the Russian language and statistical methods of the theory of Construction Grammar. The analytical form of the future tense attracts nonderivative imperfective verbs, while it 'repels' secondary imperfectives.

Key words: analytical form of the future tense, secondary imperfectives, construction grammar, collostructional analysis.

1. Проблематика исследования

В русской лингвистике активно изучаются связи между глагольными категориями [РГ, 1980: 636; Бондарко, 1996]. Особенно тесные связи – как парадигматические, так и функциональные – существуют между категориями вида и времени, которые анализируются в работах многих российских лингвистов (А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяна, Ю.П. Князева, Е.В. Петрухиной и др.).

Для нашего исследования особенно важен тот факт, что вид влияет на образование форм будущего времени: от глаголов несовершенного вида (НСВ) образуется аналитическая форма будущего времени, а от глаголов совершенного вида (СВ) – простая форма. Известно также, что простая форма будущего во временном отношении не однозначна: помимо будущего времени может выражать также (в особых условиях контекста) значение неактуального настоящего. Вопрос о влиянии морфемной и словообразовательной структуры

глагола на употребление русских видо-временных форм в лингвистике специально не ставился. Этот вопрос находится в центре нашего исследования, посвященного формам аналитического будущего.

Изучая употребление форм будущего времени в русском языке, мы обратили внимание на то, что частотность формы аналитического будущего зависит от производности или непроизводности глагола НСВ: формы аналитического будущего типа *будет брить*, *будет копать* встречаются чаще, чем *будет сбривать*, *будет выкапывать*. Мы решили проверить замеченную закономерность употребления данных форм в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) с использованием статистических методов Грамматики конструкций (Construction Grammar).

2. Грамматика конструкций: коллострукционный анализ

Согласно теории Грамматики конструкций, разработанной в конце 80-х годов XX в. в американской лингвистике, основной единицей языка является конструкция – языковое выражение, у которого есть аспект плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей [Stefanowitsch, Gries, 2003: 212; Рахилина, 2010: 19]. В последнее время среди сторонников теории Грамматики конструкций растет популярность статистики, имеющей большое значение для нашего исследования [Schmid, Kuchenhoff, 2013: 532–537]. Примером этому является «коллострукционный анализ», методика которого была разработана С. Грисом и А. Стефановичем. Целью их исследования было определить, какие лексемы встречаются в определенной конструкции чаще, чем другие, т. е. «тяготеют» к ней. Примечательно, что в рамках коллострукционного анализа аналитические грамматические формы также рассматриваются как конструкции [Stefanowitsch, Gries, 2003]¹.

В качестве примера коллострукционного анализа может служить анализ английской конструкции *N waiting to happen* (неизбежный N). Используя статистический метод и опираясь на данные Британского национального корпуса (BNC), С. Грис и А. Стефанович выяснили, что наиболее сильной является связь между данной конструкцией и лексемой *accident* (авария, несчастный случай), т. е. *accident* притягивается к этой конструкции, и соответственно высокую частотность проявляет ее конкретная реализация: *Accident waiting to happen* (неизбежный несчастный случай) [Stefanowitsch, Gries, 2003: 218–220].

¹ Лексемы, которые притягиваются к конструкции, называются коллексемами (collexemes). Конструкция, связанная с определенной лексемой, называется коллоструктом (collostruct). Сочетание коллексема и коллострукта называется коллострукцией (collostruction) [Stefanowitsch, Gries, 2003: 215].

Прежде чем приступить к коллокационному анализу формы аналитического будущего, сопоставим частотность форм простого и аналитического будущего в современном русском языке.

3. Статистические данные о частотности форм будущего времени глаголов СВ и НСВ

Согласно частотному словарю русского языка Э. Штейнфельд [Штейнфельд, 1963], форма аналитического будущего (*буду открывать*) употребляется в несколько раз реже, чем форма простого будущего (*открою*). Мы провели свое собственное статистическое сопоставительное исследование данных форм в НКРЯ.

В табл. 1 приведены данные из НКРЯ, характеризующие употребление глагола *писать* и *написать* в будущем времени. Цифры в первом столбце показывают общее количество всех глаголов в корпусе (V) и количество всех глаголов, употреблённых в форме будущего времени (V, fut), цифры во втором и третьем столбце показывают употребление форм глагола *писать* и *написать*: сколько раз глаголы встречаются в корпусе во всех формах и сколько раз – в форме будущего времени.

Таблица 1

	Все глаголы	писать	написать
V	40 187 447	114 861	76 162
V, fut	2 596 320	397	6 086

Сравнив первую пару цифр (в вертикальной рубрике), мы можем установить, что формы будущего времени глаголов составляют 6,46% от общего числа всех глагольных форм.

Глагол *писать* представлен в корпусе 114 861 раза, 6,46% от этого числа – 7420. Сравнивая получившийся результат с реальным употреблением форм будущего времени этого глагола – 397, можно сделать вывод, что глагол *писать* употребляется в форме будущего времени реже, чем среднестатистический глагол в корпусе, – всего в 0,35% случаев употребления словоформ данного глагола.

Иную картину дает анализ употребления глагола *написать*. Глагол представлен в корпусе 76 162 раза, 6,46% от этого числа – 4920. Сравнивая это число с реальным употреблением форм простого будущего этого глагола – 6086, мы видим, что глагол *написать* употребляется в будущем времени чаще, чем среднестатистический глагол в корпусе – в 8% случаев.

Аналогичные результаты были получены для других парных по виду глаголов НСВ и СВ (мы ограничились парами, образованными на основе перфективации простого глагола НСВ: *редактировать* –

отредактировать, строить – построить, писать – написать, будить – разбудить, делать – сделать, петь – спеть, красть – украсть, красить – покрасить, брать – взять, отвечать – ответить, бросать – бросить, давать – дать, покупать – купить). Наши данные позволили уточнить статистику употребления форм будущего в русском языке в группе глаголов НСВ и СВ этого типа: формы простого будущего частотнее аналитического будущего примерно в 23–25 раз:

писать (397/114861²; 0,34564%) – *написать* (6086/76162; 7,99086%),

делать (695/160345; 0,43344%) – *сделать* (17765/175136; 10,14355%),

давать (37/116208; 0,03184%) – *дать* (28967/233767; 12,3914%),

покупать (31/13430; 0,03183%) – *купить* (4590/36227; 12,67011%)

и т. п.

Можно предположить, что на общую статистическую картину оказывает влияние временная многозначность формы простого будущего, т. е. то, что эта форма может иметь значение и неактуального настоящего (узуального или потенциального) [Виноградов, 1972: 438–439; Петрухина, 2009: 130–132]. Мы проанализировали временные значения форм простого будущего времени трех глаголов (*построить, написать, сделать*) в 300 произвольных контекстах – по 100 контекстов на каждый глагол, взятых из НКРЯ. Полученные результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2

	<i>построить</i>	<i>написать</i>	<i>сделать</i>	Всего (из 300 контекстов)
будущее	93 (93%)	97 (97%)	99 (99%)	289 (96,33%)
настоящее узуальное	0 (0%)	1 (1%)	0 (0%)	1 (0,33%)
настоящее потенциальное	7 (7%)	2 (2%)	1 (1%)	10 (3,33%)

В целом из 300 контекстов формы простого будущего времени трех глаголов имеют значение будущего времени в 289 контекстах (96,33%), значение настоящего неактуального – в 11 контекстах (3,66%). Таким образом, несмотря на то, что форма простого будущего времени во временном отношении двузначна, контекстов со значением неактуального настоящего времени у трех данных глаголов в НКРЯ всего 3,66%, т. е. двузначность форм простого будущего почти

² 397 – частотность форм будущего времени глагола *писать*, 114 867 – частотность всех форм этого глагола.

не влияет на их частотность в соотношении с формами аналитического будущего.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет сопоставление употребления в форме аналитического будущего разных по морфемной структуре синонимичных глаголов НСВ: простых непроеизводных глаголов типа *брить*, *копать* и вторичных имперфективов типа *сбривать*, *выкапывать*.

4. Сопоставление частотности употребления в форме аналитического будущего непроеизводных глаголов НСВ и вторичных имперфективов

Мы выбрали по 10 простых и производных глаголов НСВ из книги Е.В. Петрухиной, входящих в так называемые видовые тройки³ (*рвать* – *сорвать* – *срывать*, *клонить* – *склонить* – *склонять*, *брить* – *сбрить* – *сбривать*, *тянуть* – *стянуть* – *стягивать*, *копать* – *выковать* – *выкапывать*, *полоть* – *выполоть* – *выпалывать*, *сморгаться* – *высморгаться* – *высмаркиваться*, *пороть* – *выпороть* – *выпарывать*, *кроить* – *выкроить* – *выкраивать*, *клянчить* – *выклянчить* – *выклянчивать*) [Петрухина, 2009: 86]. Полученные результаты сопоставления общей частотности их употребления, а также частотности употребления в форме аналитического будущего времени по НКРЯ приведены в табл. 3.

Прежде всего бросается в глаза бóльшая частотность во всех формах простых глаголов НСВ, чем производных. Это обусловливается разными факторами – и формальными (первые проще по морфемной структуре и фонемному составу последних), и семантическими (простые глаголы являются, как правило, более многозначными, чем приставочные⁴). Но самый главный результат такого статистического сопоставления для нашего исследования заключается в том, вторичные имперфективы в формах аналитического будущего в НКРЯ вообще не встречаются, хотя в других формах некоторые из них характеризуются достаточно высокой частотностью.

³ Видовые тройки – это словообразовательные цепочки, состоящие из трех глаголов, образующих две видовые пары. Видовые тройки образуются при имперфективации глаголов, у которых приставка помимо результативной семантики имеет конкретное значение, совпадающее с одной из сем исходного глагола [Петрухина, 2009: 85].

⁴ Например, глагол *выкапывать* выступает как синоним к *копать* только в первых двух значениях (по Толковому словарю Ефремовой): 1) *копать* – *выкапывать* яму; 2) *копать* – *выкапывать* картошку. Глагол *копать* имеет еще два переносных значения, несоотносимых с *выкапывать* (1. ‘Придирчиво разбирать, анализировать или контролировать что-либо (обычно с целью выявить недостатки, злоупотребления)’). 2. ‘Интригами и кознями вредить, готовить неприятности кому-либо; подсигивать’).

Таблица 3

	V	V, fut.
все глаголы	40 187 447	2 596 320 (6,46052%)
рвать	5 858	14 (0,23899%)
срывать	2 335	0 (0%)
клонить	943	1 (0,10605%)
склонять	1 233	0 (0%)
брить	3 490	7 (0,20057%)
сбривать	70	0 (0%)
тянуть	14 118	14(0,09916%)
стягивать	945	0(0%)
копать	2 672	12(0,44910%)
выкапывать	391	0(0%)
полоть	10 890	1 (0,00918%)
выпалывать	50	0 (0%)
сморкаться	730	1 (0,13699%)
высмаркиваться	9	0 (0%)
пороть	1 271	16 (1,25885%)
выпарывать	2	0 (0%)
кроить	411	4 (0,97324%)
выкраивать	129	0 (0%)
клянчить	357	1 (0,28011%)
выклянчивать	60	0 (0%)

5. Объяснительный анализ разной частотности изучаемых форм

Для объяснения «отталкивания» вторичных имперфективов данного типа от формы аналитического будущего наибольшую значимость имеет аспектуальная специфика синонимичных непроизводных и производных глаголов НСВ. Е.В. Петрухина отмечает, что простой глагол НСВ при обозначении неповторяющегося действия может выступать и как предельный (терминативный), т. е. обозначать действие, развивающееся к своему естественному пределу-результату, и как неопредельный (нетерминативный), а соответствующий вторичный имперфектив при обозначении единичного действия всегда является терминативным: *Вечером мы жгли костер* (нетерминат.); *Сегодня мы расчищали участок: жгли /сжигали старые пни* (терминат. оба глагола), поэтому в целом терминативность в семантике простого глагола выражена в меньшей степени, чем в приставочном. Тонкие различия в значении синонимичных глаголов НСВ можно эксплици-

ровать, введя в предложение обстоятельства типа *к вечеру, полностью*, актуализирующие конечный предел действия: в подобных условиях контекста простые глаголы НСВ не употребляются. Ср.: *Собранные листья мы полностью сжигали (*жгли). Всю картошку мы выкапывали (*копали) к середине сентября* [Петрухина, 2012: 96].

Таким образом, вторичные имперфективы, актуализирующие направленность действия на его предел и результат, «отталкиваются» от форм аналитического будущего, так как для последней из всех частных значений НСВ более характерно общефактическое значение, представляющее протекание действия в самом общем виде, без актуализации его аспектуальной семантики [Парешнев, 2004: 19]. Этой временной форме свойствен также синкретизм частных значений НСВ [Петрухина, 2009: 170], что в большей степени соответствует аспектуальному характеру простых глаголов НСВ. Заметим, что в текстах электронных средств массовой коммуникации с помощью различных поисковых интернет-систем нам удалось найти ряд примеров на употребление вторичных имперфективов этого типа в плане будущего времени, специфика контекстных условий употребления которых требует специального исследования.

Список литературы

- Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006.
Парешнев Е.Ю. Аспектуальная характеристика высказываний с формами сложного будущего времени в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2012.
Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.
Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. М., 2010.
РГ-80 – Русская грамматика / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980.
Штейнфельд Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.
Stefanowitsch A. & Gries S.T. Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions // International Journal of Corpus Linguistics. 2003. 8:2. 209–243.
Schmid H.J. & Kuchenhoff H. Collostructional analysis and other ways of measuring lexicogrammatical attraction: Theoretical premises, practical problems and cognitive underpinnings // Cognitive Linguistics. 2013. 24(3). 531–577.

Сведения об авторе: Ли Чжухонг, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kalos365@naver.com

Э.Е. Блок

**ПРОГНОЗ ЗВУКОВЫХ ЗАМЕН В РЕЧИ
ИНОФОНА НА ОСНОВЕ КОНТРАСТИВНОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
И ЭМПИРИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ
(на материале русского и немецкого языков)**

В статье аргументируется возможность применения контрастивного анализа в качестве методологической основы для создания практических курсов фонетики языка L2 для носителей языка L1. Дополнив эмпирической верификацией прогноз звуковых замен в речи инофона, составленный на основе контрастивного сопоставления языков L1 и L2, можно ранжировать произносительные трудности в интерферирующей речи. Полученная в результате такого исследования шкала произносительных трудностей обеспечивает возможность разрабатывать практические пособия, рассчитанные на любую детальность курса фонетики языка L2. При этом важную роль на всех этапах исследования должны играть эмпирические данные разного характера. Автор иллюстрирует особенности предложенного метода на примере анализа класса смычных губных согласных русского и немецкого языков.

Ключевые слова: контрастивный анализ, освоение второго языка, фонетическая интерференция, интерферирующая речь.

The author argues that contrastive analysis can be used as methodological basis for creating practical handbooks of L2 phonetics for L1-speakers. Pronouncing difficulties in foreign-accented speech can be ranked by forecasting negative transfer replacements by means of contrastive analysis followed by experimental verification. The resulting scale of pronouncing difficulties enables us to create practical handbooks of phonetics aimed at phonetic courses of any duration. The author emphasizes that various empirical data should be used at every step of the research. Specific features of the proposed method are illustrated by analyzing bilabial stops in Russian and German.

Key words: contrastive analysis, second language acquisition, phonetic interference, foreign-accented speech.

Введение

Немецкий язык традиционно остается одним из самых востребованных иностранных языков в России. При этом нам не известен ни один учебник немецкого произношения, который бы создавался с учетом реальных исследований тех произносительных ошибок, которые совершают русскоязычные обучающиеся, говорящие

по-немецки. Между тем такие исследования помогли бы выявить наиболее частотные речевые ошибки. Получив шкалу частотности и типичности интерференционных ошибок, можно было бы разрабатывать практические пособия, рассчитанные на любую детальность курса фонетики, – от полного (годового) университетского курса для студентов-германистов до двухнедельного экспресс-курса для студентов других специальностей.

Контрастивный анализ как методологическая основа исследования интерференционных ошибок в речи инофонов

Эффективное эмпирическое исследование интерференционных ошибок в речи инофонов невозможно без учета достижений контактологии. Контактология – область лингвистики, возникшая в 50-е годы XX в. и занимающаяся изучением языковых контактов – на данный момент уже сформировалась в отдельную дисциплину на стыке социо-, психолингвистики и педагогики. К основоположникам молодой дисциплины можно отнести У. Вайнрайха, Б. Гавранека, Э. Хаугена и др., наиболее значительные работы которых в переводе на русский язык полностью или частично были опубликованы в сборнике [НЗЛ В. VI, 1972]. Из советских ученых, стоявших у истоков контактологии, следует, прежде всего, назвать С.И. Бернштейна [Бернштейн, 1937], В.А. Виноградова [Виноградов, 1972; Виноградов, 1976], В.Ю. Розенцвейга [Розенцвейг, 1972].

К числу основных лингвоконтактологических понятий относятся «языковые контакты», «двуязычие» и «языковая интерференция». В советской лингвистике было принято следующее определение последней: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условии двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы неродного языка под влиянием родного» [ЛЭС, 1990: 197]. Нам представляется, что фонетическая интерференция кардинально отличается от интерференции на других уровнях невозможностью применения «стратегии избегания»: нельзя говорить на иностранном языке, избегая тех звуков, которые не удастся произнести правильно, отсюда и практическая неизбежность иноязычного акцента.

Первые попытки систематического изучения произносительных ошибок в речи инофонов приходятся на конец 50-х годов XX в., когда на стыке лингвистики и психологии оформилась новая дисциплина – контрастивная (или сопоставительная) лингвистика. В ее арсенал входят два дополняющих друг друга метода: контрастивный анализ и анализ речевых ошибок. Анализ ошибок – это изучение отклонений от нормы изучаемого языка в реальной речи обучающегося.

Контрастивный анализ призван предсказывать те элементы системы изучаемого языка, где с большой вероятностью можно ожидать затруднений и ошибок. В 60–70-е годы XX в. лингвисты осознали, что контрастивный анализ как методический прием позволяет предсказать те элементы системы изучаемого языка, где с большой вероятностью можно ожидать появления затруднений и ошибок. Этот подход изначально обещал возможность создания учебников иностранных языков с учетом контрастивного фактора: постулировалось, что основой прогнозирования «зон фонетических помех» должно быть детальное контрастивное описание фонологических систем изучаемой пары языков. Со временем были разработаны и основные принципы такого описания [Helbig, 1981]. Для успешной реализации указанных теоретических принципов на практике необходимо иметь подробные однотипные описания систем сравниваемых языков. Нам представляется, что при изучении интерференционных явлений на фонетическом уровне для этого наилучшим образом подходит известная фонетическая классификация МФА (IPA) [Handbook, 1999], так как:

1. Классификация МФА является универсальной, т. е. ее предметной областью является звуковой универсум, а не множество звуков какого-то одного языка;

2. Лежащие в основе классификации МФА критерии и транскрипционные символы приняты в лингвистическом сообществе в качестве фонетического стандарта.

Необходимость «перевода» сопоставляемых фонетических инвентарей на единый транскрипционный язык не означает, что исследователь автоматически обрекает себя на использование в дальнейшем только этой единой нотации. Указав, какие символы единой транскрипции соответствуют каждому из элементов сопоставляемых инвентарей, можно перейти к более привычной нотации (например, с нотации МФА к кириллическим транскрипционным символам). Такой «обратный» переход оправдан, поскольку может в ряде случаев упростить описание, например, разгрузить транскрипционную запись от чрезмерной диакритики, индексации и т. д. Именно этот подход принят в нашей работе.

В имеющейся литературе можно найти практические рекомендации для осуществления контрастивного анализа в области фонологии и фонетики. Так, Джеймс выделяет четыре этапа контрастивного анализа звуковых систем двух языков L1 и L2 [James, 1981]:

1. Инвентаризация фонем L1;
2. Инвентаризация фонем L2;
3. Выявление аллофонов фонем в L1 и L2;

4. Установление дистрибутивных ограничений для аллофонов и фонем в L1 и L2.

Однако осуществленные на практике попытки контрастивного сопоставления звукового строя языков в паре не нашли широкого практического применения, так как исследователи, работающие в русле контрастивной лингвистики, быстро выявили и доказательно аргументировали проблемы, препятствующие распространению данного метода (см. [Nickel, 1971; Nemser, 1975; Helbig, 1981] и др.). Основная претензия, предъявляемая критиками использования достижений контрастивной лингвистики в педагогике, заключается в том, что, помимо «зон помех», выявляемых в ходе контрастивного анализа, в интерферирующей речи двуязычных носителей наблюдаются ошибки разного характера, которые контрастивный анализ предсказать не может, так как их природа кроется не в различиях между сопоставляемыми языками. Вместе с тем мыслима и «обратная» ситуация, когда не все выявленные в ходе контрастивного анализа «зоны помех» реально проявляются в речи двуязычных носителей. Ошибки первого типа не являются предметом исследования при изучении межъязыковой интерференции, однако должны интересовать исследователя, так как необходимо выработать надежные критерии их отделения от истинно интерференционных ошибок. Что касается второй проблемы, для ее решения необходимо существенно модифицировать процедуру сопоставления двух языков: выявление «зон помех» в ходе контрастивного анализа должно обязательно дополняться их экспериментальной проверкой.

Для создания пособий по практической фонетике, вне зависимости от планируемой длительности курса, необходимо проводить контрастивный анализ всего звукового строя обоих языков. Ниже мы ограничимся изложением результатов проведенного нами контрастивного анализа только одного фрагмента консонантизма русского и немецкого языков – подкласса шумных смычных губных согласных. Этот подкласс интересен по той причине, что, обладая общими особенностями всех шумных, имеет еще и ряд частных свойств. Так, хотя наличие мягких согласных, свойственное русскому консонантизму, – типологически редкая, но не уникальная черта, однако при этом наличие мягких губных согласных, в том числе, смычных, в абсолютном конце слова – это одна из ярких типологических черт именно русской фонетической системы [Бархударова, 1999]. Такое сочетание общих и частных особенностей данной категории согласных позволяет хорошо проиллюстрировать методику проделанного нами исследования и направление интерференционного фонетического прогноза.

Общие принципы и цели контрастивного анализа подсистемы шумных согласных немецкого и русского языков

Некоторые пособия по фонетике немецкого языка, разработанные отечественными лингвистами, демонстрируют элементы имплицитного, «стихийного» применения идей контрастивного анализа к русскому и немецкому языкам. Наиболее последовательным оказывается сопоставление немецкого и русского консонантизма в работе [Зиндер, 2003]: автор применяет латинские символы для транскрибирования единиц обоих языков, что, как указывалось выше, соответствует принципам контрастивного анализа. В табл. 1 фонемные инвентари подсистемы шумных согласных обоих языков включены именно на основе представленных в работе Л.Р. Зиндера консонантных таблиц.

Первым этапом контрастивного анализа является, как указывалось выше, эксплицитное описание фонемных инвентарей для каждого из сопоставляемых языков, поэтому необходимо изначально оговорить, как именно понимается термин «фонема». В нашей работе принят подход, близкий ЛФШ и общей западноевропейской традиции: в одну фонему объединяются только такие звуки, которым свойственно значительное акустико-перцептивное сходство, а различия имеют комбинаторно-позиционное происхождение и объяснение. У согласных признаются возможными разнообразные реализации, но при этом они не должны вторгаться в реализационную область других фонем. Данный принцип обеспечивает восприятие и фонемную идентификацию этих реализаций при условии полного типа произнесения, без привлечения морфологической или лексической информации.

Следующий необходимый этап контрастивного анализа – это инвентаризация и сопоставление аллофонов каждой фонемы в каждом из сопоставляемых языков. В настоящей работе рассматриваются только основные системные варианты (аллофоны) немецких и русских согласных. При этом принят следующий рабочий подход: если отклонение от целевой артикуляции фонемы не может быть зафиксировано некоторым признаком МФА, то соответствующий контекстный аллофон не признается значимым и системным и не учитывается далее в сопоставительном анализе.

На основе изложенных выше теоретических соображений нами был осуществлен сопоставительный анализ системных и значимых вариантов немецких и русских согласных фонем, в соответствии со следующим алгоритмом.

1. С максимальным учетом литературных источников были инвентаризованы и описаны аллофоны согласных русского и немецкого языков.

Таблица 1

Немецкие и русские шумные согласные в сопоставлении¹

Активный артикулятор		Губные		Язычные										Увулярные	Фарингальные								
				Характер преграды		Передне-				Средне-		Задне-											
Чистые						b		p		d		t								g		k	
Смычные	Аффрикаты	Однофокусные	Двуфокусные	тв	мяг	тв	мяг	тв	мяг	тв	мяг					тв	мяг	тв	мяг				
				б	б'	п	п'	д	д'	т	т'					г	г'	к	к'				
				pf				ts															
				tʃ				ʃ															
				c				ɕ															
Щелевые	Однофокусные	Двуфокусные	Однофокусные	тв	мяг	тв	мяг	тв	мяг	тв	мяг	тв	мяг	тв	мяг								
				в	в'	ф	ф'	з	з'	с	с'	ж	ж'					х	х'				
				ʒ				ʃ															
				ʒ				ʃ															
				ɕ				ɕ															

2. Полученные инвентари аллофонов были интерпретированы с использованием признаковой базы МФА и ее фонетического алфавита.

3. Далее было установлено, какие аллофоны русской и немецкой консонантных систем можно считать аналогичными, а какие – близкими. *Аналогичными* мы считали такие звуки (точнее, реализации фонем двух языков), которые имеют одно и то же фонетическое содержание и могут быть записаны с помощью одного и того же фонетического символа МФА. Однако многие фонемные реализации в каждом из языков не имеют аналогичную «пару» во втором языке, например, у

¹ Заливкой выделены клетки, относящиеся к русскому языку; жирным и более крупным шрифтом выделены единицы, относящиеся к подсистеме смычных губных в сопоставляемых языках.

русских палатализованных согласных нет аналога в немецком языке. Таким образом, для предсказания возможных интерференционных замен необходимо выйти за пределы так называемых аналогичных звуков. Если инофон заменяет какой-то звук иностранного языка звуком родного языка, причем эти два звука не являются аналогичными, такие два звука мы считали *близкими*. Отметим, что в ряде случаев инофон совершает более сложные замены, когда, например, один звук L2 заменяется последовательностью звуков из L1. Например, известно, что иностранцы (в том числе, немцы) часто заменяют русские палатализованные согласные сочетанием «твердый (или полумягкий) согласный + [j]».

4. На последнем этапе проведенного нами анализа для каждого аллофона каждого из двух языков – L1 (родной) и L2 (иностраннй) – были выявлены прогнозируемые интерференционные замены в L2 в соответствии со следующей схемой:

Звук-цель языка L2 →	Звук-замена (или последовательность звуков) языка L1	Комбинаторно-позиционные условия замены
----------------------	--	---

В целях верификации для каждой прогнозируемой замены можно подобрать несколько примеров частотных лексем из L2, знакомых инофонам даже на начальных стадиях обучения языку. На основе таких примеров в дальнейшем целесообразно составлять производительные опросники. Это позволит произвести количественную оценку достоверности прогноза интерференции.

Применение результатов эмпирических исследований при проведении контрастивного анализа

Как указывалось выше, процедура контрастивного анализа была разработана и описана в 60–70 годы XX в., тогда же начали появляться работы с попытками применения контрастивного анализа к реальным парам языков. Вскоре, однако, стало ясно, что эффективно сопоставлять два языка исключительно теоретически невозможно. Полезными могут оказаться самые разные эмпирические данные – от результатов ненаправленных наблюдений за речевым поведением инофонов (так называемый преподавательский опыт, обобщенный в методических указаниях пособий по фонетике) до результатов направленного инструментально-фонетического анализа (рентгенограмм, спектрограмм, осциллограмм и т. д.). Наш опыт сопоставления звукового строя немецкого и русского языков показывает, что в ходе контрастивного анализа исследователь постоянно сталкивается с частными задачами, решить которые простым сравнением аллофонных инвентарей обоих языков невозможно – для

этого необходимы самые разные эмпирические данные. Приведем некоторые примеры.

Естественно было бы предположить, что немец в интерферирующей речи будет прибегать к замене русского согласного [п] на его немецкий непрдыхательный аналог [р] – такой аллофон у немецкой фонемы /р/ имеется, и фонетически он, конечно, наиболее близок русскому [п]. Однако будет ли такая замена происходить во всех случаях? Прямое сопоставление консонантных инвентарей и поиск аналогичных звуков в двух языках не может дать ответа на этот вопрос – необходимо обращение к *реальным речевым наблюдениям*. Из практики преподавания русского языка немцам известно, что они часто произносят в русских словах аспирированный звук [р^h], совершенно чуждый русским смычным согласным. В каких случаях это происходит? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к изучению варьирования фонем в зависимости от позиционных условий в немецком языке. Наиболее сильное придыхание наблюдается у глухих смычных согласных перед ударным гласным в позициях, когда им не предшествует фрикативный согласный в составе того же слова (как это имеет место, например, в слове *Spaß*), т. е. в таких словах как *passen* или *Park* [Handbook, 1999]. Исходя из этого, можно предположить, что немец будет заменять русское [п] на немецкое аспирированное [р^h], прежде всего в аналогичных позициях, т. е. в словах типа *надать* или *пыль*, но не в слове *спать*.

К сожалению, в области фонетики даже таких хорошо исследованных языков, как немецкий или русский, остается немало слабо изученных вопросов. Проведение контрастивного анализа как раз позволяет нащупать те фрагменты звукового строя сопоставляемых языков, где необходимы дополнительные эмпирические исследования. Например, авторы русско-немецких практических пособий обязательно указывают на следующие различия в проявлениях дополнительной лабиализации согласных в русском и немецком языках ([Норк, Милукова, 1977; Раевский, 1997] и др.):

1. В русском языке лабиализация – это всегда регрессивная коартикуляция, в немецком – как регрессивная, так и прогрессивная;
2. В русском языке лабиализация согласных по интенсивности округления ротового отверстия и степени выдвижения вперед губ значительно уступает немецкой.

Однако убежденность авторов доступных теоретических и практических курсов ([Норк, Милукова, 1977; Раевский, 1997; Козьмин и др., 1990]) в существовании значительных отличий лабиализации в немецком и русском языках вызывает определенные сомнения. С одной стороны, интуитивно трудно не согласиться с тем, что работа

губ при лабиализации в немецком языке более активна, чем в русском, однако это всего лишь проявление общих особенностей немецкой артикуляционной базы. Далее, вызывает вопросы постулируемый авторами двусторонний характер лабиализации в немецком языке. Регрессивное влияние последующего лабиализованного гласного в обоих языках несомненно. Однако имеет ли место прогрессивное влияние гласного на последующий согласный в немецком? Точный ответ на этот вопрос могут дать только экспериментальные исследования, но можно попытаться проверить это утверждение «в рабочем порядке». Для этого достаточно изолированно произнести какое-либо немецкое слово, имеющее структуру «согласный + огубленный гласный + согласный», например, *gut*. При наличии некоторого опыта говорения на немецком языке нельзя не заметить, что, если округление губ еще присутствует в начальной фазе произнесения согласного [t], то в его срединно-конечной фазе губы уже возвращаются к исходной, неогубленной позе. Нам представляется, что такое неполное наложение огубленности на последующий согласный есть всего лишь следствие активной работы губ при артикуляции лабиализованных гласных в немецком языке: в этих условиях быстрый (такой, как в русском языке) переход к исходной целевой установке последующего согласного физически невозможен. Исходя из этих соображений, мы не рассматриваем лабиализованные аллофоны немецких согласных в качестве их системных аллофонов.

Приведем пример еще одного фрагмента звукового строя немецкого языка, в котором ощущается недостаток данных эмпирического характера. Во всех доступных нам теоретических и практических курсах по немецкой фонетике указывается, что в немецком языке палатализации подвержены только три согласные фонемы – заднеязычные /k/, /g/, /ŋ/ (ср., например [Козьмин и др., 1990: 141; Козьмин и др., 2004: 20; Норк, Милюкова, 1977: 44; Раевский, 1997: 160]). Доступные описания звукового состава современного немецкого языка, составленные немецкими исследователями, не всегда содержат информацию о контекстном смягчении согласных. Так, К. Колер в очерке, посвященном фонетической системе немецкого языка [Handbuch, 1999], вообще об этом не упоминает и транскрибирует приведенный в качестве примера текст без обозначения контекстной мягкости заднеязычных согласных. Русские же авторы, адресуя свои курсы немецкого языка носителям русского языка, сознательно ищут «точки соприкосновения» звуковых систем обоих языков, отсюда внимание к проявлениям немецкой коартикуляционной палатализации на фоне особенностей звукового строя русского языка. В предлагаемом нами варианте контрастивного анализа немецкие заднеязычные

палатализованные согласные [kʲ], [gʲ] и [ŋʲ] были введены в состав системных вариантов соответствующих фонем. Это отражает точку зрения русских исследователей, подчеркивающих особую подверженность этого класса немецких согласных контекстному смягчению. Аллофоны остальных согласных, характеризующиеся незначительным аккомодационным смягчением перед гласными переднего ряда, в состав системных вариантов нами не включались.

Направленная проверка правильности прогноза интерференционных замен

Ниже мы кратко и обобщенно излагаем результаты проведенного нами контрастивного анализа шумных губных смычных в немецком и русском языках.

В подсистему шумных смычных губных согласных в немецком языке входит две фонемы – /p/, /b/, в русском языке четыре – /п/ (/p/), /б/ (/b/), /п’/ (/p’/), /б’/ (/b’/).

Ниже на диаграмме представлены немецкие и русские согласные данного фонетического класса с учетом их контекстного варьирования. Системные аллофоны, если они есть помимо основного, на диаграмме изображены в виде белых колец, опоясывающих более темный центральный кружок, соответствующий основному варианту фонемы. Приведенная диаграмма наглядно демонстрирует системные аллофонные инвентари анализируемых согласных и дает также представление об их иерархии («аллофоны одной фонемы составляют категорию со своим центром – прототипом и периферией (прочие аллофоны)» [Князев, Пожарицкая, 2012: 289–290].

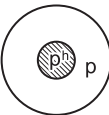
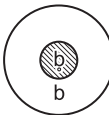
Сильные («глухие»): /p/		Слабые («звонкие»): /b/			
					
Русский язык					
Глухие непалатализованные: /п/		Звонкие непалатализованные: /б/		Глухие палатализованные: /п’/	
					

Диаграмма. Смычные губные согласные в немецком и русском языках

Прогнозируемые интерференционные замены представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

**Прогнозируемые замены русских шумных губных смычных
аллофонов в речи немецкоязычных говорящих**

Аллофон	Замена	Контекст	Примеры
[п]	→ [p ^h]	В абсолютном начале ударного слога непосредственно перед гласным, сонорным согласным; в интервокальной позиции между ударным и безударным гласным; в абсолютном конце слова после ударного гласного	<i>папа, пла- кать, стоп</i>
	→ [p]	В остальных позициях	<i>спать, (я) пойду, погода</i>
[б]	→ [b]	В интервокальной позиции, после сонантов перед гласным	<i>забыл, бомба, бамбук</i>
	→ [b̥] ([p])	В остальных позициях	<i>банк, брат, Библия</i>
[п']	→ [p ^h] ([p ^h]) ([p ^h j])	в абсолютном начале ударного слога непосредственно перед гласным, в интервокальной позиции между ударным и безударным гласным, в конце слова после ударного гласного (кроме [p ^h j])	<i>пять, выпить, Обь</i>
	→ [p] ([p]) ([pj])	в остальных позициях	<i>спят, (я) пишу, спина</i>
[б']	→ [b] ([b̥]) ([bj])	в интервокальной позиции	<i>обед, обидно, рябина</i>
	→ [b̥] ([b̥]) ([bj])	в остальных позициях	<i>бедный, раз- бить, Библия</i>

Таблица 3

**Прогнозируемые замены немецких шумных губных смычных
аллофонов в речи русскоязычных говорящих**

Аллофон	Замена	Контекст	Примеры
[p ^h]	→ [п']	перед гласным переднего ряда	<i>Peter, Pille, Kapitel</i>
	→ [п]	в остальных позициях	<i>Park, Puppe, Stopp</i>
[p]	→ [п']	перед гласным переднего ряда	<i>spielen, Spiegel, spülen</i>
	→ [п]	в остальных позициях	<i>spannend, Sport, Paris</i>
[b̥]	→ [б']	перед гласным переднего ряда	<i>bitte, Büro, Beeren</i>
	→ [б]	в остальных позициях	<i>Bank, Baum, Bruder</i>
[b]	→ [б']	перед гласным переднего ряда	<i>Abitur, anbieten, Alphabet</i>
	→ [б]	в остальных позициях	<i>U-Bahn, arbeiten, aber</i>

Дальнейший ход исследования предполагает экспериментальную проверку прогноза с помощью произносительных заданий-опросников, в которых лексемы-примеры опущены, а информантам предлагается восстановить и произнести пропущенное слово в составе заданного фразового контекста. Например, для носителей русского языка, изучающих немецкий язык, такой опросник может включать следующие предложения: “Wohin gehst du? – Ich gehe in den _____ (парк)”, “Wie fährst du zur Arbeit? – Zur Arbeit fahre ich mit der _____ (метро)”. В подобных предложениях отсутствует опора на графический образ иностранного слова, следовательно, информант вынужден извлечь это слово (Park, U-Bahn) из памяти, чтобы произнести. Для выполнения этого важного экспериментального условия следует отбирать примеры из общеупотребительной лексики, знакомой информантам. Преимуществом такой верификации прогноза является ее направленность: в опросник включается только релевантный для исследования материал, что позволяет проверить прогноз интерференционных замен в сжатые сроки. На последующих этапах исследования было бы целесообразно перейти к проверке прогноза на базе записей естественной речи обучающихся. Для этого, возможно, потребуется создать корпус звучащей интерферирующей речи инофонов – например, на основе аудиозаписей на уроках изучаемого языка.

Список литературы

- Бархударова Е.Л. Русский консонантизм. Типологический и структурный анализ. М., 1999.
- Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам). М., 1937.
- Виноградов В.А. Лингвистические аспекты обучения языку. Вып. I: Универсальное и ареальное при обучении произношению. М., 1972.
- Виноградов В.А. Лингвистические аспекты обучения языку. Вып. II: К проблеме иностранного акцента в фонетике. М., 1976.
- Зиндер Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. М., 2003.
- Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. М., 2012.
- Козьмин О.Г., Богомазова Т.С., Хицко Л.И. Теоретическая фонетика немецкого языка. М., 1990.
- Козьмин О.Г., Никифорова В.Г. Практическая фонетика немецкого языка. М., 2004.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты. М., 1972.

- Норк О.А., Милокова Н.А.* Фонетика немецкого языка. М., 1977.
- Раевский М.В.* Фонетика немецкого языка. Теоретический курс. М., 1997.
- Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Л., 1972.
- Handbook of the International Phonetic Association. A guide to the use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge University Press, 1999.
- Helbig G.* Sprachwissenschaft – Konfrontation – Fremdsprachenunterricht. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1981.
- James C.* Contrastive analysis. Longman House, 1981.
- Nemser W.* Problems and prospects in contrastive linguistics // Modern linguistics and language teaching. Budapest, 1975.
- Nickel G.* Contrastive linguistics and foreign language teaching // Papers in contrastive linguistics. Cambridge: Cambridge university press, 1971.

Сведения об авторе: Блок Эвелина Евгеньевна, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель НИУ ВШЭ. E-mail: evelina.block@gmail.com

О.В. Попова

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО АЛЕФА В ФОРМАХ Gtn-ПОРОДЫ ГЛАГОЛА *APĀLU(M)* В НОВОВАВИЛОНСКИХ ТЕКСТАХ ИЗ УРА

В данной статье рассматриваются орфографии формы 3 sg. pres. Gtn-породы глагола *apālu(m)* «платить» в одной из юридических формул нововавилонских текстов. Эта форма в некоторых документах из архивов города Ур имеет написание, предполагающее необычную реализацию Iʔ (первого корневого алефа), который при контакте с *-t-* инфикса дает иногда написание *imtanappal*.

Ключевые слова: нововавилонский аккадский, глаголы Iʔ, Ур.

This article focuses on the spellings of the 3 sg. pres. form of Gtn-stem of the verb *apālu(m)* ‘to pay’ in one of the legal formulas from the Neo-Babylonian texts. This form in some documents from the archives of the city of Ur has a spelling with an unusual realization of Iʔ that when in contact with *-t-* of the infix gives sometimes the spelling of *imtanappal*.

Key words: Neo-Babylonian Akkadian, verbs Iʔ, Ur.

Нововавилонские тексты города Ур¹, найденные во время раскопок 1922–1934 гг. Л. Вулли [Wooley, 1962], представляют собой главным образом частные семейные архивы. Основные типы памятников, встречающиеся в этих архивах, — это документы купли-продажи (домов, земель, рабов, пребэнд), юридические разбирательства, займы, документы об усыновлении, письма, медицинские списки.

Договоры о купле-продаже обычно составлены по одному образцу, и довольно часто в них встречается юридическая формула следующего типа: *matīma ina arkāt ūmī ina aḥḥē u mārē qimti nešūti šalāti² ša bīt NP ša illū-ma ana muḥḥi eqli šuʔāti iraggu-ma umma eqlu šuʔāti ul nadin-ma kasap ul maḥir iqabbū^{LU} pāqirānu kasap imḥuru adi 12-AM itanappal³* «если когда-нибудь в будущем (кто-либо) из бра-

¹ Рассматриваемые в данной статье тексты из Ура изучаются в клинописных копиях, выполненных Х. Фигуллой [Figulla, 1949], с коллациями тех из табличек, которые доступны в British Museum. Я благодарю также Франсиса Жоаннеса и Йоко Ватай, которые предоставили мне клинописные копии изданных ими и рассматриваемых в данной статье текстов.

² Идеограмма NÍ.RI.A может быть использована для *qimtu / nešūtu / šalātu*, все три слова обозначают членов семьи в разной степени родства.

³ *ma-ti-ma ina EGIR u₄-mi i-na ŠEŠ.MEŠ DUMU.MEŠ NÍ.RI.A šá É NP šá E₁₁-ma a-na UGU A.ŠA MU.MEŠ i-rag-gu-ma um-ma A.ŠA MU.MEŠ ul na-din-ma ka-sap ul ma-ḥir i-qab-bu-ū^{LU} pa-qí-ra-nu ka-sap im-ḥu-ru a-di 12-AM i-ta-nap-pal.*

твев, детей, родственников дома X обратится в суд и относительно этого поля⁴ предъявит иск (говоря) так: “Это поле не было продано, серебро не было получено”, истец заплатит в двенадцатикратном размере серебро, которое он получил».

Обратим внимание на глагол *apālu(m)* «платить», который встречается в последней части клаузы: ^{LU}*pāqirānu kasap imḥuru adi 12-AM ṭanappal* «истец **заплатит** в двенадцатикратном размере серебро, которое он получил». Здесь мы видим форму 3 sg. pres. Gtn-породы глагола *apālu(m)*. Данная форма выступает в этой клаузе в своем стандартном значении итератива [Huehnergard, 2011: 412; Kouwenberg, 1997: 81], как действие, которое повторится 12 раз: «заплатит (полученную сумму) 12 раз».

Глагол *apālu(m)* – это глагол с первым корневым алефом (Iʔ). Стандартное поведение алефа в префиксальных формах с инфиксами *-ta/-tan-* в глаголах такого типа следующее: алеф падает, вызывая при этом компенсаторное удлинение гласного префикса [Huehnergard, 2011: 410]; т.е. стандартной формой для 3 sg. pres. является форма *ṭanappal*.

Орфографии *apālu(m)* в форме 3 sg. pres. Gtn-породы в текстах из Ура

По всему корпусу нововавилонских текстов из Ура мы встречаем рассматриваемую клаузу восемнадцать раз. В этих восемнадцати случаях алеф реализуется тремя разными способами:

- 13 раз он падает, компенсаторно удлиняя гласный префикса (что не отмечено графически⁵): *i-ta-nap-pal* (UET 4,14:30; UET 4,16:34; UET 4,17:30; UET 4,19:18'; UET 4,25:29; UET 4,8:26; UET 4,9:30; UET 4,15:24), *i-t[ā-nap-pal]* (UET 4,18:26), *i-ta-[nap-pal]* (UET 4,24:18), *i-ta-na[p-pal]* (UET 4,20:27), *i-[t]a-na[p-pal]* (UET 4,21:33), *i-ta-nap¹(PA)-pal* (UET 4,23:22)⁶;

- один раз мы встречаем написание с удвоенным *-tt-*: *it-ta-nap-pal* (UET 4,5:19);

- в других четырех случаях алеф сначала ассимилируется с последующим согласным *-t-*, а потом диссимилируется в *-m-* (по способу и месту образования; формы с диссимиляцией только по способу образования в *-n-* не зафиксированы). Это дает форму *imtanappal* = 3 sg. pres. Gtn: *i+ʔ+tan+a-ppal*, где *ʔ>tt>(*nt)>mt*. Итак, орфография *im-ta-nap-pal* встречается в текстах UET 4,12:25; UET 4,7:28; UET 4,11:9'; UET 4,13:31.

⁴ Дома (É), пребенды (GIŠ.SUB.BA).

⁵ Немаркированная долгота гласного в аккадских текстах – обычное явление [Militarev, Kogan, 2000: CXXIV].

⁶ Форма записывается чаще всего в одинаковой орфографии: V-CV-CVC-CVC.

Здесь речь идет об алефе – первом радикале глагольного корня, который ассимилируется с *-t-* инфикса (что мы видим в случаях удвоенного написания *-tt-*). Потом происходит диссимилиация в последовательности двух дентальных. Регрессивная диссимилиация звонких дентальных является нормальной для всех периодов аккадского языка. Переход *dd>nd/md* – один из стандартных фонетических процессов [Липин, 1964: 37; Ungnad, 1969: § 22c; GAG: § 32b; Woodington, 1982: 24–25]. Но мы видим, что носовой согласный изначально появляется как следствие регрессивной диссимилиации только в последовательности звонких согласных [GAG: § 32b, 32c], назализация же перед глухими появляется только в нововавилонский период и остается очень редкой. Когда в слове есть корневое *-m-*, диссимилиация дает *-n-*, когда есть корневое *-n-*, диссимилиация дает *-m-* [Woodington, 1982: 25]⁷. Возможно, в случае с рассматриваемой формой Gtn-породы глагола *apālu(m)* диссимилиация доходит до *-m-* из-за наличия носового дентального в инфиксе *-tan-*. Иными словами, мы имеем дело одновременно с контактной диссимилиацией с последующим дентальным взрывным и дистантной диссимилиацией с носовым дентальным инфикса.

Поведение алефа в случае с глаголом *apālu(m)* необычно. Вместо того чтобы падать, удлиняя гласный префикса спряжения, алеф ведет себя скорее как глаголы с *In* или *Iw* [Huehnergard, 2011: 409–410], т.е. ассимилируется с последующим *-t-* инфикса подсистемы. Эту стадию мы, возможно, видим в случае *it-ta-nap-pal* (UET 4,5:19). Далее, при отсутствии форм с диссимилиацией только по способу образования мы находим четыре случая диссимилиации в носовой лабиальный (*?t>tt>(*nt)>mt*).

Сравнение с другими нововавилонскими архивами

Если обратиться к этой клаузе в других нововавилонских контрактах купли-продажи такого типа, то мы увидим следующее.

По всему корпусу текстов по купле-продаже домов, рассмотренных в диссертации Й. Ватай, мы встречаем рассматриваемую клаузу 62 раза [Watai, 2012]. Наравне с наиболее распространенным написанием *i-ta-nappal* мы встречаем четыре написания с удвоенным

⁷ А. Унгнад [Ungnad, 1969: 16], В. фон Зоден [GAG: § 32] и Г.Х. Каплан [Каплан 2006: 35, § 22 г] говорят о частой регрессивной диссимилиации в последовательности из двух звонких дентальных (и главным образом после гласных *a* и *u*), вследствие которой появляется носовой палатальный *ṇ*, для которого нет отдельного клинописного обозначения и который явствует из чередования написаний *n* и *m* в данной позиции. Но мы имеем дело с позицией после *i* и к тому же не встречаем ни одной орфографии с **in-ta-* для этой формы глагола *apālu(m)* по всему рассмотренному корпусу текстов.

-*tt-* (Dar. 245:27 *it-tap-pal*; Liverpool 18:28 *it-ta-nap-pal*; TEBR 79:31 *it-ta-nap-[pal]*; OIP 122 10:28 *it-ta-nap-pal*) и одно написание *im-ta-na[p]-pal* в тексте из Вавилона (Pohl 8 3:33), которое Й. Ватай вслед за М. Сан Николо [San Nicolò, 1951: n°34] отмечает как ошибочное (*im'-ta-nap-pal*).

В работе М. Сан Николо (1951), где представлены 34 документа по купле-продаже недвижимости [San Nicolò, 1951: n°3-36], помимо текстов, переизданных Й. Ватай, мы встречаем 25 написаний *i-ta-nap-pal* в интересующей нас клаузе. В шести контрактах купли-продажи, опубликованных М. Сан Николо в 1960 году, рассматриваемая клауза встречается 5 раз [San Nicolò, 1960: n°8–12] (из них один в поврежденном контексте) и каждый раз она написана стандартным образом с выпадением алефа (*i-ta-nap-pal*). Среди документов, изданных Ф. Жоаннесом в 1982 г., мы находим три документа по купле-продаже недвижимости: два написания *i-ta-nap-pal* (n°77, 78) и одно уже упомянутое *it-ta-nap-[pal]* (n°79:31 = АО 20175). Также эта клауза встречается в документе о продаже пребенды пивовара (n°83 = АО 19641:21) в написании *i-ta-nap-pal*. В издании архивов Борсиппы, подготовленном Ф. Жоаннесом [Joannès, 1989], данная клауза встречается 6 раз. Из них 4 раза мы встречаем стандартное написание *i-ta-nap-pal* (A 131:21; TuM 2/3 14:21; TCL 12-13 6:25; TuM 2/3 17:23) и 1 раз – написание с удвоением согласного *it-ta-nap-pal* (NBC 8395:27). К этому добавляется орфография *im-ta-nap-pal* в точно такой же клаузе нововавилонского текста из Урука VAS 15 29:28⁸.

Мы рассмотрели, не считая текстов из Ура, еще 97 аттестаций клаузы ^{LU}*pāqirānu kasap imḥuru adi 12-ÀM ītanappal*. В большинстве из них алеф падает, однако имеется 5 форм с графикой *-tt-* и 2 формы с графикой *-mt-* (из Вавилона и Урука).

В CAD зафиксировано 27 форм глагола *apālu(m)* [CAD A₂: 155–165] с префиксом спряжения *i-* Gtn-породы в других употреблениях. Две из них имеют орфографию с удвоенным *-tt-*⁹, а остальные – орфографию *i-ta-nappal*¹⁰. Иными словами, чаще всего опять-таки происходит удлинение гласного в префиксе спряжения¹¹.

Если посмотреть по CAD на другие глаголы I? с инфиксом *-ta/-tan-* в спрягаемых формах системы G, мы больше не находим написа-

⁸ Селевкидский период. Копия текста выполнена О. Шрёдером [Schroeder, 1916].

⁹ *i-it-ta-ap-la-a-an-ni* для 3 sg. prf. (BIN 7 38:14), *it-ta-[ap-pa-lu]* Gt 3 sg. pres. (АтаВ 31.01 = АИТ 18: 13). Оба текста старовавилонские.

¹⁰ С разной орфографией конца формы.

¹¹ Стоит сделать оговорку, что из всех примеров CAD, только два относятся к нововавилонскому периоду.

ний *-mt-*. Также нет ни одной зафиксированной формы с орфографией *in-ta-...* Удвоенное написание *-tt-* встречается всего 5 раз для форм G prf., Gt или Gtn, если не считать форм глагола *alāku(m)*¹².

Анализ орфографии *imtanappal*

Вернемся к текстам из Ура. Наиболее стандартной формой написания 3 sg. pres. Gtn-породы *apālu(m)* здесь остается форма с удлинением гласного. И все же из всего рассмотренного корпуса текстов четыре примера из шести с орфографией *im-ta-nap-pal* встречаются именно здесь.

Тексты с рассматриваемой клаузой в Уре принадлежат к разным архивам и были написаны разными писцами в различные периоды. Написания *ītanappal* разбросаны от царствования Шамаш-шумукина (UET 4,15 около 657 г. до н. э.) до Дария III (UET 4,25: 332 г. до н. э.), а написание *imtanappal* встречается в текстах, датируемых Навуходоносором II (UET 4,7: 575 г. до н. э.), Камбизом (UET 4,13: 528 г. до н. э.), Дарием I (UET 4,12: 504 г. до н. э.) и Дарием II (UET 4,11: год отбит).

По сравнению с другими глаголами, *apālu(m)*, по крайней мере, в нововавилонский период, не один раз показывает необычное поведение начального алефа. Рядом со стандартными формами, где алеф, падая, удлиняет впереди стоящий гласный, мы встречаем формы с ассимиляцией и последующей диссимиляцией алефа с последующим глухим дентальным. А регрессивная ассимиляция / диссимиляция спрягаемых форм с *lʾ* – явление странное.

Сама диссимиляция глухих дентальных является довольно редким случаем даже в нововавилонский период, тогда как последовательность *-tt-* очень частотна. Итак, в Уре встречается четыре из шести случаев с *-mt-* и один из шести случаев с *-tt-*. Попробуем подвести итоги рассуждений и предположить объяснения орфографии *imtanappal*.

Одним из объяснений форм с *-mt-* и *-tt-* могло бы быть смешение с системой N-породы, где алеф ведет себя как *-n*¹³, или с глаголами

¹² Для глагола *abāku(m)* «уводить»: *it-tab-bak-ka* (Camb. 311:4, CAD A₁:6); для глагола *akālu(m)* «есть»: *it-ta-nak-ka-lu* (в дубликате есть вариант *i-ta-na-kal*) (AnSt 8 58:20 (Nbn), CAD A₁:250); для глагола *awū(m)* «говорить»: *it-ta-mi* (STT 28 ii 21', CAD A₂:87); для *arāru(m)* «дрожать»: *it-ta-na-ar-ra-ru* (CT 41 11:18; CT 28 9:34, CAD A₂:237). Из них первые три примера относятся к нововавилонскому, а примеры с *arāru(m)* к стандартному вавилонскому.

¹³ Такое явление мы видим в формах Gt и Gtn глагола *alāku(m)* «идти», где происходит удвоение *-tt-* [Huehnergard, 2011: 410]. Про образование глаголами *lʾ* префиксальных форм N-породы см. работу Н. Кауэнберга [Kouwenberg, 2010: 333–352].

с *ln* или *lw* [Huehnergard, 2011: 410], где происходит ассимиляция первого радикала с последующим *-t-* инфикса. Иными словами, данное явление могло бы объясняться, в частности, смешением глагола *apālu(m)* с глаголом (*w*)*abālu(m)* «приносить», принимая во внимание падение начального *w* к нововавилонскому периоду¹⁴. Однако для глагола (*w*)*abālu(m)* в форме Gtn [CAD A₁: 23–24] мы встречаем только орфографию с ассимиляцией начального *w* с *-t-* инфикса (*wt>tt*), но не наблюдаем ни одного случая последующей диссимиляции первого дентального в *n* или в *m*. К тому же влияние глагола (*w*)*abālu(m)* представляется несколько натянутым, учитывая смысловую прозрачность контекста и частотность этой юридической формулы.

Возможно, в связи с переходами лабиальных к 1 тыс. стоит вспомнить факт перехода **m>w* в средневавилонский период, когда интервокальный *-m-* переходит в *-w-*, и как результат *-m-* и *-w-* становятся аллофонами одной фонемы [Greenstein, 1977: 148–168; Militarev, Kogan, 2000: LXXI–LXXII; Коган, Лёзов, 2009: 125], которые на письме обозначаются нововавилонскими писцами через серию М, не принимая во внимания этимологии отдельных лексем [GAG § 21d; Greenstein 1977: 160; Militarev, Kogan, 2000: LXXI–LXXII]. А глаголы *Im* не дают ассимиляций в формах Gt/Gtn¹⁵, а сохраняют последовательность *-mt-*.

Скорее всего, за орфографией *-mt-* в формах Gtn-породы глагола *apālu(m)* стоит определенная фонетическая реалья, но пока такую реализацию *Iʔ* мы встречаем только в этих формах и только в рассмотренной юридической формуле. Приходится предположить, что если *-m-* и *-w-* совпадают в интервокальной позиции в средне- и нововавилонском, а *w* в анлауте в этот период ведет себя либо так же, как *ʔ*, т. е. падает, либо реализуется как *m* (по крайней мере, передается знаками серии MV), то глаголы с *Iʔ* могут начать путаться с глаголами с *Im*, что дает для 3 sg. pres. Gtn глагола *apālu(m)* форму *imtanappal*.

Список литературы

- Каплан Г.Х. Очерк грамматики аккадского языка. СПб., 2006.
 Коган Л.Е., Лёзов С.В. Аккадский язык // Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М., 2009.
 Липин Л.А. Аккадский язык. М., 1964.

¹⁴ *Iw* в анлауте к нововавилонскому периоду либо падает (т. е. ведет себя как *Iʔ*), либо передается знаками MV [Коган, Лёзов, 2009: 125].

¹⁵ Например, *im-ta-na-al-lu-ú* (Maqlû I:9) форма Gtn-породы для глагола *malû(m)* «наполнять».

- CAD*: The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956–2010.
- Figulla H.H.* Ur excavations texts IV. Business Documents of the New-Babylonian period. L., 1949.
- GAG: von Soden W.* Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1969.
- Greenstein E.L.* Phonological Studies in Akkadian. Ph.D. thesis, Columbia University, 1977.
- Huehnergard J.* A Grammar of Akkadian. 3rd ed. Winona Lake, 2011.
- Joannès F.* Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982.
- Joannès F.* Archives de Borsippa. La famille Ea-ilûta-bâni. Étude d'un lot d'archives familiales en Babylonie du VIIIe au Ve siècle av. J.-C. Genève, 1989.
- Kogan L.* Proto-Semitic Phonetics and Phonology // The Semitic Languages. An International Handbook. Göttingen, 2011.
- Kouwenberg N.* Gemination in the Akkadian Verb. Assen, 1997.
- Kouwenberg N.* The Akkadian Verb and its Semitic Background. Winona Lake, 2010.
- Militarev A., Kogan L.* Semitic Etymological Dictionary. Vol. 1: Anatomy of Man and Animals. Münster, 2000.
- San Nocolò M.* Babylonische Rechtsurkunden. Des Ausgehenden 8. und des 7. Jahrhunderts v. Chr. München, 1951.
- San Nocolò M.* Babylonische Rechtsurkunden aus dem 6. Jahrhundert v. Chr. München, 1960.
- Reiner E.* A linguistic analysis of Akkadian. The Hague, 1966.
- Schroeder O.* Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka. Vorderasiatische Schrift-denkmäler der Königlichen Museen zu Berlin Heft XV. Berlin, 1916.
- Ungnad A.* Grammatik des Akkadischen. München, 1969.
- Watai Y.* Les maisons néo-babyloniennes d'après la documentation textuelle. Ph.D. thesis, Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, 2012.
- Woodington N.R.* A Grammar of the Neo-Babylonian Letters of the Kuyunjik collection. Ph.D. thesis, Yale University, 1982.
- Woolley L.* Ur excavations IX. Neo-babylonian and persian periods. L., 1962.

Сведения об авторе: Попова Ольга Витальевна, соискатель Института языкознания РАН. E-mail: olga.v.popova@gmail.com

М.Ю. Снесарева

ДУБЛИНЦЫ И ИХ ИРЛАНДСКИЙ: ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Статья посвящена изучению палатализации в речи дублинских носителей ирландского с английским в качестве основного языка общения. В речи подобных говорящих неоднократно отмечалась, но до настоящего времени не была описана отличная от традиционной нормы тенденция в дистрибуции палатализованных согласных, интересная не только с фонетической точки зрения, но и потому, что в ирландском языке наличие или отсутствие палатализации имеет фонологическую функцию.

Ключевые слова: ирландский язык, фонетика, палатализация, языковой контакт, речь билингов, дублинский ирландский, второй язык.

This paper focuses on palatalization and palatalized consonants distribution in Irish spoken by Dublin-based Irishmen with English as their first language. Certain deviations in palatalized consonants distribution in bilingual Irish speakers' data have already been pointed out by scholars, yet no thorough investigation has been conducted so far. This phenomenon acquires special prominence not only in terms of phonetics, but also because in Irish palatalization performs phonological functions.

Key words: Irish language, phonetics, palatalization, language contact, bilingual speakers, Dublin Irish, second language.

1. Ирландский язык в ситуации контакта

Ситуация двуязычия складывалась в Ирландии на протяжении столетий, при этом если официально ирландский до сих пор считается основным языком страны [Bunreacht na hÉireann, 2013: 8–9], на практике даже жители гэлтахтов (регионов, в которых ирландский принят в качестве языка повседневного общения) являются билингвами, в то время как подавляющее большинство населения использует английский язык как в сферах государственной и общественной жизни, так и в быту.

На положение ирландского языка и уровень владения им говорящими повлияли не только соседство двух стран и постепенное укрепление статуса английского языка, начиная с введенных в конце XVII в. Пенитенциарных законов, ограничивающих права католического населения страны, но и – в более позднее время – социальные изменения, произошедшие в Ирландии во второй половине прошлого века. По словам О'Риаганя, в первую очередь это касается резкого

изменения системы социального взаимодействия: «До этого момента социальные сети, как правило, были локальны: после 1960 года они начали становиться всё более дифференцированными» [Ó Riagáin, 1997: 273].

В результате, как отмечает исследователь, «не только снижается число браков между носителями ирландского языка, но и есть все основания предполагать, что за последние десятилетия родители с высоким уровнем владения языком стали менее эффективны в воспитании детей с таким же хорошим знанием ирландского» [Ó Riagáin, 1997: 273–274]. Это наблюдение подтверждают и более новые данные, согласно которым даже при условии использования ирландского языка в семье нередки случаи, когда только один из родителей говорит на нем ежедневно [Ní Chonchúir, 2012].

Всё это приводит к тому, что уже в раннем возрасте ребенок не является полностью изолированным от влияния английского языка. Это неоднократно отмечалось учеными в ходе исследований и полевых работ: «Приходится задаваться вопросом, не говорит ли англоязычное телевидение с детьми в гэлтахтах больше, чем их родители, если измерять [данное время] в часах в день. В любом случае оно говорит с ними достаточно долго, чтобы к пяти годам обеспечить свободное владение английским языком и предоставить основные темы для разговора с друзьями» [Hindley, 1990: 200]. В последнее время также отмечается и ослабление соседских связей, что не может не сказаться на усвоении детьми ирландского языка: «Даже если взрослые общаются в пределах слышимости детей, что они делают гораздо реже ввиду ослабления коммуникации между соседями, это может показаться простым фоновым шумом по сравнению с более стимулирующим телевидением и современными гаджетами» [Lenoach, 2012: 61].

К тому же, английский – это и язык большинства средств массовой информации, киноиндустрии, Интернета и социальных сетей, которые в свою очередь оказываются важным источником языкового материала для детей. В результате даже в семьях, где говорят по-ирландски, дети могут стать англоговорящими или так называемыми спонтанными носителями английского [Lenoach, 2012].

В сложившейся ситуации постоянного языкового контакта переключение с одного языка на другой неизбежно и не вызывает у говорящих особого затруднения. Вместе с тем, если двадцать лет назад переход с ирландского на английский и наоборот неизменно описывался как «довольно ровный, происходящий без заметных пауз между элементами двух языков» [Stenson, 1991: 573], в случае более молодого поколения носителей ситуация несколько иная из-за недостаточно беглого владения говорящими вторым языком, а также трудностей с их основным языком [Lenoach, 2012: 53]. В целом переход с

ирландского на английский наблюдается гораздо чаще, чем обратный процесс, что свидетельствует не только о стремлении носителей избежать двусмысленности и недопонимания [Ó Curnáin, 2012: 355], но и о снижении уровня ирландского языка [Ní Chonchúir, 2012] и отведении английскому предпочтительной роли в официальном и повседневном общении.

2. Палатализация в ирландском языке

Условия постоянного контакта приводят к неизбежному взаимовлиянию языков, что в случае с ирландским проявляется на всех уровнях языка, в том числе на уровне фонетики, при этом подобное влияние отмечается и в речи носителей языка как родного [Lepoach, 2012]. Для настоящей работы интересным представляется следующее наблюдение: «Влияние особенно заметно в случае с ирландскими палатализованными согласными, так как оппозиция палатальных и непалатальных в английском отсутствует» [Ó Béarra, 2007: 264]. В цитируемой статье это предположение, однако, выдвигается без проверки на практике.

Что же касается самого ирландского языка, в нем, как и в русском, палатализация системна, и все согласные звуки (за исключением глоттального фрикативного [h]) имеют оппозицию по признаку палатальности/непалатальности. Наиболее наглядно систему ирландских согласных можно представить в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Согласные звуки в современном ирландском языке

	Лабialsные	Дентальные	Велярные	Глоттальные
Смычные	p, pʲ; b, bʲ	t, tʲ; d, dʲ	k, kʲ; g, gʲ	
Фрикативные	f, fʲ; v, vʲ	s, sʲ	x, xʲ; ɣ, ɣʲ	h
Носовые	m, mʲ	n, nʲ		
Латеральные		l, lʲ; r, rʲ		

В ирландском языке палатализация может выполнять целый ряд функций. Так, например, палатальностью или непалатальностью начального согласного отличаются фонетически следующие пары слов: bog ‘мягкий’ – beag ‘маленький’, cathair ‘большой город’ – ceathair ‘четыре’, fabhra ‘ресница’ – Feabhra ‘февраль’, galach ‘воин’ – gealach ‘луна’, manach ‘монах’ – meánach ‘внутренности’, раса ‘пакет’ – реаса ‘грех’. Кроме того, с помощью палатализации конечного согласного существительных мужского рода происходит образование форм генитива ед. числа и номинатива мн. числа (cupán – ‘чашка-им. ед’ и ‘чашка-род. мн’, cupáin – ‘чашка-им. мн’ и ‘чашка-род. ед’).

Оппозиция по признаку палатальности/непалатальности является бинарной, т. е. включает два члена – палатальный и непалатальный согласный. Тем не менее отмечается, что в традиционных диалектах (особенно на севере и западе Ирландии) дентальные носовые и плавные согласные могут иметь различную степень проявления данного признака «в зависимости от положения слога в слове, а также его ударности или безударности» [Hickey, 2014: 43]. К дублинским же говорящим, не находящимся в условиях непосредственного контакта с носителями диалектов, данное замечание не относится, а, значит, в рамках настоящей работы можно ограничиться двумя вариантами проявления признака для всех согласных.

Что касается положения слога в слове, при анализе представляется важным учитывать позиции наибольшего контраста звуков по признаку палатальности, так как возникающие в них отклонения будут наиболее показательны. Для большинства ирландских согласных такими позициями являются: начало слова перед ударным гласным, интервокальное положение после ударного гласного, а также конец слова после ударного гласного. Первая позиция не показательна только в случае вибранта [ɾ], который никогда не бывает палатальным в абсолютном начале слова. Для данного звука сильной становится позиция в качестве второго элемента консонантного кластера в начальном слоге [Hickey, 2014].

Следует также отметить, что в рамках данной работы не производится рассмотрение велярных фрикативных согласных и глоттального [h] в связи с тем, что последний не может быть палатализованным, в то время как [x], [χ] и аналогичные им палатальные являются результатом мутации и встречаются в ограниченном числе контекстов, что не позволяет в должной мере сопоставить их с остальными звуками на имеющемся материале. Дистрибуция дентальных фрикативных также остается за рамками настоящей статьи в связи с недостаточным количеством употреблений звуков в позициях наибольшего контраста; тем не менее их рассмотрение планируется включить в дальнейшее исследование.

3. Материал и метод анализа

В качестве основного метода исследования был выбран метод компьютерного анализа речи с помощью программы Praat [Boersma, Weenink, 2013], включающий транскрибирование монологов, определение позиций наибольшего контраста по признаку палатальности для каждого звука, вычленение отклонений в произношении в различных позициях, сведение результатов в таблицу и, наконец, непосредственно акустический анализ данных.

Используемый в работе материал представляет собой ряд отрывков спонтанной речи монологического характера с общим временем говорения в 42 минуты 15 секунд. За неимением прямого доступа к

носителям языка в качестве источника материала были выбраны записи радиопередач дублинского Raidió na Life ‘Радио Лиффи’. Для данной работы использовались программы Fada is Fairsing ‘Во всех краях’ и An Oíche Shóisialta ‘Светский вечер’, вышедшие в эфир в 2013–2014 и 2012 гг. соответственно.

Для анализа были отобраны данные восьми носителей ирландского языка (табл. 2), выросших и/или проживающих в Дублине и соответственно не использующих ирландский в качестве языка повседневного общения.

Таблица 2

Основные данные об информантах

№	Пол	Приблизительный возраст (лет)	Место жительства на момент интервью
1	женский	20–30	Дублин
2	женский	40–50	Глазго (выросла в Дублине)
3	мужской	40–50	Глазго (вырос в Дублине)
4	мужской	30–35	Дублин
5	мужской	4–50	Дублин
6	мужской	25–30	Дублин
7	женский	30–40	Дублин
8	женский	25–35	Дублин

Учитывалось также владение языком говорящих, при этом главными критериями отбора стали беглость речи, способность внятно излагать мысли на ирландском языке и минимальное использование в беседе английских слов.

4. Типы отклонений и их частотность

Отправной точкой исследования стало неоднократно отмечавшееся в речи дублинских носителей ирландского, но до настоящего времени нигде не описанное явление, представляющее собой отличную от традиционной нормы тенденцию в дистрибуции палатализованных согласных, а также упомянутое выше предположение о влиянии английского языка в данной сфере [Ó Béarra, 2007: 264]. Особый интерес в этой связи представляют именно отклонения в дистрибуции, которые по своему характеру делятся на два типа: произнесение непалатализованного согласного вместо палатализованного (далее – отсутствие палатализации) и, наоборот, произнесение палатализованного согласного вместо непалатализованного.

Учитывая ситуацию языкового контакта, а также отсутствие оппозиции палатальных и непалатальных согласных в первом языке говорящих, английском, было выдвинуто предположение, что среди всех отклонений в дистрибуции должен преобладать первый тип.

Действительно, отсутствие палатализации было отмечено в речи всех восьми информантов и составило бо́льшую часть обнаруженных отклонений. Произнесение палатализованного согласного вместо непалатализованного встречалось гораздо реже, и только у двух носителей (информанты 1 и 4) – в нескольких словах (табл. 3).

Таблица 3

Второй тип отклонений – представленные звуки и контексты

Информант	t	d	n	l
1	tuilleadh 'больше'	daoine 'люди'		labhairt (2) 'говорить'
4			naoi 'девять'	bualadh (2) 'собираться' slua (2) 'толпа' sluaite 'толпы'
5		daoine 'люди'		
6		daoine 'люди'		
7				eolaíocht 'наука'
Итого:	1	3	2	8

Если же обратиться к отсутствию палатализации, то здесь особенно интересно сравнить число подобных примеров для каждого согласного звука – как в позициях наибольшего контраста, так и во всех остальных (при наличии). Обнаруженные отклонения можно наглядно представить в виде таблицы (табл. 4).

Таблица 4

Отклонения и общее число контекстов (позиции контраста)

	Ин-т 1	Ин-т 2	Ин-т 3	Ин-т 4	Ин-т 5	Ин-т 6	Ин-т 7	Ин-т 8
p	0/9	0/6	0/9	0/7	0/10	0/1	0/0	0/14
b	0/38	0/27	0/17	0/35	0/23	0/17	0/10	0/7
t	0/49	2/43	0/21	4/120	1/89	0/24	0/41	0/32
d	0/67	1/47	1/45	2/105	0/83	0/33	0/36	1/25
k	2/36	0/21	0/34	1/66	0/30	0/15	0/18	0/27
g	0/46	0/13	0/20	0/47	2/30	0/13	0/25	0/14
f	1/27	2/24	0/13	6/57	0/23	0/12	0/10	0/12
v	2/31	2/40	0/17	2/87	0/36	0/18	0/17	0/32
m	1/41	3/32	0/19	1/95	1/54	0/24	0/22	2/26
n	4/95	2/71	2/66	2/153	3/113	2/47	0/46	3/63
l	19/95	28/82	8/40	14/177	15/75	7/38	0/41	11/50
r	4/65	1/25	5/34	6/108	3/65	1/21	3/19	2/29

Следует отметить, что довольно большое число отклонений в речи всех восьми носителей касается сонорных, особенно звуков [п], [л], [р]. Сходная картина наблюдается и в остальных позициях (к ним относятся, например, абсолютный конец слова и интервокальная позиция не после ударного гласного), где практически все отклонения связаны с произнесением сонорных (табл. 5).

Таблица 5

Отсутствие палатализации в неконтрастных позициях

	Ин-т 1	Ин-т 2	Ин-т 3	Ин-т 4	Ин-т 5	Ин-т 6	Ин-т 7	Ин-т 8
p						1		
b								
t								
d		2		2				
k								
g								
f								
v								
m	5	7	6	2	3			1
n	7	5	5		3	4	2	1
l	8	2	3	8	2	3	2	4
r	11	13	6	9	6		2	1

При сведении данных в общую таблицу для всех позиций (табл. 6) преобладание отклонений в произнесении сонорных по сравнению с остальными звуками становится еще более очевидным.

Таблица 6

Отсутствие палатализации – общее число примеров

	Ин-т 1	Ин-т 2	Ин-т 3	Ин-т 4	Ин-т 5	Ин-т 6	Ин-т 7	Ин-т 8
p						1		
b								
t		2		4	1			
d		3	1	4				1
k	2			1				
g					2			
f	1	2		6				
v	2	2		2				
m	6	10	6	3	4			3
n	11	7	7	2	6	6	2	4
l	27	30	11	22	17	10	2	15
r	15	14	11	15	9	1	5	3

Несмотря на наличие отклонений в данных всех информантов, необходимо отметить и некоторые различия между носителями: так, в речи первых четырех говорящих отсутствие палатализации встречается чаще и касается практически всех анализируемых звуков. Следует также подчеркнуть, что на данный момент отсутствие палатализации в речи дублинских носителей ирландского является скорее тенденцией, а не укоренившейся привычкой, так что одно и то же слово может произноситься одним и тем же говорящим как в соответствии с нормой, так и с отклонениями, что наблюдалось в анализируемых записях.

Итак, обобщая данную часть работы, следует заметить, что для разных согласных число случаев отсутствия палатализации неодинаково, и сами звуки можно расположить на прямой от согласных с наибольшим числом отклонений (сонорные) до практически их не имеющих (схема).

Схема

Классификация звуков по числу отклонений

[n], [l], [r] [m] [d] [v], [f] [t] [k] [g], [p]

Так, применительно к звукам [g] и [p] палатализация отсутствует только в данных одного говорящего (информанты 5 и 6 соответственно), в то время как для звонкого губно-губного [b] не было выявлено ни одного отклонения в дистрибуции.

5. Зависимость отклонений от позиции звука в слове

Обнаруженные в речи информантов случаи отсутствия палатализации можно сгруппировать и по месту, которое рассматриваемый звук занимает в слове (табл. 7, где цифры в скобках обозначают число подобных примеров для каждого слова).

В первую очередь следует отметить сравнительно небольшое число отклонений в абсолютном начале слова (в том числе и в консонантном кластере). На последний слог, напротив, приходится подавляющее число случаев отсутствия палатализации – причем как в односложных словах и после ударного гласного (т. е. в сильной позиции), так и в безударных слогах. Отдельного внимания заслуживают и примеры отклонений после долгих гласных непереднего ряда [a:] и [u:], где, в отличие от остального материала, допускавшего вариативность произношения, палатализация отсутствовала во всех контекстах.

Таблица 7

Примеры отклонений, сгруппированные по позиции звука в слове

Позиция	Слово (число примеров)	Звук
Начало слова	déanamh (1) 'делать', faoi deara (1) 'заметить', dé (1) 'день'	d
	teideal (1) 'название', teacht (6) 'прийти'	t
	minic (1) 'часто'	m
	an mheánscoil (1) 'средняя школа'	v
	fear (2) 'мужчина', fear (1) 'лучший'	f
Интерво- кальная после ударного гласного	Tríonóide (2) 'Троица-род.ед'	d
	feicim (1) 'вижу'	k
	Life (5) 'Лиффи', oifigeach (1) 'чиновник'	f
	baile (3) 'город', eile (8) 'другой', léarscáilíocht (1) 'картография', oileán (2) 'остров', uilig (1) 'весь'	l
	beagáinín (1) 'немного', daoine (2) 'люди', duine (1) 'человек', éinne (1) 'кто-нибудь', Gearmáinis (1) 'немецкий язык', sine (1) 'старше', Spáinnis (1) 'испанский язык', tháinig (1) 'пришел'	n
	díospóireachta (2) 'дебат-род.ед', díospóireachtaí (1) 'дебаты', díreach (1) 'прямой', áirithe (2) 'определенный', uaire (1) 'час-род. ед', tíre (2) 'страна-род.ед'	r
Консо- нантный кластер	láidre (2) 'сильнее'	d
	an-cheangailt (1) 'сильная связь'	l
	seantuismitheoirí (1) 'бабушка и дедушка', tuismitheoirí (1) 'ро- дители'	m
	muidne (2) 'мы-эмф'	n
	breá (1) 'замечательный', freisin (1) 'тоже', láidre (2) 'сильнее'	r
Абсолютный конец слова		
В одно- сложном слове	muid (2) 'мы'	d
	craic (2) 'веселье'	k
	dóibh (1) 'к ним', libh (3) 'с вами'	v
	bhfuil (31) 'быть', bhuel (14) 'ну', ceoil (6) 'музыка-род.ед', toil (1) 'желание', fóill (2) 'еще', níl (17) 'нет', scoil (2) 'школа'	l
	fuaim (3) 'звук', suim (4) 'интерес'	m
	bliain (3) 'год', féin (1) 'сам', linn (1) 'с нами', ó shin (1) 'назад'	n
	chuir (1) 'положил', os comhair (1) 'напротив', go léir (2) 'все', nuair (2) 'когда', stair (4) 'история', uair (2) 'час', tír (4) 'страна'	r
После –ú [u:]	cosúil (3) 'похожий', difriúil (3) 'разный', éagsúil (1) 'различный', suimiúil (3) 'интересный', súil (1) 'глаз'	l
	dúinn (1) 'к нам'	n
После –á [a:]	cloisteáil (2) 'слышать', coinneáil (1) 'держат', dáil (2) 'собрание', teagmháil (4) 'связь', fáil (5) 'получать', feiceáil (2) 'видеть', gabháil (1) 'хватать'	l
	amháin (2) 'один', amhráin (1) 'песня-род.ед', gréasáin (1) 'интернет-род.ед'	n

Позиция	Слово (число примеров)	Звук
В безударном слоге	uilig (2) 'весь'	g
	bunscoil (2) 'начальная школа', freastail (1) 'посещать', meánscoil (4) 'средняя школа', Teampaill (6) 'храм-род.ед'	l
	feicim (2) 'вижу', foghlaim (6) 'учу', measaim (1) 'думаю', silim (10) 'считаю', tuigim (2) 'понимаю'	m
	Albain (5) 'Шотландия', Breatain (2) 'Британия', ealaín (2) 'искусство', in Éirinn (11) 'в Ирландии', freisin (1) 'тоже', idirlín (1) 'интернет-род.ед'	n
	ábhair (1) 'предметы', athair (1) 'отец', b'fhéidir (8) 'возможно', cainteoir (3) 'говорящий', cathair (5) 'большой город', ceathair (1) 'четыре', cumadóir (2) 'композитор', féidir (1) 'можно', Gaeilgeoir (1) 'ирландскоговорящий', labhair (1) 'говорил', láthair (4) 'место', leathuair (2) 'полчаса', máthair (1) 'мать', obair (11) 'работа', soiléir (1) 'ясно'	r

6. Заключение

Несмотря на ограниченное количество имеющихся данных и необходимость дальнейшей проверки полученных результатов на практике, уже сейчас можно сделать несколько предварительных выводов. Прежде всего отклонения в дистрибуции палатализованных и непалатализованных согласных подчиняются некоторым закономерностям и в той или иной степени присутствуют у всех информантов. Тем не менее наличие вариативности в произношении (даже в речи одного и того же говорящего) свидетельствует о том, что данное явление нельзя назвать устоявшимся, и только время покажет, оформится ли оно в произносительный стандарт «дублинского ирландского».

Говоря о причинах возникновения тенденции к отсутствию палатализации в речи дублинских носителей, представляется обоснованным считать одним из факторов ситуацию контакта в целом и влияние английского языка, в частности, так как все информанты являются билингвами, при этом английским владеют более уверенно.

Учитывая обнаруженные закономерности, необходимо принимать во внимание и ряд других факторов, включая тип звука (отсутствие палатализации сонорных встречается в данных всех информантов), его позицию в слове (значительное число примеров приходится на последний слог слова, даже если он оказывается ударным) и соседние звуки (в ряде случаев палатализация отсутствует, если согласному предшествует долгий гласный переднего ряда [a:] и [u:]).

Полученные результаты тем не менее нельзя назвать окончательными, и только после проведения полевого исследования можно будет с большей долей уверенности определить причины данной тенденции и ее границы.

Список литературы

- Boersma P., Weenink D.* Praat: doing phonetics by computer (компьютерная программа), 2013. URL: <http://www.praat.org/>
- Bunreacht na hÉireann.* Constitution of Ireland. Dublin, 2013.
- Hickey R.* The sound structure of Modern Irish. Berlin, 2014.
- Hindley R.* The death of the Irish language: a qualified obituary. L., 1990.
- Lenoach C.* An Ghaeilge iarthraidisiúnta agus a dioscúrsa // An chonair chaoch: an mionteangachas sa dátheangachas. Gaillimh, 2012.
- Ní Chonchúir A.* Feasacht sochtheangeolaíochta agus riachtanais siollabais chainteoirí dúchais na Gaeltachta // An chonair chaoch: an mionteangachas sa dátheangachas. Gaillimh, 2012.
- Ó Béarra F.* Late Modern Irish and the dynamics of language change and death // The Celtic languages in contact: papers from the workshop within the framework of the XIII International congress of Celtic studies. Potsdam, 2007.
- Ó Curnáin B.* An Ghaeilge iarthraidisiúnta agus an phragmataic chódmheasctha thiar agus theas // An chonair chaoch: an mionteangachas sa dátheangachas. Gaillimh, 2012.
- Ó Riagáin P.* Language policy and social reproduction: Ireland 1893–1993. Oxford, 1997.
- Stenson N.* Code-switching vs. borrowing in Modern Irish // Language contact in the British Isles. Proceedings of the VIII International symposium on language contact in Europe. Tübingen, 1991.

Сведения об авторе: *Снесарева Марина Юрьевна*, аспирант кафедры германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: msnesareva@gmail.com

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 10: Материалы цензурской деятельности. СПб.: Наука, 2014. 704 с.

Вышедший только что десятый том Полного собрания сочинений и писем И.А. Гончарова содержит материалы цензурской деятельности писателя, до сих пор не включавшиеся в его собрания сочинений и по большей части вообще публикующиеся впервые. Публикация таких материалов еще не стала для литературоведов обычным делом, не имеет устоявшейся традиции, и данное издание, скажем сразу, может стать образцом для подражания и осмысления будущих издателей служебных документов писателей, имевших опыт государственной службы (например, служебных бумаг М.Е. Салтыкова-Щедрина). Произошло это благодаря тому, что над томом работали авторитетные специалисты по творчеству Гончарова: подготовка текста, примечания сделаны К.Ю. Зубковым, В.А. Котельниковым, указатели имен составлены К.Ю. Зубковым, В.А. Котельниковым и А.В. Романовой; статья «Гончаров в цензурном ведомстве» и аннотированный указатель имен принадлежат В.А. Котельникову, приложения составлены К.Ю. Зубковым.

Основное содержание тома составляют автографы цензурских бумаг Гончарова. Первая часть тома содержит «Документы, относящиеся к службе Гончарова в Петербургском цензурном комитете», т. е. 52 документа, написанных в период с марта 1856 по ноябрь 1859 г. Это рапорты, записи в журнале заседаний Петербургского цензурного комитета, а также несколько докладных записок. Вторая часть («Документы, относящиеся к службе Гончарова последовательно в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания и Совете Главного управления по делам печати») включает 84 документа, созданных в период с июня 1863 по декабрь 1867 г. Среди них уже преобладают «мнения» (они в абсолютном большинстве) и «замечания» (их существенно меньше). Изменение жанра и общего характера (как поясняется в примечаниях) текстов объясняется различием в характере ведомств и теми должностями, которые в них занимал Гончаров. Если документы, вошедшие в первую часть, создавались Гончаровым-цензором по поводу материалов, представляемых в

печать, то вторые – Гончаровым-членом Совета по поводу опубликованных материалов, вызвавших сомнение «задним числом».

Доклады Гончарова, «неизвестные в автографах», и «сохранившиеся в виде секретарских записей», печатаются в Приложении I. Это решение вызвало у нас первое сомнение: стоило ли выносить такие тексты в приложение? Насколько мы понимаем, секретарские записи буквально воспроизводили текст самого доклада, поэтому не стоило ли их просто включить в первую часть, указав в примечании источник, по которому они печатаются? Произведения классиков ведь часто печатаются не по автографу, а, например, по спискам, и из-за этого не выносятся в приложение (таких примеров можно привести массу, от пушкинского «К Чаадаеву» до Некрасовского «О Муза, я у двери гроба...»). Возможно, здесь мы имеем какой-либо особенный случай, связанный с спецификой именно таких документов? Во всяком случае, своих резонов для такого решения составители тома не приводят.

Другие приложения также имеют большую ценность. В примечаниях составители тома указывают, что далеко не все проходившие через Гончарова материалы требовали от него создания развернутых документов для объяснения своей позиции. Во многих случаях требовалась только разрешающая или запрещающая подпись цензора. Такие материалы, прошедшие через руки Гончарова, но потребовавшие только его подписи, указаны в обширных Приложениях II, IV и V: «Непериодические издания, цензурированные Гончаровым во время службы в Петербургском цензурном комитете», «Периодические издания, которые цензурировал Гончаров во время службы в Петербургском цензурном комитете» и «Периодические издания, которые цензурировал Гончаров во время службы в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания». Своего рода примечания к приложению содержит Приложение III: «Библиографическое описание непериодических изданий, которые цензурировал Гончаров во время службы в Петербургском цензурном комитете», в котором даются выходные данные тех книжек, которые увидели свет. Указатели к тому разделены: общий аннотированный указатель сделан к основному разделу, Приложению I и примечаниям. Отдельные указатели есть к Приложениям II и III и к Приложению IV.

Как мы видим, расположение материала и аппарат к нему может произвести поначалу впечатление сложности и запутанности, однако в целом его нельзя не признать продуманным и, после того, как разберешься в его устройстве, скорее удобным. Отдельный вопрос – полнота: все ли цензорские отзывы напечатаны в томе, все ли периодические и непериодические издания, прошедшие через его

руки, отражены в Приложениях? Об этом нигде не сказано и, видимо, полнота предполагается «по умолчанию». Этого, как нам кажется, все-таки мало. Дело не в добросовестности и профессионализме составителей, которые не вызывают ни малейшего сомнения. Нам не хватает в этом издании хотя бы минимальной «критики источников». Все источники тщательно и скрупулезно приведены, однако информация об их полноте, о том, как они заполнялись, каков был механизм фиксации принимаемых решений, в том не. Поэтому и непонятно, насколько эти источники достоверны, насколько они полны, насколько уникальны и отсюда – какова вероятность того, что какие-то документы, относящиеся к цензурской деятельности Гончарова, утрачены, а какие-то находятся в других местах. Возможно, наши сомнения составителям показались бы наивными и происходят только от некомпетентности. Однако нам они представляются законными вопросами читателей, ждущих от академического издания исчерпывающей полноты информации о публикуемых текстах.

Более сложное отношение способны вызвать комментарии к тому. С одной стороны, составителями была проделана замечательная и трудоемкая работа: комментарии содержат по-настоящему ценную и «дефицитную» информацию не только о значительных литераторах, но и второ- и третьестепенных книжках и статьях, цензурировавшихся Гончаровым или подвергавшихся его «мнению». Обилие такого рода сведений создает тому дополнительное и очень ценное качество своего рода справочника по литературе второго и третьего ряда, проясняя такие происшествия и скандалы на «задних скамьях», которые практически никогда не попадали под историко-литературные микроскопы. У любого серьезного историка литературы XIX в. это может вызвать только искреннюю признательность. С другой стороны, в комментариях немало и такого, что вызывает скорее недоумение, чем удовлетворение. Вот, например, примечание к строке «Рапорта по поводу жалобы А. Контского» *...изображающая какого-то музыканта королевы Сандвичевых островов...* выглядит следующим образом: «Сандвичевы (Гавайские) острова – группа Полинезийских островов в Тихом океане; открыты в 1778 г. Джеймсом Куком. В 1784–1893 гг. на островах существовала королевская власть. В 1893 г. была провозглашена республика, в 1897 г. острова вошли в состав Северо-Американских Соединенных Штатов» (с. 482). Первый вопрос, который вызывает примечание: почему комментаторы остановились так рано? Разве и в дальнейшем не было интереснейших эпизодов? Например, нападение японской авиации на находящуюся на Гавайских островах базу Перл Харбор 7 декабря 1941 г. привело США к вступлению во Вторую мировую войну. А в 1959 г. Гавайские

острова получили статус 50-го штата США. Можно возразить, что всё это было уже после смерти Гончарова. Но в 1857 г., когда Гончаров писал «Рапорт», он не знал и о том, что Сандвичевы острова станут республикой, а потом присоединятся к США. Другой пример. Сделанное Гончаровым совершенно вскользь замечание о неуместности исполнения гимна «Боже, Царя храни» в пьесе Е.Ф. Розена «Царевич» из эпохи Ивана Грозного в комментарии вызывает к жизни целую страницу убогим шрифтом, посвященную истории создания этого гимна, его авторам, реакции на него Николая Первого, первому публичному исполнению и т. д. (с. 490–491). Таких примечаний в томе множество. Если отбросить иронию, то нельзя не сказать, что большого смысла в таких комментариях мы не видим. Они не имеют прямого отношения к комментируемому тексту, ничего в нем не поясняют и не дополняют. Читатель же, внезапно заинтересовавшийся при чтении «Рапорта по поводу жалобы А. Контского» историей Сандвичевых (Гавайских) островов, имеющих в тексте, о котором идет речь, характер простой сатирической аллегории, элемента эзопова языка, может легко получить совершенно такую же (и даже существенно более обширную) информацию в Википедии. На наш взгляд, в издании, заведомо рассчитанном на специалистов, все такого рода сведения совершенно излишни. То же мы сказали бы и об изложенной в Примечаниях истории цензуры в России (с. 421–428). Нам кажется этот фрагмент совершенно излишним, всю эту (и опять же более обширную) информацию можно почерпнуть в работах Лемке и Скабичевского. Хотелось бы заменить этот чрезмерно общий экскурс, по большей части не имеющий отношения к Гончарову, более подробным описанием конкретных «механизмов» работы органов цензуры в тот период, когда там служил Гончаров: как попадали к нему рукописи или гранки, какой срок давался на их прочтение, какие кары грозили за провинность, в чем могли состоять эти провинности и т. д. Такой комментарий был бы уместнее и придавал бы большую выпуклость и корректность публикуемому материалу.

На этом можно было бы остановиться, в конечном счете высоко оценив новый том Полного собрания сочинений и писем И.А. Гончарова как очень серьезное достижение в издании его наследия, без обращения к которому отныне невозможно изучение жизни и творчества великого писателя. Однако сама специфика материала, опубликованного в этом издании, заставляет сказать несколько слов и о его содержании. Осмыслению его прежде всего посвящена открывающая Примечания статья В.А. Котельникова. Безусловно, представленный в томе материал чрезвычайно интересен сам по себе: многие рапорты, замечания, «мнения» Гончарова содержат

тонкие наблюдения над художественной стороной цензурируемых произведений, в них звучат высказывания, дополняющие наши представления об эстетических и общественно-философских взглядах писателя. В них можно видеть тонкую иронию, юмор, напоминающий о лучших страницах «Обломова», суждения, напоминающих о лучших фрагментах «критического этюда» «Милion терзаний». Мы поэтому вполне согласны, например, с таким утверждением: «Будучи в своей художественной и литературно-критической практике привержен строгой объективной, уравновешенной, в истоках своих классической форме, он <Гончаров. – М. М.> последовательно карал отступления от нее в подлежащей его суду печати, исполняя тем самым в известной степени функции литературной критики, эстетические требования которой в ту пору не всегда были на должной высоте» (с. 448).

Вместе с тем факт остается фактом: все эти эстетические и общественно-политические и философские суждения Гончарова в данном случае являются частью цензурной деятельности. Главное отличие деятельности цензора от практики критика – присущие первой возможности запретить то, что не нравится, или покарать писателя, с чьей точкой зрения цензор не согласен. Критика, и в тех случаях, когда она имеет «охранительное» намерение или даже принимает характер своего рода доноса, все-таки говорит о произведении прочитанном, получившем право голоса, и не имеет самостоятельной власти карать автора неугодного сочинения. Цензор же душит произведение в колыбели или же приводит в действие репрессивный аппарат. Позиция автора статьи по этой стороне публикуемых текстов, на наш взгляд, недвусмысленная: «... Современники были по-своему правы, судя о Гончарове-цензоре в прямой связи с репрессивной политикой правительства в отношении печати. Они непосредственно ощущали влияние этой политики на литературную жизнь, и мало кто считал нужным отделять от позиции цензурного ведомства индивидуальную позицию Гончарова» (с. 439¹). Признав правоту современников «в общем», В.А. Котельников стремится все-таки дать оценку того, каким же цензором был Гончаров. Несмотря на стремление быть максимально объективным и взвешенным, на наш взгляд, автор статьи отчасти стремится «выгородить» своего автора, найти для его действий на цензурном поприще благородные мотивы: «Отношение Гончарова к вопросу о правах печати определялось не только цен-

¹ Надо, впрочем, заметить, что это суждение носит, на наш взгляд, все-таки слишком генерализующий характер: современники и особенно практики издательского дела достаточно ясно различали цензоров и, например, Н.Ф. Крузе, уходя в отставку в 1858 г., удостоился не только вполне искренних чествований литераторов, но даже сочувственного стихотворения Н.А. Некрасова, едва ли не самого «противоцензурного» литератора и издателя.

зурным уставом и очередным правительственным распоряжением. У нас есть основания считать, что Гончаров вообще желал для печати большей свободы в высказывании различных мнений, касающихся науки, искусства, общественной жизни» (с. 455). Нельзя, конечно, не признать, что эти «основания» действительно имеются: «Придавая первостепенное значение художественным достоинствам произведения, таланту автора, Гончаров в своих цензорских суждениях не однажды пытался (и часто безуспешно) оградить незаурядную в литературном отношении вещь от цензурного вмешательства, а возможно, и от запрещения» (с. 453). Примеры таких попыток Гончарова имеются в публикуемых документах, на них акцентировано внимание и в статье Котельникова.

И все-таки, несмотря на симпатично либеральные черты и поступки Гончарова-цензора, несмотря на близость его цензорских суждений к его собственным эстетическим и общественно-политическим взглядам, противоречие между критиком и цензором остается непреодолимым. Оно видно и там, где автор статьи хочет его сгладить: «Отнюдь не склонный пренебрегать требованиями закона, стремящийся добросовестно и подчас педантично исполнять служебный долг, Гончаров на цензорском поприще выступал прежде всего как защитник традиционных ценностей русской культуры» (с. 467). Как соотносятся «традиционные ценности русской культуры» с цензурным уставом, действительно ли цензура создавалась для их защиты, а не для защиты существующего строя и его представителей отчасти и от этих самых «традиционных ценностей»? И как в этом случае можно «на поприще цензуры» выступать защитником чего-то ей враждебного, не подменяя периодически «традиционные ценности» законами о печати? На эти вопросы в томе мы не находим исчерпывающих ответов. Наверное, это и не требуется в академическом издании. Важно, чтобы такие вопросы приходили в голову читателю этого тома.

М.С. Макеев

Сведения об авторе: *Макеев Михаил Сергеевич*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова: E-mail: makeev_ms@mail.ru

**Литературная культура России XVIII века. Вып. 5 /
Под ред. П. Е. Бухаркина и Е.М. Матвеева. СПб.:
Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 306 с.**

Вышел в свет очередной том серийного издания «Литературная культура России XVIII века», подготовленный научно-исследовательским семинаром «Русский XVIII век», действующим на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета уже более семи лет. Первый сборник серии был опубликован в 2007 г., в первый год работы семинара; нынешний выпуск – пятый. За это время издание претерпело некоторые неизбежные изменения. В целом продолжая следовать изначальной направленности и концепции сборника, пятый выпуск знаменует собой переход издания на новый формальный и статусный уровень: в 2014 г. сборник «Литературная культура России XVIII века» получил международный серийный номер (ISSN) и отныне будет выходить как официальное периодическое издание. Кроме того, была сформирована редколлегия, в состав которой вошли как отечественные, так и зарубежные исследователи русской литературы, словесности и культуры. Подробнее об этом можно прочесть в специальном предисловии «От редакции», открывающем пятый выпуск. Вместе с тем нетрудно заметить и внутреннее единство всех выпусков, позволяющее говорить об определенном «лице» издания: у него сформировался свой круг авторов и, главное, приоритетных проблем, так или иначе связанных с ключевым вопросом о содержании и объеме понятия «литературная культура». Ведь сборники посвящены изучению не просто литературы или языка XVIII в., но именно его литературной культуры – в возможном многообразии ее проявлений.

Не составляет исключения и нынешняя книга. В ее состав вошли 16 статей, посвященных разным темам, связанным с литературой, языком, культурой России XVIII в. В своей совокупности эти темы дают представление о том, какое содержание создатели серии вкладывают в понятие литературной культуры и каковы, по их мнению, ее основные аспекты.

Пожалуй, первым из таких аспектов является сама литература, рассмотренная в различных ракурсах. Так, изучению особого типа литературного персонажа и проблемам нарратива посвящена статья А.Ю. Тираспольской «Грешный герой в “Наставлении дяди своему племяннику” Д. И. Фонвизина и в “Моей исповеди” Н. М. Карам-

зина: проблемы типологии», отмеченная пристальным вниманием к структуре повествования, через анализ которого обнаруживаются смысловые сближения и, напротив, расхождения двух близких по своему содержанию памятников русской прозы последней трети XVIII столетия. С нарратологией связана и работа *А.А. Цылиной* «“Письма из Лондона” П.И. Макарова: проблема литературных влияний», интересная сопоставлением «сентиментального путешествия» П.И. Макарова и текстов его более знаменитых коллег Стерна и Карамзина. Поэтика художественного текста, но уже в несколько ином повороте становится предметом статьи *Е.Г. Исаченко* «“Разговоры в царстве мёртвых” А.П. Сумарокова», которая обращает внимание на редкий в русской литературе и малоизученный жанр. *У. Екуч* представила литературоведческое исследование произведения, которое можно отнести и к литературе, и к науке: в статье «Риторика научно-дидактической поэмы: о контексте, жанре и аргументации “Письма о пользе стекла” М. В. Ломоносова» изучается полемика о жанре дидактической поэмы и его литературного статусе, а затем подробно анализируется риторическая структура ломоносовского текста, определяемая его жанром.

Не менее важной составляющей литературной культуры является литературный язык, к исследованию которого обратился целый ряд участников сборника. Синтаксису русского языка первой половины XVIII в. и наиболее продуктивному методу его анализа посвящена работа *В.М. Круглова* «Исторический синтаксис и история русского литературного языка». О связи глагольных форм, используемых в поэтическом тексте, и его тематики речь идет в статье *Ф.Н. Двинятина* «Количественная грамматика глагола в десяти одах Г.Р. Державина». Проблема создания в России оригинального научного метаязыка рассматривается *Н.В. Каревой* в работе «Терминология категории глагольного времени в “Российской грамматике” М.В. Ломоносова». Сложный и разнообразный материал этой статьи наглядно систематизирован в таблицах. Тему, связанную с именем М.В. Ломоносова, продолжает лексикографическая статья *М.Г. Маматовой* и *Е.М. Мамвеева* «Образные средства художественного языка М.В. Ломоносова: попытка словарного описания». Эта работа во многом основана на результатах деятельности отдела «Словаря языка М.В. Ломоносова» Института лингвистических исследований и дает представление о проблемах, связанных с составлением авторских словарей, и о способах их решения. Особый практический интерес представляют приложения к этой статье: система помет и примеры статей для будущего словаря.

Помимо литературы и языка, которым посвящены статьи, составляющие «ядро» сборника, существуют и другие сферы культуры,

релевантные для создателей серии «Литературная культура России XVIII века». Одной из них является образование. В рецензируемой книге с образованием связаны две статьи. Одна из них – «Преподавание истории и элоквенции в Марбургском университете: профессор И.-А. Гартман (1680–1744)» *К.В. Манеровой* и *М.В. Корышева*. Помимо малоизвестных русскому читателю сведений о значимой для своего времени фигуре немецкого профессора, эта работа содержит описание научной и учебной атмосферы, в которой получал образование М.В. Ломоносов, что позволяет лучше понять истоки его научных интересов. Об образовании речь идет и в статье *С.В. Власова* и *Л.В. Московкина* «Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: “Russische sprachlehre” Якоба Родде (1773 г.)». Интересно, что именно благодаря методике преподавания, разработанной Родде, русский язык успешно изучался в школах Германии и Прибалтики. Именно Родде впервые стал использовать произведения русских писателей в качестве текстов для чтения, таким образом популяризируя их за рубежом.

Еще одним значительным аспектом литературной культуры, несомненно, является литературный быт, т. е. совокупность социально-бытовых факторов и явлений, влияющих на писателей и на судьбу их произведений. К литературному быту относится и деятельность типографий. Именно этой теме посвящена статья *Д.В. Руднева* «Из истории книжной торговли во второй половине XVIII века (по материалам архива типографии морского кадетского корпуса)». Анализ числа напечатанных экземпляров, их стоимости и объёмов продаж позволяет автору статьи сделать примечательные выводы о том, какая литература была популярна, а также о степени образованности русского читателя второй половины XVIII в. Литературного быта касается и статья *Н. Шнайдер* «Письменный разговор с другом в XVIII веке», в которой автор анализирует дружескую переписку четырёх писателей последней трети XVIII в. – Державина, Капниста, Львова и Хемницера. При этом Н. Шнайдер справедливо замечает, что дружеские письма позволяют не только узнать факты жизни писателей, но и проникнуть в их внутренний мир, понять мотивы поведения, а значит, лучше разобраться в их творчестве. В какой-то мере с исследованием литературного быта связана также обширная работа «Политический роман И.Ф.Э. Альбрехта о князе Г.А. Потёмкине “Пансалвин, князь тьмы” и его судьба в России» *Г.Е. Потановой*, основанная на архивных материалах. Она включает сведения и о цензурной судьбе изучаемого произведения, и о его переводах на русский язык, и о реакции на него современников и поздних поколений читателей, вплоть до последних заметок в Интернете.

Кроме того, в сборник вошли три статьи, посвященные более специальным проблемам. *Н.Л. Федорак* в работе «Человек эпохи барокко: введение в “символологию” Григория Сковороды» предлагает новый подход к изучению «Сада божественных песней» Г. Сковороды – подход с точки зрения символического мира метафизической лирики этого автора, что позволяет оригинально представить композицию его поэтического сборника. В этой же статье вновь поднимается сложная литературоведческая проблема символа и его воплощения в поэтическом тексте.

Несомненный интерес представляет статья *А.В. Андреева* и *М.В. Пономаревой* «Сравнительный анализ подходов к созданию электронных филологических коллекций». На примере трех электронных библиотек авторы показывают несовершенство систем работы с текстами. Эта проблема непосредственно касается произведений литературы XVIII в., из которых многие отсутствуют в широком доступе, и устранение указанных в статье изъянов значительно облегчило бы труд исследователей. Наконец, работа «Из неопубликованного наследия А.Т. Болотова» представляет собой первую публикацию двух текстов этого автора: «Письмо другу о словенском языке и следствиях производимых им» и переложение 91-го псалма, – подготовленных к изданию и откомментированных *А.Ю. Веселовой*. Оба произведения были написаны в 1824 г. и отражают просветительские настроения Болотова.

Как видно из приведенного обзора, пятый том «Литературной культуры России XVIII века» тематически охватывает обширный круг самых разнообразных вопросов, связанных с русским XVIII в. В большинстве своем эти темы перекликаются с проблематикой предшествующих выпусков¹, что вполне закономерно, коль скоро все сборники посвящены изучению литературной культуры. Авторы серии включают в это понятие всю совокупность культурных сфер и явлений, так или иначе связанных с литературно-языковым модусом национальной жизни. Такое осмысление литературной культуры не совпадает с наиболее распространенным, представленным в русской и польской науке², и отличается большей широтой. С одной стороны, это приводит к известной неопределенности предмета исследования: нельзя сказать, чтобы создатели книги полностью сумели показать внутреннее единство того, что они сами определили как «емкое и не лишенное расплывчатости понятие “литературная культура”»

¹ В приложении к рецензируемому сборнику дан список всех статей, помещенных в предыдущих выпусках; благодаря этому концептуальная целостность серии становится более очевидной.

² См., например: *Николаев С.И.* Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996. С. 8–9.

(с. 6)». С другой же стороны, такая недоговоренность, несведенность к ясным определениям позволяет охватить многообразные факты русской культурной жизни XVIII в. Притом эти факты рассматриваются в весьма широком контексте: одной из характерных черт издания является то, что, несмотря на название, оно включает статьи, посвященные не только российским культурным деятелям. Речь идет о работах Н.Л. Федорака, К.В. Манеровой и М.В. Корышева, С.В. Власова и Л.В. Московкина, а также Г.Е. Потаповой. Это общая и постоянная установка: в каждом выпуске сборника начиная с первого есть статьи, подчеркивающие культурные связи России XVIII в. с зарубежными странами или описывающие тот иностранный контекст, в котором существовала русская культура. Для примера можно упомянуть статью Н.А. Гуськова «Итальянско-русские культурные связи в XVIII столетии» из первого выпуска или работу С.В. Власова «Концепция правильного языкового употребления у Тредиаковского и французские теории *bon usage* XVII–XVIII веков» из третьего. Очевидно, что появление в издании «Литературная культура России XVIII века» статей «не совсем о России» объясняется сознательным стремлением редакторов создать для русской культуры того времени контекст – как узкий (например, украинский в работе Н.Л. Федорака), так и широкий (европейский). Многие авторы статей, посвященных отечественным деятелям культуры, также находят и анализируют иностранные параллели, источники и влияния (работы У. Екуч, Е.Г. Исаченко, А.А. Цылиной). Русская культура в сборнике позиционируется как часть культуры европейской, что, на наш взгляд, является несомненным и очень важным достоинством издания. Не может не радовать и состав авторов сборника. Помимо специалистов с различных кафедр СПбГУ, из Института русской литературы (Пушкинского Дома) и Института лингвистических исследований РАН, участие в издании приняли иностранные исследователи из университетов Львова, Грейфсвальда и Гамбурга, что указывает на интерес к русскому XVIII в. за рубежом.

Благодаря широте тематического охвата, разнообразию научных позиций и методологических подходов и высокому научному уровню представленных работ рецензируемый выпуск «Литературной культуры России XVIII века» и серия в целом представляют несомненную ценность как для специалистов, так и для всех, кто интересуется русским XVIII в.

Е.Д. Кретова

Сведения об авторе: Кретова Евгения Дмитриевна, студентка 4-го курса филол. ф-та Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: Zhe.kretova@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

6–8 октября 2014 г. на филологическом факультете прошла Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Конференция состоялась в рамках совместного форума, в котором также приняли участие филологический факультет СПбГУ, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ИМЛИ РАН. После окончания московской части конференция продолжилась 9–11 октября в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге.

200-летний юбилей поэта, широко отмечавшийся по всей России и во многих других странах, стал данью памяти выдающегося писателя, позволил дать современную оценку значению его творчества, места и роли в национальной культуре, литературе и жизни.

Конференция на филологическом факультете собрала свыше 100 участников из 22 городов России (Москва, Петербург, Воронеж, Кемерово, Нижний Новгород, Самара, Северодвинск, Ставрополь и др.) и 12 стран (Армения, Германия, Грузия, Израиль, Италия, Казахстан, Китай, Россия, США, Украина, Чехия, Япония), стала крупнейшим профессиональным форумом лермонтоведов, объединившим специалистов разных поколений и научных школ (среди них 46 докторов наук, 26 кандидатов наук).

Работа конференции продолжалась три дня. Доклады, прочитанные в рамках пленарного заседания 6 октября, отличались высоким профессиональным уровнем и были посвящены актуальным проблемам современного лермонтоведения. Профессор *И.П. Щеблыкин* (ПГУ) проанализировал вопрос роли Лермонтова в нашей современности; профессор *В.И. Коровин* (МГПУ) посвятил доклад проблемам поэтики творчества Лермонтова; старший научный сотрудник ИРЛИ РАН *О.В. Миллер* рассказала о 1960-х годах, «золотом веке» лермонтоведения, отмеченном именами В.А. Мануйлова, И.Л. Андроникова и др.; был зачитан доклад профессора *В.М. Марковича* (СПбГУ), в котором известный ученый разрабатывал новое концептуальное видение роли Лермонтова в русской культуре; последний доклад профессора *И.А. Киселевой* (МГОУ) и доцента Г.В. Москвина (МГУ) был посвящен проблемам и перспективам лермонтоведения. Завершилось утреннее заседание выступлениями руководителей проектов РГНФ,

посвященных М.Ю. Лермонтову: «М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь», руководитель проекта И.А. Киселева; «Подготовка и издание сочинений М.Ю. Лермонтова в четырех томах, руководитель проекта Н.Г. Охотин; «Творческое наследие М.Ю. Лермонтова и современная театральная культура. Новые материалы и документы», руководитель проекта Б.Н. Любимов; «Сводный каталог материалов из собраний Пушкинского Дома», руководитель проекта Л.Г. Агамалян; «М.Ю. Лермонтов. Историческая мифология», руководитель проекта В.А. Кошелев; «М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей», руководитель проекта Л.В. Бурлака.

На пленарном заседании во второй половине дня были представлены доклады-презентации основных современных центров поддержания наследия М.Ю. Лермонтова и изучения творчества поэта: Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» (*Т.Н. Коляйн*, науч. сотр.), Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова в Пятигорске (*Е.Л. Соснина*, канд. ист. наук), международная ассоциация «Лермонтовское наследие» и музей-усадьба «Середниково» (*М.Ю. Лермонтов, Т.П. Молчанова, О.Г. Сурина*), Государственный литературный музей «Дом-музей М.Ю. Лермонтова в Москве» (*В.Б. Ленцова*, заведующая музеем), ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (*Л.Г. Агамалян*, заведующая библиотекой), РГБ (*М.С. Крутова*, докт. филол. наук), Межрайонная централизованная библиотечная система им. М.Ю. Лермонтова (Санкт-Петербург) (*С.С. Серейчик*, директор), Межрегиональная общественная организация «Лермонтовское общество» (*И.П. Щерблякин*, председатель), Московское лермонтовское общество (*А.А. Сахаров*, председатель).

7 и 8 октября работа конференции продолжилась в секциях и на круглых столах. Было проведено семь секционных заседаний: «Лермонтов и русская литература»; «Проблемы изучения прозы М.Ю. Лермонтова»; «Эстетика и поэтика творчества М.Ю. Лермонтова»; «М.Ю. Лермонтов и зарубежная литература»; «Творчество М.Ю. Лермонтова: восприятие и оценка»; «Идеальный мир М.Ю. Лермонтова». Круглые столы проводились по двум важным направлениям: «Новые материалы и разыскания в лермонтоведении» и «Изучение творчества Лермонтова в школе и вузе».

На секции «М.Ю. Лермонтов и русская литература» (ведущие профессор В.Б. Катаев (МГУ), профессор М.И. Щербакова (ИМЛИ РАН)) обсуждались концептуальные вопросы места М.Ю. Лермонтова в русской литературе, творческие сближения и личные отношения с

другими литераторами. Профессор *Т.К. Черная* (Северо-Кавказский гос. ун-т, Ставрополь) сделала доклад, обобщающий тему онтологии художественного знания в прозе Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Профессор *Л.А. Ходанен* (КГУ, Кемерово) выступила с докладом «Кавказ как культурный концепт в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского», развивающим богатые традиции исследования этой темы. Научный сотрудник *В.А. Геронимус* (Гос. историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, усадьба Вяземы) представил анализ поэтики в лирике Лермонтова и Пушкина. Профессор *В.А. Воронаев* (МГУ) сделал доклад о знакомстве Лермонтова и Гоголя и его значении для литературных связей и творческой атмосферы в русской литературе. Тему сближения творчества Лермонтова и Гоголя продолжила ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН *И.А. Зайцева* в выступлении «Оклеветанный молвой...» (лермонтовские строки в гоголевском контексте). Профессор *Н.И. Николаев*, доцент *Т.В. Швецова* (Северный Федеральный ун-т им. М.В. Ломоносова, Северодвинск) в докладе «Лермонтовские мотивы в *перепевах* Н.А. Некрасова» и научный сотрудник К.В. Сарычева («Дом-музей Лермонтова в Москве») в докладе на тему «Лермонтов и Мандельштам» сосредоточились на вопросах влияния творчества Лермонтова на русскую литературу. Сопоставительная тема жанровой эволюции была развита на примере биографического жанра (Лермонтов и Герцен) профессором *А.Э. Еремеевым* (Омская гуманитарная академия).

Секция о проблемах прозы Лермонтова (ведущие профессор *С.В. Савинков* (ВГУ, Воронеж), доцент *Г.В. Москвин* (МГУ) сосредоточила обсуждение на романе «Герой нашего времени», других прозаических произведений, на жанрово-стилевой проблематике и поэтике прозы Лермонтова. Профессор *Н.Н. Акимов* (Российская академия художеств, Санкт-Петербург) с оригинальным, новаторским подходом к проблеме эволюции жанров сделала доклад «Кого же убил Печорин? Или еще раз о жизни жанров». *В.Н. Захаров* (докт. филол. наук, РГНФ, Москва) высказал концептуальные соображения о вкладе Лермонтова в развитие русской прозы в докладе «Смелость изобретения в поэтике романа “Герой нашего времени”». К образу Печорина как героя, конституирующего смысл романа в литературном контексте времени, обратились профессор *С.В. Савинков* «Печорин как обольститель» и доцент *Г.В. Москвин* – «Диалоговый дискурс Печорин – княжна Мери как способ представления любовной интриги и идеи повести “Княжна Мери”». Доцент *А.Б. Криницын* (МГУ) рассмотрел в докладе о теме судьбы в романе «Герой нашего

времени» стилевые аспекты (романтические обертоны) вопроса. Профессор *И.С. Юхнова* (НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород) раскрыла новые жанрово-стилевые, смысловые грани очерка Лермонтова «Кавказец», приведя важные соображения о связи очерка с остальным творчеством писателя. Поэтике незавершенного романа «Вадим» были посвящены доклады *М.А. Егоровой* (МГПУ им. М.А. Шолохова, Москва) и *К.В. Злыдневой* (ПГУ, Пенза). Общих вопросов восприятия цвета и формы коснулась *С.К. Казакова* (член Ассоциации искусствоведения).

На секции «Эстетика и поэтика творчества М.Ю. Лермонтова» (ведущие профессор *И.П. Щерблякин*, профессор *Д.П. Ивинский*) обсуждался разнообразный круг вопросов: язык, фольклор, образы, мотивика и др. Секция собрала наибольшее число выступлений, среди них доклад фундаментального научного характера профессоров *К.Э. Штайн* и *Д.И. Петренко* (Северо-Кавказский федеральный ун-т, Ставрополь) «Язык М.Ю. Лермонтова: на пути к универсальности». Фольклорной традиции в творчестве Лермонтова на примере поэмы «Мцыри» был посвящен доклад профессора *В.А. Смирнова* (Ивановский гос. ун-т). Профессор *А.А. Смирнов* (МГУ) дал глубокий анализ символических художественных средств представления романтической мечты в поэзии Лермонтова. Новые категории филологического анализа, способствующие пониманию поэтики Лермонтова были представлены в докладе о Законе vs Благодати в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» профессора *И.А. Есаулова* (Литературный ин-т им. А.М. Горького). Доцент *О.П. Евчук* (ОГПУ, Омск) выступила с результатами наблюдений над религиозно-философскими контекстами поэзии Лермонтова; с анализом ведущих мотивов в творчестве Лермонтова выступила с докладом профессор *Л.И. Шевцова* (МГПУ им. М.А. Шолохова) – «Концепт одиночества в творчестве М.Ю. Лермонтова». Ведущий научный сотрудник *О.Б. Заславский* прочитал доклад о незавершенности лермонтовских произведений в свете возможной реконструкции сюжетов. Во второй половине дня 7 октября заседанием секции руководили профессор *Н.Н. Акимова* и профессор *Л.А. Ходанен*. Доклад доцента *В.Л. Коровина* (МГУ) «Библейские мотивы в ранних и поздних редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова “Демон”» обратил внимание на малоисследованные источники сюжета поэмы, знание о которых углубляет понимание круга ее идей. Профессор *О.Е. Фролова* (МГУ) представила лингво-коммуникативные аспекты смысла «Героя нашего времени» на материале речи Печорина, выделив в ней показатели уверенности/неуверенности. Доцент *Н.В. Атаманова* (Брянский гос.

ун-т им. академика И. Петровского) выступила с анализом динамики звуковых образов в языке поэмы «Мцыри», дающей богатый материал для подобного исследования. Вопросы романтической драматургии Лермонтова были рассмотрены в докладе канд. филол. наук, ст. преподавателя Одинцовского гос. ун-та *М.А. Дорожкиной*. Разным курсам в творчестве Лермонтова (живописному и музыкальному) были посвящены перспективные исследования молодых ученых из МГОУ (Москва) – *К.А. Поташовой* и *В.В. Шмелевой*. *Ю.Н. Сытина*, мл. науч. сотр., канд. филол. наук, представила категорию фантастического как средство художественной изобразительности при создании образов душевной жизни человека и его отношений с миром. Аспирант МГОУ, школьный преподаватель *Т.Н. Алексеева* в докладе о духовном смысле стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пленный рыцарь» дала образец анализа, имеющего как академические, так и учебно-методические перспективы.

Работа секции «М.Ю. Лермонтов и зарубежная литература» (ведущие профессор И.С. Юхнова и профессор В.А. Воропаев) собрала много заинтересованных слушателей, причиной чего явилась высокая познавательная ценность представленных на ней докладов. Прежде всего отмечают доклады, посвященные масштабным темам: *Т.Г. Мегрелишвили* (ГТУ, Тбилиси, Грузия) «Творчество М.Ю. Лермонтова в восприятии грузинской русистики»; профессора Ван Лие (Пекинский ун-т иностранных языков, Китай) «Творчество М. Лермонтова в Китае»; доктора Ямадзи Асута (Ун-т Тюке, Нагоя, Япония) «Переводы Лермонтова на японский язык в эпоху Мэйдзи». Истории распространения поэзии Лермонтова в Италии был посвящен доклад Алессандры Карбоне (Государственный ун-т Кассино, Италия) «Дж. Гандольфи и первые итальянские переводы “Песни про царя Ивана Васильевича...”». Частные вопросы компаративистики были затронуты в докладах *И.В. Карташовой* (ТвГУ, Тверь) «Лермонтов и Жорж Санд», *Маттиаса Фрайзе* (Ун-т им. Георга-Августа, Геттинген, Германия) «Сдвиг структурной семантики в поэтическом переводе. *Wanderers Nachtlied* и “Из Гете”», *А.В. Злочевской* (МГУ) о типологическом сопоставлении романов М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и Г. Гессе «Степной волк». Традиционная историко-литературная тема освещалась в докладе *В.Б. Смиренского* (ИНИОН РАН, Москва) «Мотивы Шекспира в драме Лермонтова “Маскарад”». Доклад *М.Д. Амирханян*, *А.Д. Амирханян* (Ереван) «Лермонтов в Армении» был представлен в стендовом формате.

Широкий спектр вопросов лермонтоведения рассматривался на секции «Творчество М.Ю. Лермонтова: восприятие и оценка» (веду-

щие профессор М.М. Голубков, Г.В. Зыкова). История изучения творчества Лермонтова выдающимися учеными-лермонтоведами освещалась профессором Г.В. Зыковой (МГУ), профессором Е.Н. Пенской (ВШЭ, Москва) в докладе «Д.Е. Максимов в переписке с А.И. Журавлевой. Документы к истории лермонтоведения второй половины XX в.»; профессор Е.А. Тахо-Годи (МГУ) проанализировала вопрос о роли исследований творчества Лермонтова профессором Л.П. Семеновым; профессор Д.П. Ивинский сделал тонкие профессиональные замечания о текстологических принципах издателя и редактора Д.А. Абрамовича при подготовке собрания сочинений Лермонтова, доцент И.Б. Серебряная (Казанский «Приволжский» федеральный ун-т) обратилась в истории русской критики с докладом «Язык произведений М.Ю. Лермонтова в зеркале русской литературной критики 1-й половины XIX в.». Старший научный сотрудник, канд. филол. наук Е.В. Суровцева (МГУ) исследовала в выступлении представление темы поэта и поэзии в книге Д. Гулиа «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова». Аспирант М.А. Галиева провела параллели между образами-концептами «паруса» Лермонтова и «корабельного образа» Есенина, сделав выводы о целостности «космо-психо-логоса» русского человека. В докладе доцента В.В. Ремарчука (МГУ, ИСАА) рассказано о лирическом переживании при восприятии стихотворения Лермонтова «Молитва (“В минуту жизни трудную”）」 на Украине, основанном на личном опыте. Эксперт общественной организации «Морешет» (Израиль) М.М. Харитонов поделился разысканиями созвучий мотивов лермонтовского духа и творчества в поэтических переживаниях евреев-марксистов и евреев-сионистов. Стендовый доклад профессора Л.Г. Фризмана был посвящен еврейской теме в творчестве Лермонтова.

Утренние заседания 8 октября состояли из работы секции «Идеальный мир Лермонтова» (ведущие доцент В.Л. Коровин, доктор А. Карбоне) и двух круглых столов. Работу секции составили доклады, содержание которых освещало внутренний мир Лермонтова, его идеалы и ценности. О звездном мире в творчестве поэта, отраженном в немецкой лирике, рассказала доцент МГПУ Т.А. Болдова; о поиске родной души на примере удмуртской версии стихотворения «Сосна» в сопоставлении с ней лирического оригинала Гейне и перевода Лермонтова сделала доклада доцент Н.В. Лекомцева (ИПК и ПРО Удмуртской республики, Ижевск); религиозную, мистериальную сущность поэзии Лермонтова и Я.П. Полонского раскрыла профессор Т.В. Федосеева (Рязанский гос. ун.-т им. С.А. Есенина). Докторант А.Х. Манкиева (МГУ) на основании образа Зары из поэмы

«Аул-Бастунжи» описала морально-нравственный портрет женщины-горянки. Доцент *М.Б. Серпикова* (МГУ ПС) в структуре конфликта в ранних поэмах М.Ю. Лермонтова «Кавказский пленник» и «Измаил-Бей» исследовала характер их героя и его устремления, соискатель МГОУ *О.В. Сахарова* предложила опыт религиозного комментария раннего стихотворения М.Ю. Лермонтова «Мой демон». Вдохновенный очерк об отношениях М. Лермонтова и В. Лопухиной был представлен научным сотрудником литературного музея (Москва) *С.А. Бойко*.

На круглом столе «Новые материалы и разыскания в лермонтоведении (ведущие Г.В. Москвин, А.А. Сахаров) основными темами были вопросы биографии писателя, состояние последней квартиры Лермонтова в Железноводске (*В.М. Якубовская*); генеалогия шотландской ветви рода (*Т.П. Молчанова*, США); творчество Лермонтова в чтении и оценке императорской семьи (*Е.Н. Фадичева*, Московское Лермонтовское общество); спорные вопросы издания произведений Лермонтова в переводах Абая Кунабаева (*К.Б. Уразаева*, Астана); состоялась также презентация книг В.И. Сиротина (США) «Лермонтов и христианство», А.А. Сахарова (Москва) «Путь к Лермонтову», Т.П. Молчановой (США) «Род Лермонтовых», С.А. Бойко (Москва) «Лермонтов. Московские страницы жизни и творчества; учебного пособия О.В. Чагиной (МГУ, Москва) «Поэма М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»; путеводителя Н.И. Петрова (Москва) «Лермонтовское кольцо Подмосковья». Круглый стол «Изучение творчества Лермонтова в школе и вузе» (ведущие В.Я. Коровина (МГПУ), Н.Н. Пуряева (МГУ, Москва) был посвящен как преподаванию творчества Лермонтова в средней и высшей школе, так и в иноязычной аудитории и был насыщен обсуждением актуальных вопросов методики преподавания и интерпретации текстов Лермонтова в учебных целях.

Итогом Международной научной конференций «200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова можно считать следующие положения: юбилей М.Ю. Лермонтова стал этапом для обобщения и осознания опыта изучения жизни и творчества поэта, дальнейшие исследования в лермонтоведении имеют большое будущее.

Г.В. Москвин, Н.Н. Пуряева

Сведения об авторах: *Москвин Георгий Владимирович*, канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: georgii_moskvin@mail.ru; *Пуряева Надежда Николаевна*, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nadia_np@mail.ru

«КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ – VII». НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕНТИНЫ ИОСИФОВНЫ МИРОШЕНКОВОЙ (МГУ, 26 ноября 2014 г.)

Конференция открылась вступительным словом *А.И. Солопова* (МГУ), который напомнил собравшимся о знаменательной для истории кафедры и Университета дате и вкратце очертил основные вехи жизненного и профессионального пути Валентины Иосифовны Мирошенковой, одного из лучших и самых любимых преподавателей древних языков филологического факультета.

Научную часть конференции открывал доклад *М.В. Бибикова* (ИВИ РАН, МГУ) «Трудности перевода (греческие акты Русского монастыря на Афоне в русском переводе)». В докладе анализируются сложности перевода древнейшей части греческих актов Русского афонского монастыря – Ксилурга («Древодела»), затем получившего имя св. Пантелеймона. Эти акты были впервые изданы с русским переводом более ста сорока лет тому назад в Киеве о. Азарием и Ф. Терновским (автором предисловия), а теперь анализируются по новой классической публикации в парижской серии «Архивы Афона» в 1982 г. П. Лемерлем, Ж. Дагроном и С. Чирковичем. Результаты нового опыта передачи средневекового текста представляются в сравнении с исходным, киевским, переводом XIX в. Цель представленных рассуждений – ни в коей мере не унижить качество и не принизить достоинства фактически пионерского труда о. Азария и Ф.А. Терновского. То, что ими было сделано, поистине принадлежит к категории подвижнических деяний. Но сейчас имеет смысл обсудить и осмыслить неизбежные поправки и изменения в текстах, поскольку старым переводом активно пользуются как в научных, так и в популярных изданиях, повторяя неточности или прямые ошибки.

В докладе *К.Г. Красухина* (ИЯ РАН) «Корень *dheh1– ‘ставить, полагать; делать’ в греческом и итальянских языках» был рассмотрен вопрос о происхождении форманта –k-, возникающего в глагольных основах от этого корня. Автор предположил, что в греческом первопричины его появления – чисто фонетические: на стыке ларингала с другим ларингалом или слоговым сонантом непосредственно после

ударного гласного появляется глайд -k- (в аористе и перфекте). В перфекте он может переосмысляться как отдельный формант, иногда придающий корню значение переходности. В праиталийском тот же глайд возник в корневом аористе; архаические латинские и оскские перфекты наводят на мысль о существовании и праиталийского перфекта. По-видимому, фонетические условия были сходными; в итоге основа с -k- стала базовой для аориста; от него образовался презенс с 0 степенью вокализма и суффиксом *-io-.

Н.К. Малинаускаене в докладе «Общеиндоевропейский корень * $\text{uoi}k\text{-}/\text{uei}k\text{-}/\text{ui}k\text{-}$ и его реализация в истории русского языка» вспомнила о том, что В.И. Мирошенкова в преподавании базового курса древнегреческого языка часто обращалась к его истории и индоевропейским реконструкциям. Примером тому был, в частности, и.-е. корень * $\text{uoi}k\text{-}/\text{uei}k\text{-}/\text{ui}k\text{-}$ со значением *дома, сгруппированные в общинные поселения*, который представлен в русском языке в слове «весь» *селение* и в дериватах от греческого oicos *дом* («икос», «экос» и «ойкос»). Особое внимание было уделено этимологии богослужебного термина «икос». В заключение докладчица подчеркнула ключевую роль греческих слов в терминологии русского языка и вообще в нашей культуре.

После небольшого перерыва состоялся доклад *И.В. Тресоруковой* (МГУ) «Особенности формирования предложных адвербиальных фразеологических конструкций в современном греческом языке». В греческом языке выделяются грамматические фразеологизмы, (фразеологизмы-союзы, фразеологические предлоги, адвербиальные конструкции). Рассматривая последовательно каждую из категорий, следует отметить, что в силу наличия в современном греческом языке застывших грамматических форм из древнегреческого языка уже сейчас можно говорить о нерегулярности грамматических формирований таких единиц. К предложным фразеологическим конструкциям в этом случае относятся все три категории, так как и среди ФС, и среди ФП и среди АФ встречаются застывшие грамматические формы, происхождение которых возводится к формам древнегреческой грамматики. Наиболее интересной представляется группа АФ, в которой прослеживаются тенденции сохранения предложных конструкций с такими предлогами, как $\epsilon\nu$, $\epsilon\kappa$, $\pi\rho\omicron\varsigma$, $\delta\iota\alpha$, $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$ и т. п. в сочетании с падежными формами древнегреческого языка. В ФПК присутствует все разнообразие предложных конструкций, при этом большинство из них будет использоваться в качестве обстоятельства в функции образа действия и, в значительно меньшей степени, для обо-

значения пространственных и временных отношений. Также весьма примечательно то, что значительная часть конструкций образована по модели древнегреческой грамматики, что позволяет причислить их к грамматическим фразеологизмам.

В докладе *Д.Е. Афиногенова* (ИВИ РАН, МГУ) были сделаны некоторые практические наблюдения над преподаванием греческого языка. Курс истории византийской литературы, читаемый на втором курсе Византийско-новогреческого отделения, уникален тем, что студенты, прошедшие обучение греческому языку в течение года, сталкиваются со значительным количеством самых разнообразных текстов, от выдержанных строго в стилистике аттических классиков до написанных доступным простому народу языком. В такой ситуации выявляется некоторое количество особенностей греческой лексики и фразеологии, усвоение которых уже на начальном этапе обучения, сберегло бы много времени как студентам, так и преподавателям. Были приведены многочисленные примеры корректного перевода слов и выражений, наиболее частотных в реальных текстах. Значения многих наречий перешли в неизменном виде в новогреческий язык. Отдельное внимание стоит уделить выражению понятия «тоже» и значениям глаголов, особенно в медиальном и пассивном залоге. В связи с этим докладчик предложил подготовить перечень подобных слов и выражений совместно с коллегами, занимающимися греческим языком с первокурсниками и ввести в начальный курс специальные занятия, посвященные освоению этого списка.

Доклад *В.В. Борисенко* (Белград) «О парадигматике и синтагматике древнегреческого языка» был зачитан *В.В. Мухановой* (МГУ). В докладе рассматривались парадигматические и синтагматические отношения фонетических, грамматических и лексических единиц древнегреческого языка. Было утверждено, что аристотелевский термин $\pi\tau\omega\sigma\iota\varsigma$ является определяющим для парадигматического описания грамматики этого языка, так как включение в одну парадигму всех позиционно чередующихся единиц, сколь бы различны по форме они ни были, дает возможность отождествлять такие единицы и считать их одной сущностью. Парадигматические и синтагматические способы восприятия мира отражены и в древнегреческой мифологии и фольклоре.

Вторую часть конференции открыл доклад *В.П. Завьяловой* (МГУ) «В.К. Кюхельбекер – переводчик Каллимаха». Доклад был посвящен малоизвестному переводу второго гимна «К Аполлону» Каллимаха, который был опубликован В.К. Кюхельбекером в 1819 г.

в русском журнале «Сын Отечества». Перевод был сделан, как записал сам переводчик в дневнике в 1833 г., по немецкому переводу Штольберга. Перевод имеет приписку: «сокращенный перевод из Каллимаха» (113 стихов подлинника дали в переводе – 75 стихов). Автор перевода сокращает все стихи, касающиеся политической и личной ситуации в гимне. Переводится лишь то, что имеет отношение к Аполлону традиционно-мифологическому. Автор статьи, анализируя сложный каллимаховский подтекст и сопоставляя содержание гимна с реально-исторической обстановкой в Александрии времени Птолемея II, предлагает более глубокое прочтение гимна Каллимаха, нежели дает его перевод В.К. Кюхельбекера. Вместе с тем переводы Каллимаха в России – большая редкость, а перевод размером подлинника тем более. Кюхельбекер первым перевел гимн гекзаметром и в этом его ценность.

В докладе *О.В. Смыки* (МГУ) «Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере (К. Манасси. Обзор истории, 4908)» рассматривались особенности произведения византийского придворного поэта XII в. Константина Манасси «Хроника от сотворения мира до правления Никифора III Вотаниата». Докладчица обратила внимание на весьма примечательный факт: в поэме, написанной политическим стихом, Манасси точно цитирует ямбы, которыми обмениваются преследуемые императором Феофилом Мефодий и иерусалимские братья Феофан и Феодор (см. о них Д.Е. Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия, М., Индрик, 2003). По приказанию Феофила, мученикам-братьям были нанесены на лица некие ямбы, и после этой пытки братья стали называться Начертанными (граптами). Манасси в одной строке (4785) говорит об этом, называя написанное «ямбоплетством». Есть источники (Продолжатель Феофана, Житие Феодора), где полностью приводятся 12 ямбов, сочинённых Феофилом. Манасси не удостаивает цитирования строки графомана-мучителя, зато с великим почтением, с высокими похвальными эпитетами он приводит краткие письма братьев к Мефодию и его ответ им. Эта переписка мучеников-поэтов увековечена поэтом-хронографом.

Доклад *А.В. Подосинова* (ИВИ РАН) был посвящен рассмотрению двух античных версий практически одного сюжета – о Геракле в Скифии, где он выступает прародителем скифов, и о Геракле в Кельтике, где ему приписывалась такая же роль. Докладчик обеспокоен тем обстоятельством, что скифологи, придающие огромное значение скифской легенде и находящие в ней глубинные смыслы скифского

эпоса и социального устройства, не знают о существовании «кельтской» версии и не рассматривают ее как соперницу «скифской», поскольку в случае вторичности «скифской» легенды многие наблюдения скифологов оказываются сомнительными.

Наконец, Ю.А. Шичалин (ПСТГУ, МГУ) в докладе «Функции инфинитива: методические замечания» отметил, что используемые сейчас учебники в основном предназначались для детей, и поэтому нуждаются в переработке. В частности, необходимо по-иному взглянуть на конструкцию *Accusativus cum infinitivo* – докладчик привел несколько примеров, в которых в этой конструкции отсутствует подлежащее, но имеется *participium coniunctum* при подразумеваемом подлежащем. В связи с чем было высказано предложение говорить в таких случаях не о *Accusativus cum infinitivo*, а об инфинитиве, при котором может употребляться винительный падеж. В классических грамматиках, однако, это зачастую не отражено (Швицер, Черный). Не стоит разбивать функции инфинитива и функции конструкции *Асс. cum inf.*: имеет смысл говорить о том, что если инфинитив в предложении выполняет функцию дополнения (следствия и пр.) с выражением некоего действия, то подлежащее при нем с необходимостью ставится в винительном падеже.

В завершение все желающие выступили с воспоминаниями в разделе *Memorabilia*, среди них О.М. Савельева, М.В. Бибилов, Д.В. Драгунский, М.А. Студенников, Е.Ф. Шичалина, Д.П. Кикоть и др. Особыми гостями конференции стали дочери и внучка В.И. Мирошенковой, обратившиеся к собравшимся с приветственными и благодарственными словами.

А.И. Золотухина

Сведения об авторе: Золотухина Анастасия Игоревна, канд. филол. наук, преподаватель кафедры классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: virgo.tacita@gmail.com

ПАМЯТИ...

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА АЛИСОВА

(20.02.1924 – 28.11.2014)

28 ноября 2014 г. ушла из жизни Татьяна Борисовна Алисова, известный ученый-романист, основатель научной школы итальянистики в Московском университете, наш учитель.

Филологи-романисты узнают имя Татьяны Борисовны с первых дней знакомства со своей специальностью: ее «Введение в романскую филологию» (М.: Высшая школа, 1982; в соавторстве с Т.А. Репиной и М.А. Таривердиевой) давно вошло в число классических университетских учебников. Трудно найти исследование, посвященное синтаксису итальянского языка, где не было

бы ссылок на работы Татьяны Борисовны. Наиболее известна – как у нас в стране, так и за рубежом – ее монография «Очерки синтаксиса современного итальянского языка» (М.: Изд-во МГУ, 1971; итальянское издание – “Strutture semantiche e sintattiche della proposizione semplice in italiano”. Firenze: Sansoni, 1972).

Научные интересы Татьяны Борисовны не ограничивались итальянистикой; широта ее исследовательского кругозора не случайна – помимо личных качеств, здесь сыграли роль и обстоятельства, в которых она формировалась как ученый. В 1941 г., при поступлении в ИФЛИ (слияние ИФЛИ с МГУ, означавшее возвращение филологического факультета в структуру Московского университета, состоялось позже, зимой того же года), Татьяна Борисовна сдавала на вступительном экзамене немецкий язык, который начала изучать в школе. На факультете тогда еще не было ни итальянской, ни испанской специализаций. Однако уже очень вскоре состоялось «посвящение» Татьяны Борисовны в романисты: в Ашхабаде, куда был эвакуирован факультет, не удалось организовать всех запланированных языковых групп, и германисты первого курса начали изучать в качестве основного французский язык.

Это был первый – но не последний – раз, когда Татьяна Борисовна сменила специализацию; по возвращении в Москву она оказалась в числе тех студентов, кто, получив дополнительный год обучения, из французистов стал испанистами. Основатель испанской специализации на нашем факультете – Эрнестина Иосифовна Левинтова – окончила Ленинградский университет; ее учителем был В.Ф. Шишмарев. Как и многие студенты Э.И. Левинтовой, Татьяна Борисовна навсегда приобрела любовь к историческому языкознанию и навык филологического анализа средневековых текстов на романских языках; наряду с семантикой и синтаксисом, история романских языков (прежде всего итальянского) станет основным предметом ее научных интересов.

Во время обучения в аспирантуре Татьяна Борисовна начала преподавать испанский язык; в качестве преподавателя испанского она работала по распределению в МГПИИЯ им. Мориса Тореза (современный МГЛУ). Тогда же началось ее знакомство с итальянским языком. Обстоятельства сложились так, что преподавать итальянский ей пришлось фактически одновременно с его изучением: в 1957 г. на филологическом факультете была открыта итальянская группа и потребовались преподаватели, которые, помимо знания языка, обладали бы должной филологической подготовкой. Руководство факультета обратилось к Татьяне Борисовне с предложением перейти на работу в МГУ, и она, не раздумывая, согласилась, прекрасно понимая, как много ей предстоит и узнать самой, и сделать для создания новой специализации.

Татьяна Борисовна со смехом рассказывала, что поначалу она знала итальянский не намного лучше своих студентов, изучавших язык «с нуля». Однако у нее было важное преимущество: владение французским и испанским языками и понимание структурных особенностей романских языков и специфики их исторического развития. Возможно, именно этот опыт помог Татьяне Борисовне при подготовке курса «Введение в романскую филологию», который призван подготовить студентов к осмысленному, подлинно филологическому изучению романских языков.

В 1964 г. Татьяна Борисовна отправилась на полугодичную научную стажировку во Флоренцию. Там она познакомилась и подружилась с известными итальянскими лингвистами; среди них был Джованни Ненчони, затем многие годы возглавлявший Академию делла Круска, Франческо Сабатини, Маурицио Дардано и др. С тех же пор ближайшей подругой Татьяны Борисовны стала филолог-русист Франческа Фичи. Знакомство с итальянской филологической школой, по словам Татьяны Борисовны, оказалось для нее полезным как своего рода взгляд со стороны на проблемы исследования и преподавания романских языков. В дальнейшем она отобрала, перевела и подготовила для публикации фрагменты тех работ итальянских лингвистов, которые показались ей наиболее интересными и полез-

ными для ознакомления («Современное итальянское языкознание. Сборник статей». М.: Прогресс, 1971).

Однако и итальянская лингвистика многим обязана Татьяне Борисовне. С 60-х годов прошлого века в Институте языкознания работал семинар, активными участниками которого, помимо Т.Б. Алисовой, были Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф и другие исследователи, чьи научные интересы были связаны с логическим анализом языка, семантикой, прагматикой, иными словами, выходили за рамки более ранней научной парадигмы (будь то сравнительно-историческое языкознание или «классический» структурализм). В этом новом для итальянистики ключе была написана монография Т.Б. Алисовой «Очерки синтаксиса современного итальянского языка», которую Татьяна Борисовна писала по-итальянски и по-русски одновременно и которая с разницей в год была опубликована в Москве и во Флоренции. За исследования в области синтаксиса и семантики итальянского языка Татьяне Борисовне у нас в стране была присвоена степень доктора наук, а в Италии она стала иностранным членом-корреспондентом Академии делла Круска. О значимости этого звания говорит уже то, что в составе Академии делла Круска одновременно может присутствовать лишь 15 иностранных членов-корреспондентов, избираемых пожизненно.

Занимаясь изучением синтаксиса современного итальянского языка, Татьяна Борисовна не оставляла вниманием и историю языка; среди ее наиболее известных и цитируемых работ – исследования по историческому синтаксису итальянского языка («Синтаксис и стиль в процессе формирования письменной нормы литературного итальянского языка XIII–XVII вв.» // Вестн. Моск. ун-та. № 7 (1963). С. 47–48; “Studi di sintassi italiana” // Studi di filologia italiana. Bollettino dell’Accademia della Crusca. Vol. XXV (1967). Firenze, 1967. P. 223–313; «Rapporti tra sintassi e stile nel processo di formazione della lingua letteraria italiana (dal XIII sec. al XVII sec.)» // Beiträge zur romanischen Philologie. II, 2. P. 96–110 и др.), работы, посвященные специфике формирования итальянского литературного языка, исследования языка и стиля классиков итальянской литературы, а также работы сопоставительного характера.

Татьяна Борисовна воспитала не одно поколение филологов-романистов, и не только итальянистов. Под ее руководством были защищены десятки диссертаций, а некоторые из учеников Татьяны Борисовны, став впоследствии докторами наук, развивают научную традицию, заложенную ею.

Уход Татьяны Борисовны Алисовой из жизни не означает ее ухода из науки, которой она посвятила всю свою жизнь. Многие ее идеи остаются актуальными и вдохновляют нынешнее поколение ученых-романистов.

Д.Л. Гуревич, Л.И. Жолудева

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 9. ФИЛОЛОГИЯ» ЗА 2014 ГОД**

	№	С.
Статьи		
<i>Бархударова Е.Л.</i> Закономерности строения слога в родном языке как фактор появления иностранного акцента.....	4	57
<i>Богданова О.А.</i> Роман-эпопея XX века: «восстание масс» в «Жизни и судьбе» В.С. Гроссмана.....	1	95
<i>Волков А.А.</i> Создание письменно-литературного старославянского языка как творческий акт	5	110
<i>Волошина О.А.</i> Фридрих Шлегель и Франц Бопп (флексия и агглютинация как две тенденции развития индоевропейского слова)	1	33
<i>Воробей С.И.</i> Анализ системных зависимостей стилистических, полисемических и частеречных характеристик лексики (на материале «Большого толкового словаря русского языка»)	2	25
<i>Злочевская А.В.</i> Интертекстуальная реальность в романах Г. Гессе «Степной волк», В. Набокова «Дар» и М. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	3	48
<i>Князев С.В., Грамматчикова Е.В.</i> Русские заударные гласные в предупредной позиции внутри синтагмы.....	5	122
<i>Кормилов С.И., Аманова Г.А.</i> Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев). Статья 3	1	59
<i>Кузнецова И.Н., Курбанова К.И.</i> Эмфатическое и тема-рематическое членение фразы во французском языке в сопоставлении с русским языком	6	67
<i>Либерман А.С.</i> (США). Как переводить сонеты Шекспира? / С вступит. Словом О.А. Смирницкой.....	3	7
<i>Лобанова Л.П.</i> Грамматическая картина языка, мышление и духовное развитие народа в концепции В. фон Гумбольдта	4	75
<i>Лунд К.-Х., Иванова О.В.</i> (Дания) Под знаком севера: языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в конце XVI в.	5	87
<i>Любжин А.И.</i> «Русский Гомер». Опыт о литературной репутации. Часть III	1	48
<i>Макарова Л.Е.</i> Развитие теории словесности в русских риториках конца XVIII – начала XIX века (на материале трудов М.В. Ломоносова, И.С. Рижского, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча)	6	76
		233

	№	С.
<i>Макеев М.С.</i> Об источниках образов стихотворения Н.А. Некрасова «Сон» (1877): Некрасов и Николай Федорович Фермор	6	94
<i>Машикова А.Г.</i> Поэтика метатрилогии Станислава Ракуса	3	59
<i>Михеев М.Ю.</i> Переключки «Яра» Есенина с «Тихим Доном» Шолохова – сюжетные, мотивные и текстуальные заимствования.	4	123
<i>Моисеева Е.В.</i> Особенности реализации гласных первого предударного начального неприкрытого слога внутри синтагмы в современном русском литературном языке	3	94
<i>Никитина Е.Н.</i> О винительном падеже при глаголе <i>ждать</i>	5	135
<i>Першина Н.С.</i> Категориальный класс компаративов в русском языке и его включенность в поле предложных единиц	1	7
<i>Петров А.М.</i> Числовые модели в поэтике русских духовных стихов (категории времени и пространства)	2	7
<i>Полтавец Е.Ю.</i> «Война и мир» Л.Н. Толстого на фоне религиозно-дидактического эпоса.....	4	101
<i>Семенов В.Б.</i> Нефранцузская Мария Французская, знаменитый неизвестный Бледри Валлиеца и противоречия в истории литератур западноевропейского Средневековья.....	3	28
<i>Сидорова М.Ю.</i> «Дом, в котором...» живет зрительный модус: от точки зрения персонажа к построению замысла автора.....	3	75
<i>Смирнов А.А.</i> Символика романтической мечты в поэзии М.Ю. Лермонтова	2	239
<i>Солганик Г.Я.</i> О структуре речи (категории производителя и субъекта речи).....	4	90
<i>Степанов А.Г.</i> Стихотворение и его прозаический парафраз: семантические различия.....	1	78
<i>Чавчанидзе Д.Л.</i> Комментарии Пушкина к западноевропейской литературе его времени.....	5	145
<i>Чекалина Е.М.</i> Аналитическая конструкция с аспектуальной семантикой в современном шведском языке	6	48
<i>Шервашидзе В.В.</i> «Галлюцинаторные кошмары XX века, управляемые юмором катастроф и лагерей» в романах А. Володина	3	66
<i>Шешкен А.Г.</i> Илья Николаевич Голенищев-Кутузов – переводчик поэзии югославян в России (к 110-летию со дня рождения)	6	108
Материалы и сообщения		
<i>Андрейчук К.Р.</i> Символы в новелле Пера Лагерквиста «Вечная улыбка»	6	146
<i>Бальони Э.</i> (Италия). Стихи Всеволода Некрасова в переводе на итальянский язык	3	139

	№	С.
<i>Блок Э.Е.</i> Прогноз звуковых замен в речи инофона на основе контрастивного лингвистического анализа и эмпирических наблюдений (на материале русского и немецкого языков).....	6	176
<i>Ван Хуа</i> (КНР). Сопоставление названий улиц в китайской и русской лингвокультурах (на материале названий по именам исторических лиц).....	1	219
<i>Власова Е.А.</i> jako recitativum в древнерусских летописях XI–XIII вв.	2	102
<i>Волкова А.Г.</i> Поэтика христианских проповедей IV–V вв. с драматическим элементом: рождественская гомилия Афанасия Александрийского	5	183
<i>Герасимова К.А.</i> К вопросу о сферах бытования стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» в России во второй половине XIX века	5	203
<i>Герасимова К.А.</i> Н.С. Лесков и книгоиздательство «Посредник»	6	123
<i>Голенко Ж.А.</i> Интерпретация и автобиографическое измерение: перформативный извод антропологического поворота	3	152
<i>Емельянова Э.В.</i> Организация контекста родовых саг как средство трансляции культурной информации на примере сведений о «воспитании» и «жизнедарении»	1	43
<i>Жучкова А.В.</i> Гипнотический язык поэзии О. Мандельштама	2	155
<i>Зверев А.С.</i> Пунктуационные заключительные частицы в японском языке	5	170
<i>Ивинский А.Д.</i> К истории Собрания сочинений императрицы Екатерины II: почему не был издан шестой том	1	106
<i>Инь Лю</i> (КНР) Дионисийское и аполлоническое начала в романе Е.А. Нагродской «Гнев Диониса»	1	180
<i>Индыченко А.А.</i> Особенности письменного узуса чешских грамот, происходящих из Словакии и Малопольши в XV – первой половине XVI в.	1	36
<i>Касаткина К.В.</i> О некоторых особенностях психологии «подполья» в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского	1	164
<i>Козюра Е.О.</i> Введенский и Семен Бобров	1	189
<i>Колясева А.Ф.</i> К вопросу о типологии специальной лексики: терминология и номенклатура	1	197
<i>Коконова В.Б.</i> «Романсейро» Ж.-Б. Алмейды Гаррета как защита и прославление португальской народной культуры	4	175
<i>Кулешова М.А.</i> Пейоративные названия лиц со значением признака в словенском и сербском языках	2	123
<i>Курсакова Е.И.</i> Течение Католической Модерны в контексте словацкой поэзии 30–40-х годов XX века	6	160

	№	С.
<i>Лебедева Ю.Н.</i> От любекского патриция к «одному простому молодому человеку» (Бюргерский герой и взгляд повествователя в «Будденброках» и «Волшебной горе» Томаса Манна).....	1	172
<i>Ли На</i> (КНР). Образ Москвы в повести «Собачье сердце» М.А. Булгакова	2	169
<i>Ли Чжухонг.</i> Корпусный анализ форм будущего времени в русском языке: статистика и коллокационные закономерности	6	169
<i>Муштанова О.Ю.</i> Средневековый рыцарский роман: особенности трансформации жанра в романе Умберто Эко «Баудолино»	5	208
<i>Октябрьская О.С.</i> Концепция личности в исторической прозе Сергея Алексеева для детей	3	147
<i>Октябрьская О.С.</i> Роль семьи в воспитании ребенка в романе Валентины Осеевой «Динка»	6	139
<i>Панюта С.И.</i> Поэтика жанра французской литературной сказки эпохи просвещения и <i>contes</i> аббата Вуазенона	2	131
<i>Перишкина А.Н.</i> Анонимные тексты в журнале «Время»: опыт атрибуции	1	146
<i>Попова О.В.</i> Реализация начального алефа в формах Gtn-ПОРОДЫ глагола <i>arālu(m)</i> в нововавилонских текстах из Ура.....	6	189
<i>Сафуанова А.И.</i> Типология героев-протагонистов в русской драматической сказке 1930–1940-х годов (На материале пьес Е.Л. Шварца, С.Я. Маршака и Т.Г. Габбе).....	6	131
<i>Снесарева М.Ю.</i> Дублинцы и их ирландский: палатализация в условиях двуязычия.....	6	196
<i>Соколова Е.Г.</i> Метод дискурсивных контекстов на фоне других методов описания семантики глагола (глаголы <i>угодить, заключить, засунуть</i>)	5	155
<i>Тимофеев В.В.</i> Особенности реализации согласных на конце русских приставок в современном русском литературном языке ...	1	206
<i>Терешкина Д.Б.</i> Минейный код в ораторской прозе Феофана Прокоповича	5	193
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Антропология <i>иного</i> : проблема личности в журнале Н.П. Осипова «Что-нибудь от безделья на досуге»	2	137
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Циклизация в журнале Н.И. Новикова «Труть»	4	166
<i>У Бо</i> (КНР) Речевой жанр благодарности в русском языке (в сопоставлении с китайским)	3	158
<i>У Луцянь</i> (КНР). О языке цветов в романе И.С. Тургенева «Дым»	2	149
<i>Утяшев А.Р.</i> Семантика гипертекстовых переходов в новостном интернет-ресурсе	3	177
<i>Фалдина М.В.</i> Средства выражения семантики «интенсивности» в языке А.П. Чехова.....	3	168

	№	С.
<i>Федотов А.С.</i> А.Н. Островский и петербургский книгоиздатель Д.Е. Кожанчиков: история издания второго прижизненного собрания сочинений драматурга.....	1	126
<i>Федько М.В.</i> К исследованию лексико-семантической группы власть в готском и древнеисландском языках (на примере подгруппы правитель): опыт этимологической стратификации	1	231
<i>Шилова Е.В.</i> Прилагательное СТРАННЫЙ в структуре текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот»	4	155
<i>Шелемова А.О.</i> Заглавия и зачины в древнерусских памятниках киевского периода	2	94
<i>Юн Со Хюн</i> (Южная Корея) Диалогизация монолога как «событие рассказывания» (на материале пьес А.П. Чехова).....	3	127
<i>Янь Юй</i> (КНР). К вопросу о разграничении функциональных типов стилистической деривации	2	113

К 200-летию М.Ю. Лермонтова

<i>Бодрова А.С., Вдовин А.В.</i> Лермонтов в советской школе (1953–1991): канон, идеология, педагогика	5	33
<i>Ефимова С.Н.</i> Записи и наброски М.Ю. Лермонтова, не ставшие записными книжками	4	44
<i>Зайцева И.А.</i> «Наука души» («Герой нашего времени» и письма Гоголя 1840-х годов).....	4	33
<i>Зыкова Г.В., Пенская Е.Н.</i> Д.Е. Максимов в переписке с А.И. Журавлевой: Документы к истории лермонтоведения второй половины XX века	6	34
<i>Кормилов С.И.</i> Знаки социального престижа в творчестве Лермонтова (чины, награды, дворянские титулы)	4	7
<i>Кормилов С.И.</i> Роман о преходящем и вечном. Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени». Статья первая.....	5	7
<i>Кормилов С.И.</i> Роман о преходящем и вечном: социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени». Статья вторая.....	6	7
<i>Москвин Г.В.</i> Первый период творчества М.Ю. Лермонтова (ранняя лирика).....	3	107
<i>Поташова К.А.</i> «Ангел Рафаэля» в жизни и творчестве Лермонтова (к вопросу о возможном источнике рисунка «Младенец, тянущийся к Матери»)	5	54
<i>Савинков С.В.</i> Отец и сын в мире Лермонтова: логика противостояния.....	3	116
<i>Тахо-Годи Е.А.</i> Л.П. Семенов – исследователь творчества М.Ю. Лермонтова	5	78

237

	№	С.
<i>Хоронов С.В.</i> «Штосс в жизнь» Б. Пильняка в контексте советской беллетристики о Лермонтове, вышедшей в 1928 г.	5	63
К 125-летию со дня рождения А.А. Ахматовой		
<i>Кормилов С.И., Аманов Г.А.</i> О стихе переводов Анны Ахматовой из китайской поэзии	2	62
<i>Мальцева О.А.</i> Пророческое начало в лирике А. Ахматовой и Б. Пастернака: к проблеме мифологизации жизненного пути поэта.....	2	53
<i>Руденко М.С.</i> «И дивясь, и радуясь много...» (Преображение как эстетическая категория в художественном мире Анны Ахматовой) ...	2	48
Дела и люди Московского университета		
К 90-летию со дня рождения И.Ф. Волкова	2	180
Критика и библиография		
<i>Архангельская А.В., Алпатов С.В.</i> Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej / Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы: Т. 1 Eliza Małek. Первый древнерусский перевод Апофегмат Беняша Будного. Исследование и издание текста. Łask, 2011; Т. 2 Eliza Małek, Siergiej Nikołajew. Апофегматы Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź, 2012.....	1	239
<i>Гилярова К.А.</i> Du mot au texte: Etudes slavo-romanes / Olga Inkova (ed.). Bern: Peter Lang SA, 2013 (От слова к тексту. Славяно-романские изыскания / Под ред. О. Иньковой. Берн: Изд-во Петер Ланг, 2013).....	3	207
<i>Злочевская А.В.</i> К ш и ц о в а Д. Хождения в Святую землю XII–XX веков. Мифы и реальность в чешских и русских паломничествах. Брно: Университет Масарика, 2013.....	2	191
<i>Изотов А.И.</i> H r d l i č k a М. Kapitoly o češtině jako cizim jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010	1	249
<i>Красильников Р.Л.</i> Х о л и к о в А. А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.....	3	193
<i>Кормилов С.И.</i> Э к ш т у т С. А. Закат империи. От порядка к хаосу. М.: Вече, 2012. (Тайны Российской империи).....	3	199
<i>Кретова Е.Д.</i> Литературная культура России XVIII века. Вып. 5 / Под ред. П.Е. Бухаркина и Е.М. Матвеева. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 306 с.	6	213
<i>Макеев М.С.</i> Г о н ч а р о в И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 10. Материалы цензорской деятельности. СПб.: Наука, 2014.....	6	207

	№	С.
<i>Мальцева О.А., Павлова Л.В., Романова И.В.</i> Баевский В.С. Остра- нение: К поэтике Бориса Пастернака. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013	5	220
<i>Михайлова М.В., Кравцов А.Н.</i> Е л и н а Е . Г. От девятьсот двадца- тых к двухтысячным: литература, журналистика, литературная критика: Сб. статей. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2012.....	3	215
<i>Потапов В.В.</i> L e h f e l d t W. Akzent und Betonung im Russischen. 2, verb. Und erw. Aufl . Munchen; Berlin; Washington, D.C.: Verlag Otto Sagner, 2012	4	200
<i>Семенова А.Л.</i> Лермонтов и история: Сб. научн. статей / Отв. ре- дактор В.А. Кошелев. Великий Новгород; Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2014	2	202
<i>Харитонова А.Е.</i> О р а и ч Т о л и ч Д. Хлебников и авангард / Пер. с хорват. Н. Видмарович. М.: Вест-Консалтинг, 2013	1	245
<i>Холиков А.А.</i> К о л о б а е в Л. А. И.А. Бродский: анализ поэти- ческого текста. М.: ООО «Русский импульс», 2014.....	4	187
<i>Шедловская А.Ю.</i> Материалы V Международной научной конфе- ренции, посвященной 200-летию со дня рождения И.А. Гонча- рова: Сборник статей русских и зарубежных авторов. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2012	2	195
<i>Шедловская А.Ю.</i> Н е д з в е ц к и й В. А. Русский роман XIX века: спорные и нерешенные вопросы жанра. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013	3	186
<i>Шелемова А.О.</i> Р а н ч и н А. М. Путеводитель по «Слову о полку Игоре»»: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского универ- ситета, 2012	4	194

Научная жизнь

<i>Амирханян М.Д., Кормилов С.И.</i> Тургеневская конференция в Ере- ване	4	206
<i>Архангельская А.В.</i> «Ломоносовские чтения» в Филиале МГУ в г. Севастополе	2	214
<i>Беликов А.Е.</i> День науки на филологическом факультете – 2014 ...	2	211
<i>Боронникова Н.В.</i> VI Русско-Македонская научная конференция (Пермь, сентябрь 2014)	5	224
<i>Евдокимов А.А.</i> О юбилейной Огаревской конференции	2	219
<i>Жигалов А.Ю.</i> Конференция «“Повесть временных лет”: поэтика и история текста».....	2	217
<i>Золотухина А.И.</i> «Классическая филология в контексте мировой культуры – VII». Научные чтения, посвященные 90-летию со дня рождения Валентины Иосифовны Мирошенковой» (МГУ, 26 ноября 2014 г.).....	6	225

	№	С.
<i>Кормилов С.И., Черный Ю.Ю.</i> Лермонтовская конференция в Чечне	3	220
<i>Москвин Г.В., Пуряева Н.Н.</i> Юбилейная лермонтовская конференция на филологическом факультете МГУ	6	218
<i>Мотеюнайте И.В.</i> Международная научная конференция «Будущее как сюжет»	3	228
<i>Николаева С.Ю.</i> VIII Чеховские чтения в Твери	2	227
<i>Онипенко Н.К., Никитина Е.Н.</i> XLV Виноградовские чтения в МГУ – 2014	2	206
<i>Пазио-Влазловская Д.</i> (Польша) Международная научная конференция «Старые и новые границы»	3	234
<i>Пономарева М.Г.</i> XI Васильевские чтения в Ярославле	2	221
<i>Самсонов В.В.</i> Грамматика и корпус: 5-я Международная научная конференция в Варшаве	4	229
<i>Сергеева О.М.</i> VIII Международная научная конференция «Современные методы сравнительно-исторических исследований» ...	1	260
<i>Снесарева М.Ю.</i> Первый европейский симпозиум кельтологов – хроника события	1	256
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Круглый стол «Династия Романовых и русская литература» на филологическом факультете МГУ	4	214
<i>Федорова Л.Л.</i> Карнавал собирает гостей	2	229
<i>Чулян А.Г.</i> Юбилейные Брюсовские чтения в ИМЛИ	4	219

Юбилеи

<i>Владимир Павлович Гудков</i>	3	238
<i>Владимир Прокопьевич Аникин</i>	4	235
<i>Лидия Андреевна Колобаева</i>	4	237
<i>Татьяна Протогеновна Попова</i>	2	238

Памяти...

<i>Александр Андреевич Смирнов (07.05.1941 – 13.10.2014)</i>	5	231
<i>Анатолий Анатольевич Поликарпов (01.03.1944 – 05.09. 2014)</i>	5	226
<i>Ольга Александровна Ржанникова (17.11.1955 – 14.10.2014)</i>	5	233
<i>Сандро Васильевич Кодзасов (14.07.1938–25.10.2014)</i>	5	236
<i>Татьяна Борисовна Алисова (20.02.1924 – 28.11.2014)</i>	6	233